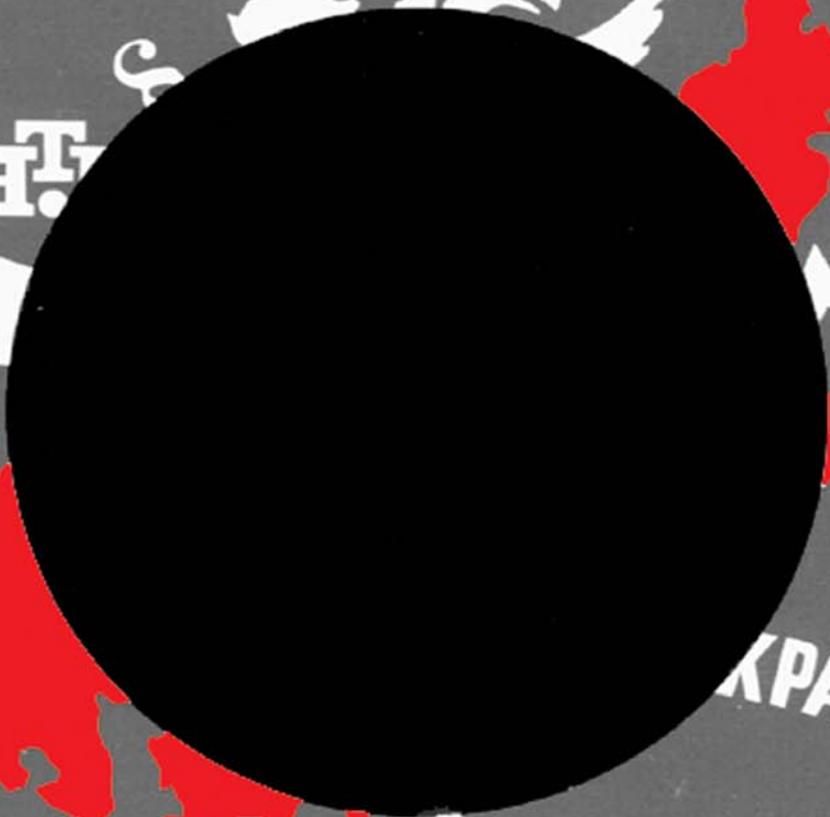

6

2017

РОССИЯ XXI

6.2017 ноябрь-декабрь

Геоглобалистика

Владимир Дегоев

Кавказ в XX веке. Итоги, уроки, намеки истории _____ **6**

Валентина Марьина

СССР – Словакия. Первый опыт дипломатических отношений. 1939–1941 гг. ___ **32**

Россия в мире

Андрей Егоров

«Прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное». Евразийство в оценках русской эмиграции 1920–30-х гг. ___ **56**

Страницы истории

Вячеслав Волков

Русский рабочий в преддверии революции. Формирование пролетариата России во второй половине XIX – начале XX века _____ **72**

Татьяна Савина

«Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов _____ **104**

Андрей Савин, Виктор Деннингхаус

«Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в Брежневскую эпоху _____ **118**

Ярлыки и мифы

Ольга Заиченко

Столица как репрезентация империи
и мифа о «самодержце-
реформаторе» _____ **144**

Редакционная почта

Николай Митрофанов

Жизнь в мавзолеях мифов _____ **176**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий
научный сотрудник Института научной информации по общественным
наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Люди считают, что они свободны
лишь постольку, поскольку
им позволено повиноваться
своим страстям,
а будучи принуждены жить
по предписанию закона,
они думают,
что поступают своим правом.

Бенедикт Спиноза

Война – осуществление естественного права, которым сильнейший пользуется для господства над слабейшим.

Бенедикт Спиноза

Владимир Дегоев

**КАВКАЗ В XX ВЕКЕ:
ИТОГИ, УРОКИ, НАМЕКИ ИСТОРИИ**

УДК
321.013

Как преломились трагические перипетии XX века в судьбах кавказских народов? В какой степени постсоветская история Южного Кавказа связана с предшествующей эпохой? Чего здесь больше: закономерности или стихийности? Пригодны ли исторические уроки в качестве основы для построения будущего без войн и потрясений? Автор статьи пытался лишь поставить эти вопросы, понимая, что найти ответы на них в условиях сегодняшней неопределенности невозможно.

The author focuses on the profound impact the turbulent XXth century had on the destinies of the Caucasus people. In some cases he also tries to cautiously approach the age-old question "what if" when it comes to nowadays developments in the South Caucasus, the former part of the Soviet Union. Whatever the answer, any scholar could feel free to ponder over the future of the Eurasian space in terms of either optimistic or pessimistic scenarios.

Ключевые слова: Кавказ в мировых войнах; планы Запада по расчленению России; Иран; Турция; холодная война; постсоветские реалии.

Key words: the Caucasus in the World Wars; Western plan to dismember Russia; Iran; Turkey; Cold War; Post-Soviet realities.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

Геологическая судьба отвела Кавказу уникальную нишу, увековечив его в роли связующего звена между севером и югом, востоком и западом. На протяжении тысячелетий он был перекрестком миграционных дорог, хранителем целой мозаики археологических культур, местом встречи цивилизаций, полем их конфликтов и поиска согласия. Два моря, омывающие берега Кавказа, со временем превратили его в торгово-транспортную систему мирового значения.

Еще античные авторы, описывая Кавказ, никогда не считали его целостным понятием ни в природно-географическом, ни в этнокультурном плане. Не было этой целостности ни к северу, ни к югу от Большого Кавказского хребта. Долгая история формирования реального, логического единства Кавказа началась с того времени, когда он стал объектом соперничества между крупными державами: Грецией, Римом, Византией, Персией, Османской империей. То есть военно-геополитическим объектом.

В полной мере Кавказ достиг такой «объектности» внутри геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран», образовавшегося в XVI столетии в рамках процесса, носившего скорее искусственный, чем естественный, характер. Соперничество этих государств сделало Кавказ частью системы международных отношений сначала регионального, затем европейского, и, наконец, мирового масштаба. Образно выражаясь, именно заточение в этом «треугольнике» дало основания употреблять понятие «Кавказ» в собирательном политическом смысле. Внешний геополитический контур помог внести определенность в категориальный аппарат, связанный с политической и цивилизационной идентификацией пространства между Черным морем и Каспием.

Остатки аморфности в понятии «Кавказ» окончательно исчезли с включением его в состав Российской империи, где он находился с 1829 по 1918 г. Однако даже этот законный статус не оградил Кавказ от османского реваншизма, время от времени провоцируя там опасные международные кризисы и войны. Пожалуй, их главным генератором была Великобритания, вынашивавшая обширные планы отторжения Кавказа от России под предлогом защиты Индии от «русской угрозы». Эти планы стали частью «большой игры» в Азии, в которой Лондон использовал целый ряд практических инструментов (военная, финансовая, дипломатическая помощь иранскому шаху и турецкому султану; поддержка горцев в Кавказской войне; агентурная деятельность; заявления о том, что в международно-правовом плане кавказский вопрос остается

открытым; методичные усилия по созданию антироссийских коалиций с намерением повторить Крымскую войну; прямая оккупация стратегически важных районов Кавказа) [2, passim; 4, passim; 14, p.99, 193, 217–218, 240–243, 417–419, 423–426 and passim].

С подписанием русско-британского соглашения 1907 года о разграничении сфер влияния в Персии в «большой игре» наступила пауза, без которой невозможно было сформировать Антанту. Но союзнические отношения между Лондоном и Петербургом не избавляли их от глубокого недоверия друг к другу.

Кавказ и Первая мировая

К концу XIX века традиционное военно-стратегическое значение Кавказа дополняется его стремительно растущей ролью в европейской экономике. Не случайно в годы

Первой мировой войны он занял важное место в планах как противников, так и союзников России.

Бурные события 1914–1921 гг. и распад Российской империи обернулись для Кавказа кровавым хаосом, иностранной интервенцией, провальными государственно-политическими экспериментами, устроенными местными националистическими силами и заведомо предполагавшими массовые этнические чистки [11, passim]. С выходом из войны в 1917 году Россия перестала быть союзником Англии по Антанте, что дало Лондону неожиданную возможность возобновить «большую игру». Но прежде русская армия, наголову разбив турок, овладела Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном, Битлисом. Казалось, судьба войны предрешена. Уже даже началось хозяйственное освоение османских территорий, которые по соглашению с Антантой подлежали включению в состав Российской империи... Если бы Российская империя не стала разваливаться под влиянием революционных волнений в Петрограде и Москве, быстро охвативших всю страну и в конце концов приведших к заключению Брестского мира.

В покинутом русскими Закавказье поднялась смута. Имперские государственные институты прекратили свое существование. Разразились межэтнические конфликты, переплетавшиеся с социально-политическими. В первом случае подчас трудно было определить, кто против кого. Во втором – кто за что. Огрубляя ситуацию, можно сказать, что основная линия противостояния разделяла революционно-

большевистские и революционно-националистические силы. А между ними – растерянные и дезориентированные массы, поддержку которых хотели завоевать и те и другие, применяя любые средства. Для преодоления хаоса обе стороны предпринимали лихорадочные усилия по воссозданию государственности, но в соответствии с диаметрально противоположными проектами. Большевики собирались строить тысячелетнее царство справедливости для трудящихся. Их оппоненты – национально-буржуазные государства по далеко не беспорочному европейскому образцу. Идеологическое и пропагандистское преимущество было на стороне большевиков, которым нетрудно было объяснить народу, что они выступают против общества, разделенного на эксплуататоров и эксплуатируемых. Кроме того, по сравнению с только что утраченной сильной имперской властью, обеспечивавшей защиту, порядок и привычный уклад жизни, новорожденные закавказские буржуазные государства выглядели как кукольные, опереточные декорации. Они были не способны гарантировать ни внутреннюю, ни внешнюю безопасность. Своими авантюрными боевыми операциями по перекройке этнических границ они лишь умножали хаос и панику.

Турки не могли поверить своему счастью. Перед ними, еще недавно стоявшими на краю гибели, открылось благодатное поприще для реванша. Турецкое вторжение в Закавказье не заставило себя ждать. Разгромив армянские и грузинские ополчения, османские войска в конце мая 1918 года подошли к Тифлису. Но тут вмешалась Германия, которая ясно дала понять, что не собирается предоставлять союзникам полную свободу действий. Регион был разделен на сферы влияния. Немцы взяли себе Грузию, установили там оккупационный режим и приступили к настоящему грабежу. До конца года они вывезли на 30 млн марок марганца, меди, продукции сельского хозяйства

Туркам Германия позволила действовать в Восточном Закавказье. В середине сентября 1918 год они заняли Баку, а оттуда начали наступление на Дагестан, где были остановлены военными отрядами под руководством местных большевиков.

После капитуляции австро-германского блока в ноябре 1918 года Кавказ, по соглашению между Англией и Францией, попал под контроль англичан. В 1918–1920 гг. они оккупировали часть территорий Закавказья, Северного Кавказа, восточное побережье Черного моря, рассматривая все это как военно-стратегический, политический и экономический плацдарм для расчленения Российской империи, неважно –

красной или белой. Дух «крестоносцев», избавляющих мир от большевистской заразы, также не был чужд британским интервентам [12, р.28–29, 59–60, 128]. Большевизм был ненавистен англичанам не только потому, что он воспринимался как угроза западной цивилизации, но скорее потому, что вокруг этой идеологии сплачивались массы. Их воля, энергия и воодушевление могли превратить Россию в одно из самых могущественных государств, способных влиять на весь мир и особенно Азию. Лондон был исполнен решимости предотвратить этот кошмарный сценарий. Не испытывал он симпатии и к идее Деникина о единой и неделимой России, поддерживая генерала лишь как орудие борьбы с большевизмом и наименьшее зло. Британские планы, похоже, были столь же банальны, как и бесчисленные прецеденты истории: руками Деникина избавиться от большевиков (включая физическое устранение их лидеров), а затем, неважно каким способом, заменить Деникина менее строптивым ставленником. Англии нужна была Россия, выведенная из хаотического состояния и возвращенная в традиционную систему международных отношений, но в ослабленном и, очень желательно, расчлененном виде. Какой бы патологичной ни была ненависть к большевикам таких политиков, как Черчилль, сама по себе она не могла служить горючим материалом для столь масштабной британской интервенции. Требовалась гораздо более веская мотивация, основанная не только на идеологии и эмоциях.

Большинство западных историков утверждает, что в 1917–1920 гг. внезапно возникшие обстоятельства заставили Лондон решать краткосрочные «тактические» (*ad hoc*) задачи – свержение новой кремлевской власти и, до капитуляции Германии и Турции, восстановление русско-германского и русско-турецкого фронтов. Обвинения в стремлении разделить Россию на сферы влияния – не более чем целенаправленная большевистская пропаганда, проникшая впоследствии в советские исторические труды.

Чтобы усомниться в этом, не нужны секретные документы Форин офис, многие из которых не обнародованы до сих пор, что, естественно, наводит на определенные мысли. Официальный, никем не скрываемый раздел России между Англией и Францией в 1918 году – факт, не требующий рассекречивания. Очевидно и другое. Влиятельные представители британской правящей элиты были убеждены, что контроль над Южной Россией и над стратегическими коммуникациями между Черным морем и Каспием нужно непременно держать в собственных руках

как средство защиты Индии. Вопрос о ее безопасности нужно закрыть раз и навсегда независимо от того, существовала ли когда-либо «русская угроза» или нет. Это не означает, что в Лондонском кабинете не слышны были трезвые голоса, призывавшие осознать немислимые масштабы задачи расчленения России. Однако исторические воспоминания (о той же Крымской войне) искушали Англию попытать свое счастье еще раз и одержать наконец победу в «большой игре».

Большие подозрения на этот счет испытывал Деникин, который охотно соглашался на получение британской военной помощи, но категорически противился распространению британского политического влияния на Кавказ. Его возмущению не было предела, когда ему стало известно об англо-французском соглашении о сферах влияния, как будто речь шла о колониальном разделе каких-то африканских территорий. Перед английским генералом Бриггсом, попытавшимся говорить с Деникиным в ультимативном тоне, напрямую был поставлен вопрос: «Кто приглашал англичан на Кавказ? Уж не нацелились ли вы, по примеру немцев, на бакинскую нефть?». На требования Бриггса прекратить боевые действия против грузинских меньшевиков-сепаратистов фактически последовал ответ: «Это не Ваше дело» [12, p.81].

Намерения англичан в отношении Кавказа весьма символическим образом подтверждали послужные списки находившихся там военных. Многие из них имели богатый опыт административного управления Индией. Сквозь призму «колониального менталитета» они не видели никакой разницы между своей прежней работой и тем, что им следовало делать на Кавказе. Их высокомерное поведение осложняло политические задачи Лондона. [12, p.135–136].

Стоит заметить, что сложность ситуации, запутаться в которой было немудрено, придавала британской политике на Кавказе изрядную долю противоречивости. С одной стороны, Лондон поддерживал отделение закавказских квазигосударств от России. С другой, – помогал Деникину, непоколебимому приверженцу идеи единой державы. Впрочем, есть все основания предполагать, что после падения власти большевиков эта помощь прекратилась бы тотчас. «Мавру» пришлось бы уступить свое место лидеру, которого англичане, скорее всего, собирались наделить другой миссией – быть прилежным проводником их интересов на Кавказе. Деникин для этой роли не подходил никак. В Лондоне не сомневались: одолей он большевиков, следующим его шагом было бы возвращение закавказских государств в состав российского государства, и это

сломало бы британские планы. Если англичане рассчитывали найти такого авторитетного лидера, который не помешает, а поможет им, то они заблуждались. Заблуждались еще и потому, что аналогичные примеры из истории европейского колониализма были к России неприменимы.

Британские планы на Кавказе потерпели крах не потому, что они были плохо продуманы (как считают многие западные историки), а помощь Деникину была недостаточной. Белое движение получило от Англии такое количество современного вооружения, которое превышало возможности пустить его в ход [12, р.182]. Дело в другом. Поток событий обретал такое русло, где материальное, моральное, социально-идейное преимущество постепенно переходило к большевикам, опиравшимся на растущую поддержку многонационального кавказского населения. Не было более фатального фактора, способного предрешить победу одних и поражение других. Если бы исход иностранной интервенции на юге России определялся только военно-техническим превосходством англичан, совершенно безоговорочным, то Кавказ был бы потерян для кремлевского руководства за несколько месяцев или даже недель. Однако в том-то и проблема, что в таких войнах побеждают не новейшее оружие, а сложные исторические закономерности, которые в данном случае работали на большевиков. Среди этих закономерностей – фактор решительного неприятия британских колониальных замыслов и со стороны красных, и со стороны белых.

**1920-е – 1930-е:
новые тревоги**

После окончания гражданской войны Советская власть видела свою задачу в восстановлении по сути имперской державы, но с иным политическим, социально-экономическим и идеологическим содержанием. На других основах осуществлялось и национально-государственное строительство, итоги которого были закреплены в уникальной мега-структуре под названием СССР. Кавказские народы стали органичной частью советской сверхдержавы, движущей силой процесса ее становления и развития. Советская сверхдержавная идентичность, чувство полной причастности всех и каждого на своем месте к созданию исторически беспрецедентного общества долгое время служили могучей скрепой для народов нашей страны. Это неформальное, духовное, соборное единение на пути к великим целям ярко

символизировали и «лица кавказской национальности», внесшие бесценный вклад в советскую науку, технику, экономику, культуру. Имя им легион.

Прочность политического фундамента СССР, помимо прочего, обеспечивалась многонациональной властно-управленческой элитой, организованной в форме почти идеально собранной вертикальной конструкции, опиравшейся на местные, низовые административные структуры в виде областных, городских, районных, поселковых Советов. Именно они являлись не только инструментами власти, но и представительными институтами гражданского общества, решавшими жизненно важные вопросы в совершенно конкретной социо-культурной и этнической среде.

Западные «младосоветологи» 1920-х годов предрекали Советскому Союзу скорую гибель. От этих прогнозов не отказывались и позже. Но поскольку «мертворожденный» гигант Евразии и не думал умирать, европейским и американским интеллектуалам пришлось взяться за более глубокое изучение этого феномена, а не выдавать желаемое за действительное.

Пока «советологи» анализировали постреволюционную ситуацию на Кавказе в прогностическом ключе, западные военные, разведчики, люди из высоких политических кругов работали над конкретными планами отторжения Кавказа от СССР, продолжая видеть в этом регионе самое слабое звено советской имперской системы. Планы рассчитывались на перспективу, близость или отдаленность которой пытались предугадать в контексте развития внутривластных и международных факторов. Все это осуществлялось в каком-то смысле впрок, в рамках рутинной работы, характерной для государств, не слишком дружелюбных друг к другу, но вынужденных придерживаться определенного уровня дипломатического прагматизма, коль скоро они не находятся в состоянии войны.

В 1930-е годы отношение Запада к СССР как к «выжившей империи» постепенно меняется. Невиданные темпы ее экономического роста, создавшего предпосылки для ускоренного военного строительства, вынудили западные правительства уже не формально (как в 20-е годы), а реально признать в СССР крупного геополитического игрока. Вопрос о том, как его использовать исключительно в собственных интересах, превращался, в условиях нарастания угрозы войны в Европе, в голов-

ную боль для всех. На европейской шахматной доске началась затяжная непредсказуемая партия со смертельными ставками.

Старозаветная идея «сдерживания» России (в виде ли Московии, Российской империи, Советской России или СССР) потенциально никогда не исчезала из геополитической философии Запада. Шведский барьер на севере, великопольский в Центральной Европе, «восточный барьер» под эгидой Франции, англо-французский «санитарный кордон», «Междуморье» Пилсудского, военно-политические блоки НАТО и СЕНТО (Организация Центрального Договора, англ. The Central Treaty Organization) – лишь исторические разновидности по сути одной и той же идеи. Эти геополитические конструкции именовали благовидным термином «барьер», что вроде бы подразумевало защиту от СССР. Но объективно они являлись наступательными плацдармами, и история взаимоотношений с Западом давала Москве все основания для опасений и для противодействия «стратегии окружения». Далекое оборонительное характер подобных «барьеров» со всей очевидностью выявился во время польско-шведской интервенции начала XVII века, в агрессии Карла XII, в нападении Наполеона на Россию в 1812 г. и англо-французской коалиции в 1854 г., в намерениях Лондона превратить восточный кризис 1875–1878 гг. в новую Крымскую войну. Советское руководство вынуждено было помнить скорее об этих, чем о более обнадеживающих, прецедентах в истории российско-западных отношений.

Из оборонительной логики приходилось исходить Москве также в отношениях с Турцией и Ираном [3, *passim*]. С XVI по XVIII век они, как великие восточные державы с имперскими амбициями, представляли угрозу сами по себе, а впоследствии еще и как сателлиты Англии и Франции, которых к концу XIX века стала теснить Германия.

С приходом к власти Гитлера Западом все настойчивее овладевало стремление отвести от себя исходившую от него угрозу, перенаправив могучую реваншистскую энергию Третьего рейха в русло вековой борьбы с варварским, а теперь еще и с коммунистическим Востоком: нацистскими руками уничтожить «советскую империю» и разделить ее наследство. Обычно такие огромные «пироги», как сказал Бенджамин Франклин, «удобнее всего объедать с краев». Но по поводу кавказского «края» с его богатыми нефтяными и другими ресурсами могли возникнуть большие сложности. На них давно заглядывались Англия, США, Франция, Швеция, Бельгия, Голландия. И уж совер-

шенно наивно было предполагать, что Германия откажется от этого приза. По крайней мере – от львиной доли в добыче. Не будем забывать, что на участие в разделе кавказских богатств претендовали также Турция и Иран, ссылаясь на свои исторические права, узурпированные Россией. Общие очертания расклада сил в будущей битве за Кавказ обозначились еще в Первой мировой войне. Опираясь именно на этот опыт, Англия на рубеже 1930-х – 1940-х годов разрабатывала стратегические планы удара по южному флангу СССР. (Об этом ниже).

Идеология и геополитика

Идеология (в данном случае антибольшевизм, антисоветизм и русофобия) никогда не была главным побудительным мотивом в политике Запада. Но после 1917 года она стала

неизменной составной частью целого комплекса императивов, определявших позиции европейских стран в «русском вопросе». Пожалуй, ту же всего эти императивы сплелись во внешнеполитических курсах Англии, Франции и, позже, Германии. Излишне говорить, что реализация любых антисоветских замыслов представлялась крайне проблематичной без привлечения Турции и Ирана в качестве военно-стратегического, политического, разведывательного, пропагандистского (и т.д.) подспорья. Столь же очевидна и далеко не всегда демонстрируемая готовность Стамбула и Тегерана делать вид, будто они согласны на роль ведомых, что было далеко не так. Для Турции и Ирана советский Кавказ являлся куда более близким сердцу и куда более, так сказать, экзистенциальным вопросом, чем для Европы. Он был одновременно источником и страха, и сильного искушения взять исторический реванш, используя сложные перипетии международной обстановки.

Точка схождения всех этих побуждений – отторжение Кавказа. Она же – точка расхождения, ибо тут же возникала проблема «справедливого» дележа, чреватая, как показали события 1914–1921 гг., военными столкновениями между бывшими партнерами и образованием совсем других фронтовых линий. Ни о каком консенсусе не могло быть и речи. Ни внутри молодых кавказских субъектов, ни между внешними игроками.

В турецком и иранском самосознании связь между идеологией и геополитикой присутствовала всегда, представляя собой классическое

выражение имперского комплекса. На протяжении истории этих государств он проявлялся с разной степенью отчетливости.

Идеологической подпиткой внешней политики Стамбула долгое время служили паносманизм и панисламизм. На смену им пришел кемализм – турецкий национализм, соединенный с идеей вестернизации и лишь формально отделенный от имперской идеи, открытую пропаганду которой Ататюрк не мог себе позволить по целому ряду веских соображений. Первый президент Турецкой республики строил сильное современное государство с прицелом на будущее. Свое правление он, скорее всего, рассматривал как стадию накопления потенциала для решения гораздо более амбициозных задач, публично высказываться о которых в тех международных условиях было рискованно.

Еще с конца XIX века на роль государственной доктрины стал претендовать пантуранизм (пантюркизм), набиравший широкую популярность. Это была демонстративная апелляция не столько к великому имперскому прошлому (хотя и к нему тоже), сколько к великому имперскому будущему. Это означало собирание под эгидой Стамбула всех тюркоязычных народов Крыма, Кавказа, Поволжья, Средней Азии. Хотя Ататюрк подавлял наиболее оголтелые и несвоевременные манифестации пантуранистов, его глубокое духовное родство с ними существовало. Ататюрк отвергал не суть этой идеологии, а прямолинейность, радикализм и нетерпеливость ее сторонников. Практически все его приближенные были в душе пантуранистами, и, придя к власти в 1938 году (после смерти Ататюрка), они уже не столь усердно скрывали это.

Иранской версией имперской идеи являлся паниранизм, предполагавший объединение всех народов, говорящих на фарси и воспитанных в традициях древней персидской культуры. Эта доктрина была тесно связана с исторической памятью о великом прошлом Персии, об эпохах ее державного и культурного расцвета, плоды которого стали бесценным духовным достоянием всего человечества. Эта память была жива и в периоды глубокого упадка государства. Из нее нельзя было вытравить тот факт, что большая часть Закавказья долгое время находилось в составе Персидской империи, а Северо-Восточный Кавказ являлся сферой ее политического, экономического и культурного влияния. В ирредентистских планах Тегерана эти территории присутствовали сначала в гипотетическом смысле, а затем, под влиянием модернизации, вестернизации и растущего национального самосознания, уже и в практическом.

Кавказ в планах уничтожения СССР

В русско-турецко-иранском «треугольнике» главным источником напряжения, кризисов и вооруженных столкновений был Кавказ, даже после того как он вошел в административно-

политическую систему Российской империи. Инициаторами практически всех русско-турецких и русско-иранских войн на Кавказе были Стамбул и Тегеран, чаще явно, чем тайно, поддерживаемые Западом. Иными словами, история не давала Москве особых поводов к оптимизму на южном направлении. Обеспечение безопасности кавказских границ было неотделимо от общей внешнеполитической и военно-оборонной проблематики СССР на протяжении всего периода его существования.

С победой большевиков «барьерные» доктрины трансформировались в идею возведения вокруг Советской России и СССР «санитарно-карантинных» кордонов против проникновения на Запад коммунистической инфекции. Однако эта функция органично соединялась с потенциальными планами коалиционного удара по возрождающейся империи. Дополнительное идеологическое обоснование для него было, конечно, не лишним, но вовсе не обязательным.

Турции и Ирану, граничившим с Кавказом, отводилось в этой стратегии важное место. В 1930-е годы Анкара и Тегеран – каждый в меру своего понимания ситуации, дипломатической изворотливости и стратегических возможностей – лавировали между западноевропейскими державами, СССР и фашистской Германией. Высказываемая в историографии мысль об исключительно оборонительном характере этого лавирования вызывает большие сомнения.

Не лишне повторить, что имперские амбиции пустили глубокие корни в турецком массовом сознании, принимая разную идеологическую окраску: паносманизм и панисламизм, затем пантюркизм (концепт «Великого Турана»). Радикальные реформы Ататюрка, казалось бы, символизировавшие разрыв с имперским прошлым, на самом деле явились лишь его продолжением в форме светской модернизации, нацеленной на строительство сильной, современной, моноэтнической державы. Самоотверженную решительность во внешней политике младотурки, вдохновленные своим выдающимся лидером, показали в войне с Грецией, в аннексии Западной Армении (российской Карсской области), которую в Стамбуле считали возвращением исконных турецких земель. Сепаратистские попытки курдов были подавлены с беспрецедентной жестокостью.

Своими искусными дипломатическими шагами Ататюрк создал Турции репутацию «удовлетворенного государства», свободного от ирредентистских фантазий. Это значительно облегчило осуществление политики по трем уже указанным направлениям (Запад, Германия, СССР), чтобы в зависимости от ситуации вовремя перенести акцент на тот или иной вектор. В стремлении быть политическим субъектом, а не объектом Ататюрку иногда удавалось склонять внешние силы к мысли, что они нуждаются в нем больше, чем он в них.

Хотя преемникам Ататюрка такого таланта не хватало, они старались идти по его стопам, чтобы, маневрируя, играя на противоречиях между великими державами, не афишируя свои далеко идущие замыслы, реализовать идеалы пантуранизма, причем не только за счет Кавказа. Стамбул ждал своего часа. Надвигающаяся война давала шансы и на сказочный геополитический выигрыш, и на катастрофическое поражение. Главное – учесть горькие уроки Первой мировой войны и вовремя почувствовать тот момент, когда можно с наименьшим риском присоединиться к побеждающей стороне и получить «справедливую» долю из призового фонда.

Так в турецкой внешнеполитической стратегии 1930-х появились «три корзины» с насадками для высживания яиц. Расчет был на то, что хотя бы у какой-то из них должно получиться.

Турецко-западноевропейские отношения развивались весьма плодотворно. Лондон и Париж помогли Стамбулу решить пограничные проблемы с Ираком и Сирией. Способствовали предоставлению Турции права военного контроля над Проливами в случае угрозы ее безопасности. Фактически поощрили несколько волн репрессий против курдов. Летом 1939 года Англия и Франция заключили с Турцией договоры о союзе, гарантировавшие ее безопасность. В Анкаре приободрились: если у Запада хватит сил сокрушить Германию, турки будут в числе победителей. На тот случай, если не хватит, Анкара решила сохранять дружественные отношения с Берлином, оказывая ему существенную торгово-экономическую помощь, прежде всего сырьевыми поставками стратегического назначения.

Распространенная в историографии идея о крайней осторожности, якобы характерной для турецкого правительства накануне и в период войны, плохо согласуется с реальностью, которая свидетельствует о готовности Анкары участвовать в англо-французских военных планах (1939–1940 гг.) вторжения на Кавказ после массированных авианалетов

на Баку, Поти, Батуми, Туапсе, Грозный, Майкоп с целью разрушения нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих и нефтетранспортных предприятий. В результате воздушных разведок, осуществленных при активном содействии турок, было установлено точное количество нефтеперерабатывающих заводов в Закавказье и на Северном Кавказе. Видимо, в память о Крымской войне Англия, Франция и Турция собирались развернуть военные действия еще и на кавказском побережье Черного моря с применением авианосцев. На оперативных совещаниях разных уровней говорилось о необходимости «послать Россию в нокаун» именно на Кавказе. Нигде она так не уязвима стратегически, экономически и политически. Согласно английским источникам, речь также шла о западной помощи в оснащении турецких войск на границах с Закавказьем и проведении там секретных операций по подготовке антисоветских выступлений. Более того, ставился вопрос о бомбардировке целей «глубоко внутри России» [9, с.205–209, 212–213].

Все это происходило на фоне очень «странной» войны Англии и Франции против Германии. Между тем в отношении СССР полным ходом шла подготовка настоящей войны. Проблема ее морального оправдания не беспокоила западные правительства. В то, что они помогают «беззащитной» Финляндии, можно было бы поверить, если бы разработка планов удара по СССР с юга не продолжалась после окончания советско-финляндской войны (13 марта 1940 года) с еще большим усердием. На ближневосточных аэродромах шло размещение целых авиационных эскадрилий – дальних бомбардировщиков и истребителей английского и американского производства. Специально оборудованные самолеты-разведчики произвели подробную фотосъемку всех нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Баку и Батуми, наметив тем самым цели для бомбовых ударов [9, с.211,218].

Согласно англо-французским источникам, 15 мая все было готово для массированных воздушных налетов на Баку и другие стратегически важные центры Закавказья. Западные специалисты не скрывали, что эти операции приведут к «значительным потерям среди мирного населения», но победа на Кавказе оправдывает все риски и издержки. Кавказская тема не снималась с военной повестки дня до нападения Гитлера на СССР. Правда, после позорной капитуляции Франции (22 июня 1940 г.) Лондону пришлось заниматься этой проблемой в одиночестве. Она по-прежнему навязчиво преследовала британское правительство, сохраняя

его агрессивную настроенность. (Даже после начала советско-германской войны англичане не спешили отказываться от этих планов.)

Оперативные данные, приходившие к Сталину в 1939–1940 гг., склоняли его к убеждению, что Англия является главным врагом СССР, опирающимся на тайную и явную помощь Турции и Ирана. Отсюда растущее недоверие к южным соседям СССР, в том числе к их «мирным инициативам» и мнимому нейтралитету. С начала апреля 1940 г. Сталин стал перебрасывать с финского фронта в Закавказье и на Северный Кавказ войска, авиацию, зенитную артиллерию. Количество боевых соединений и тот факт, что они уже имели опыт ведения современной войны, говорили о серьезных опасениях Сталина относительно возможности возникновения южного фронта.

Трудно допустить, чтобы, вовлекая Анкару в столь рискованные авантюры, англичане и французы не понимали, что они играют на самых чувствительных струнах пантуранского имперского сознания, совершенно нетерпимого к самому факту пребывания тюркоязычных, тяготеющих к исламу народов в советском коммунистическом «застенке».

Иран в поисках исторического реванша

Иран уступал Турции в силе, влиянии, темпах модернизации. И в чувстве реализма. В 1919 году тегеранские представители поразили буйством своих внешнеполитических фантазий делегатов Версальской конференции, где были заявлены претензии на Кавказ, Среднюю Азию, Северный Ирак и всю акваторию Персидского залива [9, p.174].

В 1920-х годах Тегеран перешел к выстраиванию более прагматической системы международных связей, стараясь, не всегда успешно, избегать обострения отношений с соседями и с великими державами.

Следующее десятилетие – критическое в мировой политике – поставило Иран перед тяжелой проблемой выбора, в решении которой он последовал примеру Турции. Шах Реза Пехлеви, продолжая модернизацию страны, включая военно-техническую область, искал такие формы взаимодействия с внешним миром, которые позволяли бы ему находиться в относительно добрых отношениях, но на равном удалении от трех главных центров силы: Запада (в лице Англии и Франции), СССР и Германии. Это была стратегия выжидания того момента, когда оконча-

тельно сформировавшиеся коалиции схватятся между собой и четко обозначится перевес одной из них, чтобы примкнуть к ней с целью получения своей доли от трофеев победы.

Балансировать между великими державами было чрезвычайно сложно, ибо они сами хотели использовать Иран в своих интересах, а вовсе не превращаться в объекты его манипуляций. В этом смысле Тегеран и Стамбул находились почти в одинаковом положении, что вынуждало их и действовать соответственно.

То, что в западной историографии традиционно представляется как «оборонительная стратегия» Ирана, у Советского Союза, располагавшего хорошо осведомленной разведсетью на Ближнем Востоке, вызывало только подозрения, перераставшие в опасения. Реза Пехлеви, маневрируя в большом «силовом треугольнике» (СССР, западные державы, Германия), действовал в нескольких направлениях: политическом, дипломатическом, торгово-экономическом. Он пытался заставить крупных мировых игроков соперничать за его благорасположение, используя известный набор «аргументов слабейшего» (по выражению французского историка Антонена Дебидура). Такая стратегия, временно снимая напряжение в одних вопросах, накапливала его в других. Среди «других» постепенно стали доминировать советско-иранские отношения. Особенно после того, как шах под прикрытием фиктивного нейтралитета стал проявлять активный интерес к военно-техническому сотрудничеству с Англией и Францией, параллельно идя на сближение с Германией, то есть взаимодействуя с потенциальными противниками СССР в грядущей войне.

В 1920-е годы Тегеран, в нарушение договора с Советской Россией (1921 г.), выказывал согласие на предоставление британским и американским фирмам нефтяных концессий. От этой затеи пришлось отказаться из опасений, что Москва, в то время главный торговый партнер Ирана, предпримет серьезные ответные меры. В 1937 году Реза Пехлеви все же предоставил одной американской компании право на разработку нефтяных месторождений на севере страны, что являлось открытым вызовом Советскому Союзу. Эта сделка сорвалась лишь потому, что американцы по ряду причин передумали [9, p.175–176].

В 1931 году шах ввел государственную монополию на внешнюю торговлю, что подорвало советское экономическое влияние в Иране и нанесло Москве финансовый ущерб. Напротив, Англия, успешно урегулировав два нефтяных конфликта с Тегераном (1927 г. и 1932 г.), укреп-

пила свои позиции в этой важной отрасли, к немалому неудовольствию СССР.

Новый повод для подозрений Иран дал в 1937 году, когда он стал участником Саадабадского пакта, или Ближневосточной Антанты (наряду с Турцией, Ираком и Афганистаном). Пакт был заключен при активном содействии и под покровительством Великобритании. Сталин не без основания усмотрел в этом враждебный по отношению к СССР акт и попытку создать против него южный санитарный кордон. В перспективе эти подозрения в полной мере подтвердились после войны, когда Ближневосточная Антанта нашла продолжение в антисоветском блоке СЕНТО.

Большую тревогу в Москве вызывало германское проникновение в Иран. С 1928 года этот процесс развивался впечатляющими темпами. За 10 лет доля Германии во внешней торговле Ирана достигла 41 %, а количество немецких резидентов в стране (специалистов разных профилей, включая шпионов) составило – только по официальным данным, не включавшим большое количество «поклонников» восточных культур, – 2000 человек. В правящих иранских кругах были очень сильны пронацистские настроения, которые германская пропаганда возбуждала так же искусно, как и эксплуатировала, утверждая об общеарийском происхождении обоих народов и превознося Резу Пехлеви как «просвещенного правителя». Шах, не оставаясь в долгу, открыто восхищался Гитлером и установленным им политическим режимом, самым надежным барьером против коммунизма. Все это подняло волну паниранского национализма, на гребне которой тегеранское руководство обрело чувство самоуверенности в ущерб трезвому взгляду на вещи [9, p.176–178].

Первые наиболее очевидные симптомы расхождения с реальностью Тегеран продемонстрировал в конце 1939 – начале 1940 г., дав Англии и Франции понять о своем намерении участвовать в осуществлении планов нападения на СССР с юга. Если бы Реза Пехлеви был уверен в недолговечности советско-германского пакта о ненападении, он, скорее всего, предложил бы свои союзнические услуги не Лондону и Парижу, а Берлину.

1 февраля 1940 года военный министр «нейтрального» Ирана А.Нахджаван поставил перед английскими представителями в Тегеране вопрос о закупке 60 бомбардировщиков и 35 истребителей для ведения боевых действий на Кавказе в соответствии с британскими планами.

Начало Второй мировой войны вселило в шаха большие надежды на великодержавное возрождение с помощью нацистской Германии, с которой тегеранское правительство активно сотрудничало. В мае 1940 года оно открыто заявило, что границы Ирана с Советским Союзом (в Закавказье и Средней Азии) «не являются официальными», сопроводив этот демарш демонстративной картографической ревизией [1, с.15–16].

И поляки тоже...

Кроме тех факторов, благодаря которым в советско-турецких и советско-иранских отношениях накапливался взрывоопасный потенциал и усиливалась вероятность коалиционного нападения на южные районы СССР, отметим еще один. Он может показаться совершенно неожиданным, но лишь тем, кто не знает историю международных коллизий вокруг Кавказа. Напомним, что еще в период Кавказской войны, в 1830–1860-е годы, польская агентура поддерживала горцев против России всеми возможными средствами. Теперь, сто лет спустя, поляки вступают в тайные переговоры с Анкарой с предложением своей помощи в создании на турецко-советской границе военных арсеналов для вторжения в Закавказье. Хорошо информированные источники сообщали, что Турция приветствовала все политические силы и движения, направленные на борьбу с СССР [10, с.82, 104–105].

Германские интересы на Кавказе

Особая тема – история возникновения геополитических планов Германии в отношении Кавказа. Как это ни покажется удивительным, кавказское направление германской экспансионистской политики выявилось еще в конце 1850-х годов. Причем сначала в области экономики и концессионной деятельности. Локомотивом этого процесса была немецкая (прусская) фирма «Сименс и Гальске», действовавшая на Кавказе в течение 57 лет (1860–1917 гг.). Начав с прокладки телеграфных линий, она затем включилась в нефтяное и медеплавильное дело, наладила производство и продажу электрооборудования, занялась электрификацией закавказских городов, включая строительство электрогенерирующих предприятий. Деятельность фирмы, несмотря на конкуренцию других иностранных компаний, способствовала быстрому росту по-

литического и финансового влияния Германии на Кавказе. Потенциальные экономические возможности края стали для немецких специалистов предметом всестороннего изучения не только сами по себе, но и как базовые условия для дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток. «Сименс и Гальске» сыграла важную роль в подготовке почвы для германской военной экспансии в черноморско-каспийский регион в годы Первой мировой войны [5, с.334–349; 7, с.29–34].

Как известно, к колониальному разделу мира, в основном завершившемуся к концу XIX века, Берлин опоздал. Доставшаяся Германии доля не соответствовала ни ее растущему военно-экономическому потенциалу, ни ее великодержавному самолюбию. Мириться с этим Берлинский кабинет не собирался. Его имперская программа под названием «*Drang nach Osten*», как мы убедились выше, начала осуществляться еще до превращения Пруссии в Германию. Но с 1870-х годов она принимает все более системный и агрессивный характер. Германская экспансия на Восток развивалась по двум маршрутам: северному (Черное море – Кавказ – Каспий) и южному (Стамбул – Конья – Мосул – Багдад – Кувейт). Южное направление совпадало со схемой прокладки Багдадской железной дороги. В 1880-е годы Берлин заявил претензии на концессионное участие в ее строительстве с целью соединить Германию с Персидским заливом.

Этот проект на фоне германо-турецкого сближения сильно встревожил Петербург, не исключавший, что на участке от Коньи до Вана могут быть проложены северные ветки в направлении Кавказа, которые позволят быстро доставлять туда войска, и, возможно, не только османские.

С 1911–1912 гг. в Закавказье резко увеличивается число германских эмиссаров, ведущих сбор подробнейшей разведывательной информации на случай, если там развернутся военные действия между германо-турецким союзом и Россией. Немцы изучали местные политические, идеологические и религиозные настроения, создавали диверсионные группы из откровенных антироссийских элементов, в распоряжение которых предоставлялись большие партии оружия [7, с.34–40].

С началом мировой войны Германия открыто участвует в военных действиях на Кавказе и в Черном море. Прикрываясь статусом союзников турок, немцы разрабатывают собственные планы завоевания ключевых стратегических и экономических районов края [7, главы 3–4]. Ос-

манские аппетиты вызывают у Берлина растущее раздражение. У него были свои планы, и Турция вписывалась в них лишь как сговорчивый помощник.

Реальную угрозу этим планам создала русская армия, нанеся туркам сокрушительные поражения и заняв к концу 1916 года обширные территории северо-восточной Анатолии, включая Трапезунд, Эрзерум, Баязет, Ван. Но две революции 1917 года в России в корне изменили ситуацию. Русские войска ушли из Закавказья, открыв Германии возможность осуществления своих далеко идущих замыслов. В июне 1918 года немецкие войска оккупировали Грузию, и если бы не общий ход мировой войны, то можно было не сомневаться, что «Drang nach Osten» продолжится дальше. О том, чем он обернулся бы для народов Востока, нетрудно судить по той же Грузии, где буквально с первых же дней иноземного присутствия началось нещадное разграбление ценнейших стратегических ресурсов.

Даже после разгрома Германии Кавказ не выпадал из ее поля зрения. Он присутствовал в различного рода военно-политических проектах, разрабатывавшихся в квазиакадемических кругах при участии представителей «обиженной» советской властью кавказской эмиграции. К концу 1930-х годов проекты стали постепенно преобразовываться в официальные проекты гитлеровских генералов и идеологов, пока, наконец, не материализовались на полях сражений.

**Обстоятельства
непреодолимой силы**

Вторая мировая война внесла радикальные перемены в предвоенную расстановку сил и в предвоенные сценарии. Лондону пришлось отказаться от нападения на южные гра-

ницы СССР и пойти на ненавистное для него союзничество с Москвой. Это был союз поневоле, не помешавший старым британским искушениям проявить себя в виде стремления предельно обескровить СССР, отсрочить открытие второго фронта, втайне прощупать почву для сепаратного договора с Берлином. Венцом этого «геополитического» цинизма стал разработанный в мае (!) 1945 года план «Немыслимое» [8, с.830–838].

Оказывая помощь большевикам, Британия спасалась от смертельной опасности нацизма, будучи не вполне уверенной в том, что он есть наибольшее зло. Но, спасаясь, думала о будущем, о котором Черчилль точ-

но знал одно: в случае победы над Германией советско-западные, в частности советско-британские, отношения обречены на резкое ухудшение из-за фундаментальных исторических противоречий, усугубленных появлением американской сверхдержавы и перекройкой политической карты мира.

Германия сделала все, чтобы прорваться на Кавказ. Она стремилась скоординировать свое наступление на юг с встречным вторжением в Закавказье Турции и Ирана, «нейтралитет» которых носил явно прогерманский характер. Однако сталинградский разгром лишил Берлин перспективы обзаведения новыми союзниками.

Тем не менее пронацистские симпатии сохранялись в турецких правящих кругах на протяжении всей войны. Анкара последовательно отклоняла призывы присоединиться к антигитлеровской коалиции, закрывала глаза на деятельность германских спецслужб, осуществлявших в Турции пантуранскую и антисоветскую пропаганду, объектом которой были и кавказские народы.

Присоединение Турции к союзникам (23 февраля 1945 года) всего лишь за полтора месяца до капитуляции Германии позволяет предположить, что турецкое правительство выжидало до последнего момента, возможно, не исключая перелома в ходе войны за счет сепаратного мира между германским военным руководством и западными державами (без участия СССР).

Меньше всего Анкару устраивала победа Советского Союза, чреватая пересмотром договора 1921 года, по которому Турция получила от Москвы воистину «царский» подарок в виде российской Карсской области и добровольного отказа от завоеванных русской армией в 1915–1916 гг. огромных территорий в северо-восточной Анатолии. Такая ревизия была бы вполне справедливым ответом на турецкие планы вторжения на Кавказ с юга в поддержку наступления вермахта с севера (1942 г.).

Опасался победы СССР и Тегеран. У Ирана, как и у Турции, были свои амбиции, реализовать которые он тоже стремился путем ускоренной модернизации страны, с одной стороны, и идеологического воспитания населения в великодержавно-религиозном духе, – с другой. В программе достижения этих целей северный сосед значился как противник, Третий рейх – как союзник. Объявленный Ираном нейтралитет (сентябрь 1939 г.) не менял сути дела. В тегеранском руководстве доминировали германофилы. По всей стране открыто действовала нацист-

ская агентура, пропагандируя идею защиты ислама от иностранных порабощителей и готовность Великой Германии взять на себя эту миссию. Сначала имелась в виду Англия, а после 22 июня 1941 г. – Советский Союз.

В Тегеране с радостью воспринимали известия о молниеносном наступлении фашистских войск и особенно об их продвижении на Кавказ.

После советско-британской оккупации Ирана германская агентура ушла в подполье и занялась диверсионной работой, организацией саботажа поставок по ленд-лизу и подготовкой покушения на лидеров Большой тройки [9, с.98–104].

Москва рассматривала позицию официального Ирана как откровенно враждебную и в ответ на нее проводила в своей оккупационной зоне, примыкавшей к Закавказью, политику создания собственной сферы военно-политического, экономического, идеологического и культурного влияния. Это была, с одной стороны, банальная политика воздаяния «по заслугам» за поддержку захватнических устремлений нацистской Германии, с другой, – система мер, обеспечивающих безопасность южных границ Советского Союза в условиях непредсказуемого развития послевоенного мира.

Общим итогом Второй мировой войны применительно к Кавказу следует считать тот факт, что она разрушила застарелый миф о существовании исторически преемственной уязвимости этого региона как составной части Российской империи и СССР. Во второй половине 1930-х годов вера в этот миф объединяла Англию, Францию, Германию, Турцию, Иран, Польшу. Лишь Анкара и Тегеран (по понятным причинам) расходились в идеологических концепциях разрушения Советского Союза. Всем остальным были важны не средства, а цель – поднять против Москвы народы Кавказа, Поволжья, Средней Азии, чтобы обессилить страну и нанести по ней (повторим эту модную в отношении СССР фразу) «нокаутирующий удар». Пропагандистская, разведывательная, диверсионно-вербовочная работа в этом направлении составляла неотъемлемую часть подготовки к войне против СССР, кто бы ее ни планировал. В английских, французских, германских военно-стратегических документах того времени мысль об уничтожении Советского государства изнутри звучит едва ли не лейтмотивом [9, с.202–206, 210, 222–223].

Кавказ и холодная война

В условиях холодной войны, зарождавшейся уже на исходе горячей, к западным державам, теперь уже во главе с Соединенными Штатами, вернулось наваждение о «русской

угрозе» их цивилизации. В Фултонской речи Черчилль заявил о наступлении новой эпохи, в которой политика станет продолжением войны другими средствами.

Это имело прямое отношение к Кавказу, где старая «большая игра», нацеленная на отторжение его от России, требовала «других средств»: системной, терпеливой, умной работы без надежды на быстрый результат. Необходимость внешнеполитической перестройки осознавала и Москва. Обе сверхдержавы учились жить в условиях новых, более сложных правил игры, которые постоянно заставляли искать относительно безопасный баланс между решительностью и осторожностью, между целью и средствами, между соблазнами и прагматизмом. Эта трудная учеба, испытывавшая СССР и США еще и на крепость нервов, началась с первых кризисов холодной войны (1946 г.): иранского и турецкого, ставших очередным напоминанием об историко-геополитическом значении Кавказа.

После благополучной развязки «кавказский вопрос» надолго утратил свой, так сказать, международно-правовой компонент. Но из поля зрения Запада не исчезал никогда. В чем только не проявлялось это непреходящее внимание. В США и Европе возникали академические и аналитические центры, изучавшие Кавказ в режиме «безотходного производства»: история, этнология, этногенетика, нравы, обычаи, ментальность, национальные комплексы, память о прошлом, отношение к советской власти, предрасположенность к национализму и сепаратизму, массовые и индивидуальные поведенческие особенности, потенциальные точки воспламенения на межэтнической почве. Существовали и более «специализированные» заведения, отправлявшие на Кавказ под видом туристов людей, интересовавшихся отнюдь не туристическими объектами. Западные радиостанции вещали на многих кавказских языках, вполне успешно пробиваясь сквозь эфирные помехи со своими прогнозами относительно проблематичных перспектив сохранения Советского Союза. (Автор этих строк тому свидетель.)

Все это имело, если вообще имело, крайне скромный эффект. Досуг кавказские люди проводили не за радиоприемниками и около заезжих иностранцев, по понятным причинам, не толпились. Местные КГБ скорее играли в шпионов за отсутствием настоящего фронта работы. Но эта работа все же велась и с той и с другой стороны. С этой самой «другой» стороны работали на будущее, без твердой уверенности в успехе. Многие западные аналитики подвергали сомнению идею о том, что Кавказ – вечная ахиллесова пята Российской и Советской империй. Его многоэтничность и культурная мозаичность не слабость, а сила имперской цивилизации. И это утверждал не кто-нибудь, а многие сотрудники ЦРУ в 1990 году накануне развала СССР.

Как произошла эта катастрофа – отдельный и загадочный вопрос, каких в истории немало. Найти математический ответ на него, заикливаясь на «проблеме имманентной обреченности СССР», получается все хуже и хуже и у российских, и у западных ученых, если, конечно, они настоящие ученые.

Тем, кто сочувствовал планам разрушения СССР и продолжает упиваться последствиями, нелишне на всякий случай напомнить, что, кроме «мягкой силы», была и остается другая (в более точном смысле этого слова) стратегия продолжения этой деструктивной политики. Уже в 1945–1946 годах на американских и натовских военно-штабных картах территории Советского Союза были усеяны зловещими точками, обозначающими объекты атомных бомбардировок. Тогда среди кандидатов на мгновенное уничтожение народам Кавказа отводилось далеко не последнее место. С трудом верится, что с тех пор что-либо изменилось к лучшему.

Не стоит ли время от времени помнить об этом?

Постсоветский эпилог или что впереди?

Постсоветские потрясения не обошли Кавказ. За политическую самостоятельность, о которой упоенно мечтали правящие и интеллектуальные элиты закавказских республик, не подозревая о последствиях, пришлось заплатить очень дорого. И никто не даст гарантии, что эта расплата закончилась. Вожденная свобода от Советского Союза обернулась огромной зависимостью от ближних и дальних соседей, от геополитических и экономических тягеловесов, от их мироустроительных планов субрегиональных, регио-

нальных и планетарных масштабов. Сильные испокон веков уважают сильных. С игроками малых весовых категорий они говорят, когда говорят, на особом языке прозрачных намеков на тему, кто есть кто в международной табели о рангах. Публично Запад никогда не назовет Грузию, Азербайджан и Армению объектами своей политики, ибо не хочет без нужды задевать их самолюбие напоминанием об очевидном. Но никто и не подумает всерьез воспринимать их как влиятельных субъектов международных отношений и уж тем более наделять их правом хотя бы символического участия в принятии фундаментальных решений глобального уровня. Другого статуса для закавказских государств в обозримом будущем не предвидится.

Испытание независимостью будет продолжаться еще долго. Как долго, сказать трудно. И уж вовсе невозможно назвать цену, в которую может обойтись народам иллюзия свободы.

Библиографический список

1. Гасанлы Дж.П. СССР–ИРАН: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: «Герои Отечества», 2006.
2. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: «Рубежи XXI», 2009.
3. Дегоев В.В. Северный Кавказ. С древнейших времен до воцарения Екатерины II. Т.1. Отв. ред. А.В.Серегин. М.: «МГИМО-Университет», 2014.
4. Дегоев В.В., Стамова И.И. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. Под ред. А.В.Серегина. М.: «МГИМО-Университет», 2013.
5. Наниташвили Н.Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске». 1860–1917. Тбилиси, 1982.
6. Оришев А. Политика Германии в Иране в годы Второй Мировой войны (по архивным материалам) // Иран и Вторая Мировая война: сборник статей / РАН, Ин-т Востоковедения. М., 2011.
7. Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М.: «Наука», 1978.
8. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. Под ред. акад. А.В.Торкунова. М.: «Аквариус», 2015.
9. Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М.: «Новина», 1997.
10. Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. М., 2003.

KABKA3 B XX BEKE

11. Kazemzadeh, Firus. *The Struggle for Transcaucasia (1917–1921)*. Westport: Hyperion Press, 1981.
12. Lauri Kopisto. *The British Intervention in South Russia 1918–1920*. (Academic Dissertation). Helsinki, 2011.
13. George Lenczowski. *The Middle East in World Affairs*. 4-th ed. Cornell University Press. Ithaca–London, 1980.
14. Seton-Watson R.W. *Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics*. N.Y.: The Norton Library, 1972.

Валентина Марьина

**СССР – СЛОВАКИЯ.
ПЕРВЫЙ ОПЫТ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
(1939–1941 годы)**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.82

СССР официально не признал Словацкое государство, возникшее на развалинах расчлененной 14–15 марта 1939 г. усилиями гитлеровской Германии Чехословакии. Положение изменилось после подписания Пакта Молотова-Риббентропа. По инициативе Братиславы с согласия Берлина были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией и в обеих странах созданы полпредства. СССР, Германия и Словакия по разным причинам были заинтересованы в этом. Однако Германия, стремившаяся укрепить свои политические, экономические и культурные позиции в Словакии, всячески препятствовала активизации СССР в этом вассальном государстве. Москва, не желая портить «дружественные» отношения с Берлином, не смогла укрепить в Словакии своих позиций. Перед началом Великой Отечественной войны Словакия оставалась для СССР лишь «наблюдательным пунктом».

USSR did not recognize Slovakian state that emerged on the ruins of Czechoslovakia dismembered on March 14–15, 1939, in result of Hitler's Germany efforts. Situation changed after Molotov–Ribbentrop Pact signing. At initiative of Bratislava and with consent of Berlin diplomatic relations between USSR and Slovakia were established and embassies were established in both countries. USSR, Germany and Slovakia, due to various reasons, were interested in establishment of USSR–Slovakian diplomatic relations. However, Germany sought to strengthen its political, economic and cultural positions in Slovakia and in every possible way prevented active USSR policy in that vassal state. Moscow, unwilling to upset “friendly” relations with Berlin, was incapable to strengthen its positions in Slovakia. Prior to the Great Patriotic War beginning Slovakia remained for USSR to be a mere “observation post”.

Ключевые слова: СССР, Словакия, словацкое государство, дипломатические отношения, политика, экономика, культура.

Key words: USSR; Slovakia; Slovakian state; diplomatic relations; politics; economy; culture.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

Образование Словацкого государства и позиция СССР

14–15 марта 1939 г. усилиями гитлеровской Германии при попустительстве Англии и Франции с политической карты Европы исчезла Чехословацкая республика (ЧСР), возникшая

в 1918 году и просуществовавшая немногим более двух десятилетий. Западная ее часть, оккупированная Германией, была присоединена к ней под названием Протекторат Богемия и Моравия. Словакия с согласия и при поддержке Гитлера, провозгласила самостоятельность и превратилась, по сути, как показала история, в марионеточное государство, германского вассала. Восточная часть ЧСР, Подкарпатская Русь (Закарпатье), с согласия Берлина была оккупирована Венгрией. Очередной агрессивный акт Третьего рейха, свидетельствующий, что Гитлер не намерен следовать международным договоренностям, считая их пустой формальностью, шокировал мировую общественность. Западные державы, проводившие политику умиротворения агрессора, в очередной раз убедились, что сделка с ним привела не к добру, а к проигрышу. К проигрышу за счет Чехословакии, государства по тогдашним меркам прогрессивного и демократического. Англия и Франция, как и весь мир, шокированные случившимся, направили Германии ноты протеста. Правда, ее обвиняли не в агрессии, а в том, что она нарушила Мюнхенские соглашения (30 сентября – 1 октября 1938 г.), обязуясь после оккупации принадлежавшей ЧСР Судетской области оставить это государство в покое и не предъявлять ему больше претензий¹. США, отзывавшие своего посла из Берлина, заявили о непризнании акта насилия, совершенного Германией.

Примечательна была позиция Польши. В период Мюнхена она поддерживала Германию и за это получила небольшую территорию (226 кв. км) на севере Словакии (Яворину на Ораве) с населением 4280 человек польской и словацкой национальности. Тогда Польша намеревалась вместе с Германией в недалеком будущем участвовать в разделе советской России. Польский министр иностранных дел Юлиус Бек в беседе с немецким министром иностранных дел Иохимом фон Риббентропом 26 января 1939 г. не скрывал, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» [9, док.120, с.195]. Варшава намеревалась создать под собственным руководством «интер-

¹ О расчленении Чехословакии в 1939 году см. подробнее [18, с.48–91; 19, с.40–66].

мариум» – блок малых и средних государств между Балтийским и Черным морями, что создало бы условие для проведения великодержавной политики Польши и установления в Карпатах, по ее мнению, вала против проникновения большевизма в Европу [8, с.24, 31, 39]. Во время расчленения Чехословакии Польша заняла позицию благожелательного нейтралитета.

Советский Союз, оказавшийся после Мюнхена в изоляции, 18 марта 1939 г. направил Германии решительную ноту протеста против акта насилия в отношении ЧСР. Но еще 15 марта в беседе с польским послом в СССР В.Гжибовским нарком иностранных дел СССР М.М.Литвинов заявил, что «никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы... Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го» [9, док.184, с.279–281]². В советской ноте от 18 марта выражался резкий протест против действий германского правительства. Его действия в отношении Чехословакии характеризовались как «произвольные, насильственные, агрессивные». Это же относилось «целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа». «Советское правительство, – говорилось в ноте, – не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов» [15, док.442, с.607–608].

Словакия как формально самостоятельное государство нужна была Гитлеру для реализации его амбициозных планов установления «нового порядка» в Европе и мирового господства германской расы. Здесь следует иметь в виду, прежде всего, географическое положение нового государства, расположенного в самом центре Европы и имеющего, следовательно, важное военно-стратегическое значение. Оставив Словакию «самостоятельной», Гитлер рассчитывал также использовать ее как «разменную монету» в той политической игре, которую он вел тогда с

² Маньчжоу-го – государство, созданное милитаристской Японией, находившееся под ее контролем и следовавшее в фарватере ее политики. В Маньчжурское государство (1932–1945 гг.) входил ряд провинций северо-восточного Китая, часть Дальнего Востока России, часть восточных территорий Монголии.

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Венгрией и Польшей. Фюрер «торговал» Словакией в обмен на уступки, которых он добивался от этих стран.

Возникшее по воле Гитлера и под его «оком» Словацкое государство спешило самоутвердиться и получить признание международной общности. В день провозглашения независимости 14 марта 1939 г. министерство иностранных дел Словакии за подписью своего министра Фердинанда Дюрчанского отправило в различные страны мира (всего по 53 адресам), в том числе и в СССР, сообщение о создании Словацкого государства «в нынешних границах словацкой страны». В письме, написанном на французском языке, указывался состав словацкого правительства во главе с монсьеюром Йозефом Тисо и содержалась просьба «признать государство, которое только что было создано, и оповестить нас об этом». НКВД СССР получил письмо в виде почтового сообщения (заказного) из Братиславы 23 марта [1, оп.1, п.19, д.214, л.1]³. В этот же день М.М.Литвинов направил секретное письмо Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину «О Чехословакии». «Хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, – писал Литвинов, – нам все же де-факто придется ее признавать и сноситься по чешским делам с германскими властями. Придется, очевидно, ликвидировать наше полпредство в Праге. Англия, Франция и некоторые другие государства преобразовали свои полпредства в генконсульства. Я полагаю, что и нам надо поступить таким же образом». Одновременно нарком сообщал Сталину о полученном из Братиславы письме с просьбой признать «вновь созданное государство». Литвинов полагал, что следует «пока оставить письмо без ответа» [12, с.221]⁴. По всей видимости, такой курс советской политики в чехо-словацком вопросе был на тот момент одобрен Сталиным: подождать и действовать по обстоятельствам. НКВД СССР оставил письмо словацкого МИД без ответа. Началось преобразование советского полпредства в Праге в генконсульство. В Москве продолжало функционировать, несмотря на многочисленные настойчивые протесты Берлина, чехословацкое полпредство во главе с Зденеком Фирлингером [5, оп.20, п.130, д.2, л.25–26]⁵.

³ Опубликовано в кн.: *Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн.1. 1939–1941 гг. М., 2007. Избранные документы. Док.1, с.335.*

⁴ См. также [18. Док.6, с.140–141].

⁵ Что касается Фирлингера, то Литвинов полагал, что «... не связанный ни со своей

**Признание Советским Союзом
Словакии де-юре**

С изменением международной обстановки, безрезультатностью англо-франко-советских переговоров по вопросам европейской безопасности и создания военной коалиции против

агрессивных держав, в советской внешней политике все более четко обозначалось желание поставить во главу угла национальную безопасность собственной страны. Ведь воевать тогда ни один, ни тем более за других СССР не мог. Он не был готов к этому ни экономически, ни в военном плане (Красная армия была обезглавлена репрессиями 1937–1938 гг.). СССР оказался перед непростым выбором. В Москве стало известно о плане и сроках нападения Германии на Польшу. Это означало, что в случае ее поражения (мало кто сомневался в таком исходе германо-польского военного столкновения) германские войска выйдут к советским границам, усилив непосредственную военную угрозу для Советского Союза. В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. между СССР и Германией был подписан **Договор о ненападении** (так называемый пакт Молотова – Риббентропа). Следует сказать, что аналогичные ему договоры с Германией уже имелись у Англии и Франции. Компромиссом, «браком по расчету» считали пакт и в Москве, и в Берлине. Ни та, ни другая из подписавших сторон не верила в его длительность, считая неизбежным военное столкновение в обозримом будущем. Вопрос заключался в том, когда это произойдет. Москва была заинтересована, чтобы это случилось как можно позже. Берлин же начал подготовку к агрессии против СССР сразу после расчленения ЧСР, и к декабрю 1939 г. такой план под названием «Барбаросса» был разработан.

У.Черчилль в своих воспоминаниях так характеризовал советско-германский пакт: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии... В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной им-

страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но... поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государства и правительства, мы его пока трогать не будем». Молотов, несмотря на просьбы Фирлингера, ни разу не принял его до закрытия полпредства в декабре 1939 г.

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

перии... Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и значительную часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была в тот момент также в высокой степени реалистичной» [22, с.180].

Советско-германский пакт вверг в состояние шока и растерянности ориентировавшиеся на СССР левые политические силы и прежде всего коммунистические партии во всем мире. Эта растерянность усилилась после нападения гитлеровской Германии на Польшу, формально положившего начало Второй мировой войне, вступления в нее Англии и Франции и оценки войны Советским Союзом как империалистической с обеих сторон. Не сразу были восприняты и появившиеся в связи с этим указания Коминтерна об изменении тактики коммунистического движения. В директиве секретариата ИККИ от 8 сентября 1939 г. компартиям об отношении к начавшейся войне говорилось: «Современная война – империалистическая, несправедливая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств... Тактика компартий на данном этапе войны во всех воюющих странах – выступать против войны, разоблачать ее империалистический характер» [17, док.9, с.88–89]. Дезориентированы были новым поворотом во внешней политике СССР и левые политические силы в Словакии. Словацкий поэт-коммунист Л.Новомеский во время встречи с советским генконсулом Владимиром Яковлевым в Праге 8 сентября заявил: «Друзья СССР плохо понимают значение пакта и видят в нем направление курса политики СССР» [5, оп.20, п.130, д.1. л.142–143.]. Реакция официальных словацких властей на пакт была иной. Благодаря словацко-немецкому охранному договору (23 марта 1939 г.), по мнению министра иностранных дел Ф.Дюрчанского, словацкое государство стало частью политической системы, именуемой «ось Берлин – Рим», которая является гарантией сохранения мира в Европе [24, s.87]. В официальной словацкой печати много говорилось о трансформации советского режима, превращении его в национал-большевизм и сближении с нацизмом. Подписание пакта было торжественно отмечено в Братиславе.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, возникшей в результате заключения советско-германского договора о ненападении, некоторые круги словацкого правительства во главе с Ф.Дюрчанским не прочь были сбалансировать германское влияние в Словакии путем установления дипломатических отношений с СССР. Берлин не возражал, усматривая в этом свою выгоду. 14 сентября 1939 г. словацкий посланник в

Берлине М.Чернак передал через нового советского полпреда в Берлине А.А.Шкварцева предложение об установлении дипломатических отношений между Словакией и СССР [4, оп.22, п.93, д.8, л.223]. В тот же день телеграмма об этом ушла в Москву. Шкварцев просил указаний и получил их от В.М.Молотова на следующий день, 15 сентября, с грифом «совершенно секретно»: «Можете сообщить, что СССР согласен установить дипломатические отношения со Словакией» [13, с.80, 82]. Молниеносность ответа заставляет предположить, что Молотов при этом советовался либо только со Сталиным, либо с узким кругом советского руководства (возможно, по телефону, что на практике бывало нередким). Можно также предположить, что вопрос о признании Словакии де-юре обдумывался в правительственных кругах еще ранее, и сомнений в необходимости этого шага не осталось – он укладывался в рамки нового курса советской внешней политики. Установление дипломатических отношений СССР со Словакией фактически означало отказ от осуждения расчленения ЧСР в марте 1939 г. и предполагало закрытие в Москве чехословацкого посольства, чего на протяжении полугода добивался Берлин. 16 сентября Шкварцев передал ответ советского правительства словацкому посланнику. «Чернак встретил мои слова с большой радостью», – записал советский дипломат в своем дневнике [4, оп.22, п.93, д.8, л.226].

Германское информационное агентство сразу же оповестило мир об установлении советско-словацких дипломатических отношений. Об этом же со ссылкой на официальные источники в передовой под названием «Россия нас признала» сообщила 17 сентября 1939 г. и газета «Slovenská politika» («Словацкая политика») [24, s.90]. Советское же руководство тогда вовсе не намерено было афишировать свои отношения со Словакией. Официальных сообщений на этот счет не последовало. Надо отметить, что и в Центральноевропейском отделе НКВД СССР о происшедшем ничего не знали [5, оп.20, п.130, д.3, л.46, 48; 23, dok.33, s.96]. При тогдашнем камерном способе решения внешнеполитических вопросов это, возможно, так и было. В октябре–ноябре 1939 г. шли переговоры об обмене дипломатическими представителями между СССР и Словакией. 21 октября Шкварцев сообщил Чернаку о согласии советского правительства на назначение в Москву в качестве посланника Франьо Тисо, родственника словацкого президента Й.Тисо [1, оп.1, п.20, д.215, л.96, 103]. 1 декабря 1939 г. Совнарком СССР принял решение об открытии полпредства СССР в Словакии и утверждении его

штатов [11]. 11 декабря словацкий посланник прибыл в Москву, а 14 декабря здесь прекратило существование чехословацкое посольство [1, оп.1, п.20, д.215, л.55]. 23 декабря 1939 г. Ф.Тисо сообщил в МИД Словакии, что был принят В.М.Молотовым, что предстоит встреча с заместителем наркома иностранных дел В.П.Потемкиным и что полномочным представителем СССР в Братиславе назначен Г.М.Пушкин [26]. 25 декабря Тисо вручил верительные грамоты. В справке НКВД, содержащей краткие сведения о словацком посланнике в Москве, говорилось: Тисо родился в 1894 году, имеет среднее образование, изучал теологию и философию в Вене и Будапеште. Журналист. С 1920 по 1926 г. был преподавателем средней школы. С 1928 по 1935 г – секретарь словацкой народной партии. «Владеет словацким, венгерским, немецким, французским и частично русским языками. Состоит в близких родственных связях с президентом Словакии» [1, оп.1, п.20, д.219, л.1]. Словацкая миссия разместилась в здании на улице Малая Никитская, д. 18. Ф.Тисо установил тесный контакт с немецким послом в Москве Ф. фон Шуленбургом, который обещал ему всестороннюю поддержку и помощь.

Наиболее авторитетная в ту пору часть словацкого государственного руководства, стремясь создать противовес по существу монопольному влиянию Германии в Словакии, была заинтересована в официальном признании со стороны СССР. Это к тому же повышало международный авторитет молодого словацкого государства. Курс на сближение Словакии с СССР, однако, не предполагал выхода за рамки германо-словацких договоренностей и отказа от следования в фарватере внешней политики Третьего рейха. Среди словацкого руководства наиболее последовательным сторонником опоры Словакии одновременно на Германию и Советский Союз являлся в недавнем прошлом ярый германофил министр иностранных и внутренних дел Ф.Дюрчанский, молодой высокообразованный и амбициозный, но малоопытный в политике человек. Он и его окружение питали иллюзии относительно того, что молодое словацкое государство, используя традиционную для стран Восточной Европы тактику лавирования и балансирования между стремившимися закрепиться в этом регионе крупными державами, в данном случае между Германией и СССР, может достигнуть определенной степени самостоятельности. Советский посланник в Братиславе Г.М.Пушкин видел в Дюрчанском «наиболее подготовленного и умного политика современной Словакии... который стремился всеми мерами ослабить германское влияние в Словакии и укрепить положение этого

малоустойчивого государства». Но вместе с тем, по словам Пушкина, Дюрчанский «бесспорно являлся противником СССР», поскольку опасался распространения идей большевизма и связанной с ними революции [3, оп.5, п.29, д.42, л.79–80, 130].

Что касается Москвы, то установление дипломатических отношений со Словакией ей тогда тоже казалось выгодным, поскольку давало возможность, по крайней мере предположительно, противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР. Признание Словакии де-юре было заявкой на активизацию советской политики в Юго-Восточной Европе, на Балканах [10, док.620, с.352–353]. Следует также иметь в виду, что к осени 1939 г. СССР лишился своих посольств в Вене, Праге, Варшаве, и создание его официального представительства в Братиславе облегчало задачу получения информации о положении дел в этой части Европы. Кроме этого, присутствие советских официальных представителей в Словакии давало возможность прямых, хотя и тайных, контактов с коммунистическим подпольем и влияния на его деятельность. Короче говоря, установление советско-словацких дипломатических отношений было выгодно тогда и СССР, и Словакии, и ее протектору – Германии.

Словакия в политике СССР и Германии

К концу 1939 г. установление дипломатических отношений между СССР и Словакией стало уже всем известным фактом. В Москве тогда мало что было известно о положении в этой стране и ее политических деятелях. НКВД СССР дал указание представить такие данные советскому генконсулу в Праге В.Яковлеву. И он по мере сил делал это. В частности, в АВП РФ имеются отчеты о его встречах со словаками, оказавшимися осенью 1939 г. в Праге (коммунистами Л.Новомеским и Г.Гусаком, профессором Братиславского университета А.Мразом), а также написанная, по всей видимости, им справка о политической и экономической жизни в Словакии⁶. «Прибытия советского посольства в Братиславе ждут с большим нетерпением, – говорилось в справке. – Д-р Гусак указал, что если советский посланник

⁶ Документ, написанный от руки чернилами примерно в ноябре 1939 г., не имеет ни даты, ни подписи, но по стилю и содержанию свидетельствует, что его автором являлся В.Яковлев.

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

поведет ловкую политику, то он легко сможет снискать в пользу [Советского] Союза многих лиц из правительственных кругов, мечтающих найти опору в славянском государстве с целью защиты от германской гегемонии. Таким ближайшим славянским государством после распада Польши является СССР» [1, оп.1, п.20, д.21, л.95–96]. Об отношении в Словакии к СССР в документе говорится следующее: «В Братиславе со всех сторон слышно, что народ всецело ориентируется на СССР. Чем больше растет и будет расти ненависть к германским грабителям, тем сильнее рост русофильства. До заключения германо-советского пакта почти все словаки были ориентированы советофильски. После пакта произошел раскол. Часть словаков, главным образом коммунисты, остались верны Союзу, у "бенешевцев"⁷ настроение было противосоветское. Потом, когда Красная Армия приблизилась к Словакии, опять почти все население объединилось в советофильстве: дипломатию СССР признают мудрой и только ждут, когда придут в Словакию русские» [1, оп.1, п.20, д.215, л.101–104]. Скорее всего, здесь речь шла не о словацком населении вообще, а о политически активной его части.

Одним из первых шагов прибывшего в Москву словацкого посланника Ф.Тисо было обращение в НКВД СССР с письмом от имени премьер-министра о приглашении представителей 33 советских университетов на открытие словацкого Университета в Братиславе 14 января 1940 г. НКВД посчитал нужным послать в Братиславу делегацию из 5 человек во главе с председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В.Кафтановым. Это была единственная официальная поездка представителей советской науки и культуры в Словакию за время существования дипломатических отношений между СССР и Словакией в 1939–1941 гг. По возвращении в Москву Кафтанов подготовил подробный отчет о поездке, отметив, что и в Словакии, и в Германии, где затем побывала делегация, ее «принимали хорошо» [1, оп.1, п.20, д.219, л.39; 7, оп.1, п.1, д.1, л.12; 2, оп.6, п.37, д.62, л.1–3, 17–29]. Словаки получили ответное приглашение на юбилейные торжества по случаю 200-летия МГУ. В апреле–мае 1940 г. делегация словацких ученых во главе с министром просвещения Й.Сиваком посетила СССР и не только участвовала в торжественных мероприятиях, но и была при-

⁷ Имеются в виду сторонники экс-президента ЧСР Э.Бенеша и чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне.

нята руководителями НКВД В.П.Потемкиным и В.М.Молотовым [1, оп.2, п.23, д.288, л.1; оп.4, п.2, д.3, л.7; 26, 4, 7, 8, 9, 11 V.1940.].

2 февраля 1940 г. в Братиславе начал свою деятельность в качестве советского полпреда молодой эрудированный дипломат Георгий Максимович Пушкин (1909–1963). Его информационные сообщения, справки, характеристики, направляемые в НКВД СССР, отличались аналитичностью и собственным взглядом на многие вещи, хотя, естественно, не выходили и не могли выходить за рамки, определяемые общей линией советской внешней политики. Пушкин встречался со многими словацкими политическими деятелями и аккредитованными в Братиславе дипломатами, доводя их мнения о словаках и Словакии до сведения Москвы. Записи в Дневнике полпреда и направляемые им в НКВД материалы, касающиеся состояния и развития советско-словацких отношений, политики Германии в этой стране, широко использованы в статье.

14 февраля Пушкин вручил верительные грамоты президенту Словакии Й.Тисо. Он сам и его окружение выразили явное расположение к советскому полпреду, что вызвало чрезвычайное раздражение немцев, стремившихся укрепить свое влияние в Словакии. Особенно они были недовольны Дюрчанским. По словам Пушкина, тот «хотел показать немцам, что отныне Словакия имеет дело не только с Германией, но и с Советским Союзом». Вместе с тем, учитывая, что советско-словацкие отношения могли тогда развиваться лишь в рамках советско-германских отношений, полпред замечал: «От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное» [7, оп.4. п.2. д.9. л.28–30]. В первые же дни своего пребывания в Братиславе Пушкин обменялся визитами с германским посланником в Словакии Г.Бернардом. Зафиксированные им впечатления сводились к следующему: «Бернард открыто насмехается над словаками, чувствуя себя в Словакии хозяином», и отводит ей роль ворот Германии на Балканы⁸.

Во время встреч Пушкина с Дюрчанским и Тисо с самого начала были затронуты два вопроса, которые красной нитью проходят через все документы, касавшиеся советско-словацких отношений первой половины 1940 г.: во-первых, развитие экономических связей между двумя странами, во-вторых, стремление словаков понудить СССР оказать им

⁸ Слова «ворота на Балканы» были в НКВД подчеркнуты красным карандашом.

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

поддержку в территориальных претензиях к Венгрии, т.е. в возвращении территорий на юге и востоке Словакии, отошедших к ней в 1938–1939 гг. Что касалось первого, то, как выяснил Пушкин, словаков интересовали советская нефть, смазочные материалы и высококачественный хлопок, а они, со своей стороны, предлагали кабель, текстиль и военные материалы, «если позволят немцы». 21 марта 1940 г. Ф.Тисо передал на имя Молотова ноту, в которой от имени словацкого правительства официально сообщалось о желании «иметь с СССР, кроме политических, также экономические отношения». Выражая надежду на благоприятный ответ, словацкий полпред просил определить время для начала официальных переговоров по этому вопросу [1, оп.2, п.23, д.287, л.3.]. 13 апреля 1940 г. Ф.Тисо передал зам. наркома иностранных дел В.Г.Деканозову два списка с перечнем товаров для экспорта и импорта. Эти сведения были пересланы в наркомат внешней торговли (НКВТ) СССР. 27 апреля Тисо сообщил в Братиславу, что был принят наркомом внешней торговли А.И.Микояном, с которым обсуждались вопросы развития советско-словацких экономических связей. При словацкой миссии в Москве был создан экономический отдел для осуществления прямых контактов с НКВТ [1, оп.4, п.2, д.4, л.22; д.2, л.6; 2б. сообщения 27.IV.1940, 20.V.1940.]. Словаки настаивали на ускорении заключения торгового договора. В личном письме на имя Молотова Пушкин отмечал, что завязывание торговых отношений со Словакией выгодно не только с политической, но и с хозяйственной точки зрения. Поскольку советское руководство, естественно, волновал вопрос об отношении Берлина к этому, полпред подчеркивал, что «заключение торгового договора между СССР и Словакией не может вызвать беспокойства со стороны немцев, так как все вопросы, связанные с этим договором, давно уже согласованы словацким правительством с Германией». Резолюция Молотова на письмо, адресованная Микояну и Деканозову, гласила: «Нужно дать ответ т. Пушкину. Мне кажется, что он прав» [1, оп.2, п.23, д.288, л.3–4.]. В июне 1940 г. Микоян дал согласие на прибытие в СССР словацкой торговой делегации. Но затем решение вопроса о торговле застопорилось из-за усиления напряженности в советско-словацких отношениях.

Что касается содействия Словакии в решении ее территориальных претензий к Венгрии, то тут советское руководство вело себя очень осторожно. Весной 1940 г. ходили упорные слухи о том, что между Германией и западными союзниками может быть заключен мир. Но

этого не случилось. Полагая, что Гитлер «завяз» на Западе, начав новую военную кампанию, Дюрчанский активизировал свою деятельность по реализации идеи возврата отошедших к Венгрии территорий с помощью Советского Союза. Словакия была наполнена слухами о том, что СССР готов взять себе Карпатскую Украину, оккупированную Венгрией, и тогда, оказавшись непосредственным соседом Словакии, поможет ей вернуть южные и восточные территории. Мысль о желательности такого развития событий постоянно внушалась советским дипломатам во время официальных и неофициальных встреч. Но ситуация лета 1940 г. (решение вопроса о странах Прибалтики) делала вопрос о Закарпатье тогда неактуальным для СССР⁹. Включение этой территории в его состав было нереально из-за противодействия, прежде всего, Германии и ее союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим.

Между тем Берлин был весьма обеспокоен возможным укреплением влияния СССР в Словакии, где наблюдались рост русо- и славянофильских тенденций при одновременном усилении антигерманских настроений, активизации деятельности коммунистов. После завершения западной кампании Третий рейх намеревался обратить взор на юго-восток Европы для укрепления своего тыла в предстоящей войне с СССР. Отсюда и стремление навести «порядок» в Словакии. Приоткрывать «ворота на Балканы» гитлеровцы начали еще в самый разгар их военных операций на Западе. В это время активность немцев в Словакии заметно возросла. «В Братиславе, – по свидетельству Пушкина, – появились немцы в генеральских, полковничьих формах. Спешно строятся новые шоссейные дороги, открываются новые аэродромы...» [7, оп.4, п.2, д.3, л.35.]. Сообщения о военных приготовлениях гитлеровцев в Словакии приходили в Москву и из других источников.

Рассматривая Словакию как окно в Юго-Восточную Европу, Берлин намеревался навести в этой стране «порядок», избавиться от нелояльных к нему группировок в словацких верхах и поддержать прогерманские силы. В Братиславу был назначен новый немецкий посланник М. фон Киллингер. Дюрчанский по указанию Берлина потерял посты министра иностранных и внутренних дел, которые заняли прогермански настроенные политики. Й.Тисо, пользовавшийся в Словакии большим авторитетом, сохранил кресло президента, заверив Гитлера, что Словакия не намерена «склоняться» к России в рамках панславистской поли-

⁹ См. подробнее [19, с.102–103].

тики, что она желает остаться под немецкой охраной и принять участие в создании нового порядка в Европе [25, s.360–362.]. 4 августа Пушкин направил обширное информационное письмо о событиях в Словакии Молотову и Деканозову. Советский полпред связывал эти события с общей политикой Германии на Балканах и в Центральной Европе. Реализацию своего плана в Юго-Восточной Европе, по мнению Пушкина, Гитлер начал со Словакии, которую немцы намеревались подчинить полностью своей политике, усилив непосредственное вмешательство в словацкие дела [1, оп.2, п.23, д.288, л.13–18)]. Киллингера Пушкин характеризовал как обергруппенфюрера штурмовых отрядов, человека, тесно связанного с Гитлером и Гиммлером. Во время первых же встреч с Пушкиным Киллингер ясно дал понять ему, что «Словакия – зона германских интересов», что ее самостоятельность – призрак, что в отношениях Германии со Словакией речь идет «не о смелом и трусливом, а о сильном и слабом». «Он сознательно говорит это, чтобы намекнуть нам, что мы не должны в Словакии активизироваться» [7, оп.4, п.2, д.3, л.168–169], – записал Пушкин в Дневнике 21 августа 1940 г.

Вставшая у руля правления в Словакии прогерманская группировка стала наводить порядок в стране по германскому образцу. С августа 1940 г. Германия начала активно приспособлять территорию Словакии к своим военным потребностям. В августе–сентябре немцами здесь было создано и оснащено около 20 аэродромов, строились новые и реконструировались старые шоссе, осуществлялась прокладка вторых путей на однопутных железных дорогах, наводились новые и укреплялись старые мосты, началось строительство сквозной (с запада на восток) автомагистрали протяженностью 450 км, а также военных укреплений на севере и востоке страны. Осенью 1940 г. Словакия, по словам Пушкина, напоминала «собой строительный лагерь». Центрально-европейский отдел НКВД СССР считал, что это «марионеточное государство вступило в дальнейшую логическую фазу своего развития – безоговорочного выполнения роли германского плацдарма в Юго-Восточной Европе» [7, оп.4, п.2, д.9, л.185]. 24 ноября 1940 г. Словакия вместе с Венгрией и Румынией присоединилась к агрессивному Тройственному пакту, подписанному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. «Само собой разумеется, – полагал Пушкин, – Словакия не получит никаких выгод от этого пакта. Германия же, наоборот, получила право распоряжаться по своему усмотрению всем, что имеет Словакия» [3, оп.5, п.29, д.42, л.122].

Сотрудники советского полпредства, которые в конце августа осуществили поездку по стране, выяснили, что в Словакии «открыто проводятся серьезные приготовления военного порядка». Особенно это относилось к восточным областям страны, где немцы, по словам Пушкина, действовали совершенно «самостоятельно, абсолютно не подчиняясь словацким властям». В г. Прешов было учреждено германское консульство, что, как считал советский полпред, означало возникновение центра «по организации работы против Советского Союза» [1, оп.2, п.23, д.288, л.30.]. Следует иметь в виду, что уже тогда Гитлер отдал приказ о разработке конкретного плана войны против СССР и заявил, что «Россия должна быть ликвидирована» [20, с.84].

Несмотря на то, что «Советский Союз, избегая превращения Словакии в камень раздора между ним и Германией, проводил по отношению к словакам осторожную и вполне тактичную по отношению к немцам политику» [7, оп.4, п.2, д.2, л.173], – говорилось в аналитической справке, подготовленной центральноевропейским отделом НКВД 28 сентября 1940 г. для Деканозова, – против советского полпредства в Братиславе был предпринят ряд недружественных мер: на подходах к зданию выставлены полицейские кордоны, досматривались и подвергались допросу посещавшие полпредство лица, установлено наблюдение за его сотрудниками [7, оп.06, п.23, д.288, л.33; оп.4, п.2, д.4, л.15–16]. Однако Москва не решилась «педалировать» осложнение отношений с Германией из-за этого, тем более, что Братислава выразила большую заинтересованность в продолжении торговых переговоров с Москвой. Ф.Тисо заявил, что Словакия «согласовывала вопрос о посылке торговой делегации в Москву с Германией и что последняя не возражает против этого» [7, оп.4, п.2, д.3, л.177–178]. В ноябре 1940 г. в Москве начались советско-германские переговоры по экономическим вопросам [14, док.547, с.128–135; док.560, с.152–154; док.585, с.185–190; док.602, с.216–218], а 17 ноября в Москву прибыла словацкая торговая делегация. Ее состав был весьма импозантен: министры транспорта, экономики, финансов, директор Национального банка, представители объединения промышленников и сельскохозяйственного совета, а также крупнейших промышленных предприятий [26. сообщение 9.XI.1940]. 21 ноября руководство делегации было принято Микояном. 6 декабря между СССР и Словакией был подписан основанный на принципе наибольшего благоприятствования Договор о торговле и судоходстве. Срок его действия определялся в два года с возможностью, если он не будет денонсирован

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

за 6 месяцев до окончания срока, его автоматического продления на неопределенное время. В тексте было оговорено и открытие торгового представительства в составе советской миссии в Братиславе¹⁰. Советско-словацкий торговый договор был ратифицирован обеими сторонами в январе 1941 г., а в марте 1941 г. в Братиславе открылась советская торговая миссия [16, док.63, с.101–102]. Однако ни договор, ни соглашение не были фактически реализованы ввиду разрыва дипломатических отношений Словакии с СССР 23 июня 1941 г.

Словакия – «наблюдательный пункт» для СССР

Между тем усилившееся с лета 1940 г. привязывание Словакии к Германии продолжалось. Киллингер, по словам Пушкина, стал «по существу фактическим диктатором Словакии» [1, оп.2, п.23, д. 288, л.46]. Ускоренными темпами продолжалось строительство автострад, шоссейных и железных дорог, мостов, аэродромов, военных укреплений; словацкие санатории переоборудовались под госпитали для раненых немецких солдат. Началась реорганизация словацкой армии по германскому образцу, которая, по словам словацкого военного министра Ф.Чатлоша, проводилась по указанию начальника германской военной миссии в Словакии и по требованию Гитлера [21, т.1, л.47–48]. «Совершенно очевидно, – писал Пушкин, – что немецкие военные власти рассматривают Словакию как свой глубокий тыл» [3, оп.5, п.29, д.42, л.122]. В стране были размещены немецкие военные гарнизоны. С середины декабря 1940 г. германская армия двинулась через территорию Словакии в Венгрию и Румынию. Если раньше, характеризуя положение в Словакии, Пушкин употреблял выражение «строительный лагерь», то к концу 1940 г. он говорил уже о превращении Словакии немцами в «сплошной военный лагерь» и о том, что она «все более принимает вид оккупированной страны» [3, оп.5, п.29, д.42, л.12; 16, док.60, с.94].

При этом Германии было важно иметь в Словакии не только укрепленный, но и, по возможности, умиротворенный тыл. В Братиславу был назначен новый германский посланник, более «мягкий» по сравнению с Киллингером, Г.Э.Лудин, к тому же знавший русский язык. 20 января 1941 г. он явился к Пушкину с первым визитом. «Производит впечатле-

¹⁰ Договор опубликован в [14, док.571, с.166–169].

ние умного человека, живого и энергичного», боевой офицер германской армии, – записал Пушкин в Дневнике. «Разговор об отношении Германии с СССР Лудин закончил вопросом: "А вы не подведете нас, не нападете на Германию?" Я объяснил ему, что Советский Союз придерживался и будет придерживаться политики нейтралитета в этой войне, поскольку это будет зависеть от Советского Союза» [3, оп.5, п.29, д.42, л.49].

Берлинские хозяева Словакии были весьма заинтересованы в сохранении спокойной обстановки в стране. Особенно это касалось восточной ее части, которую они фактически превратили в свою вотчину и намеревались использовать в качестве плацдарма в будущей войне против СССР. Анализируя внутреннюю жизнь и внешнюю политику Словакии, Пушкин пришел к следующему заключению: «Касаясь наших взаимоотношений со Словакией, необходимо прямо сказать, что до тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией... Немцы весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии. Со страной, в которой Германия запрещает вообще писать что-либо положительное об СССР, даже то, что она опубликовывает в своей прессе, у нас не может быть развитых отношений». Тем не менее, по мнению Пушкина, «Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт» [3, оп.5, п.29, д.42, л.156]. Таким «наблюдательным пунктом» оставалась Словакия для СССР всю первую половину 1941 г.

Наблюдение за тем, что происходило в Словакии, было весьма важно с точки зрения определения дальнейших намерений Гитлера. Согласно утвержденному в декабре 1940 г. плану «Барбаросса» фюрер начал непосредственную подготовку к войне против СССР, что явственно ощущалось и в Словакии. К началу 1941 г. она, по мнению советского полпреда, имела с Германией «самые развернутые связи» в политической, военной, экономической и культурной областях. В то же время Берлин выражал недовольство даже какими-либо проявлениями советско-словацких культурных связей. В мае 1941 г. немцы выразили свое недовольство даже по поводу общественного просмотра советских фильмов «Боевая молодость» и «Музыкальная история» в советском полпредстве, хотя цензура не препятствовала

этому. «Немцы демонстративно не явились на просмотр наших фильмов... Из этого я делаю заключение, что они потребовали от словаков запрещения демонстрировать наши фильмы», – записал Пушкин в Дневнике и делал вывод: «Следует временно отказаться от попыток устраивать общественные просмотры наших фильмов в Словакии, а также не навязывать им продажу наших фильмов» [3, оп.5, п.29, д.42, л.225–227.].

Дело шло к войне Германии против СССР. Рейх добился своего, превратив Словакию в плацдарм для реализации собственных агрессивных планов. Словацкие политические деятели, которые встречались с Пушкиным в апреле–мае 1941 г., а также простые люди, посещавшие консульский отдел полпредства, говорили о предстоящей войне между Германией и СССР прямо или намеками. В информационном письме в НКВД от 23 апреля 1941 г. Пушкин писал: «...здесь в самых разнообразных кругах (хозяйственников, журналистов и просто среди словацкого населения) распространяются слухи о якобы предстоящем военном столкновении между СССР и Германией... К непосредственному выступлению Германии против Советского Союза толкают ее продовольственные затруднения, переживаемые не только в Германии, но и во всех странах, оккупированных германскими войсками. Таков смысл этих рассуждений» [3, оп.5, п.29, д.42, л.190–191, 194–195, 229–232]. Словацкое руководство если и не знало наверняка, но угадывало точно направление дальнейшего немецкого удара. С необычайной пышностью был отпразднован в Словакии день рождения Гитлера 20 апреля [3, оп.5, п.29, д.42, л.187–192]. Тисо на обеде в честь юбиляра, как писал Пушкин, произнес «небывалую по своему раболепию речь». Словацкий народ, по словам президента, «видит в Адольфе Гитлере отца великой семьи народов», которые строят новую Европу; словаки «безмерно благодарны» фюреру, взявшему их под свою опеку, и хотят отплатить ему «сыновней преданностью и верностью» [24, s.173]. Словацкая верхушка оставалась на этих позициях до конца войны.

Советский полпред внимательно следил за военными приготовлениями немцев в Словакии. И все же, вопреки множеству имевшихся в его распоряжении фактов о близости войны между Германией и СССР, Пушкин, исходя, по всей вероятности, из позиции кремлевского руководства, не желавшего верить в возможность нарушения пакта о ненападении со стороны Гитлера и возникновения советско-

немецкого конфликта в ближайшее время, в конце мая 1941 г. предполагал, что подобные слухи инспирируются и распространяются самими немцами [3, оп.5, п.29, д.42, л.220–223, 229–232]. А спустя месяц Германия напала на СССР. В то же время корреспондент ТАСС в Братиславе был более точен в своих оценках происходившего. «Все эти приготовления, – писал он 4 июня 1941 г. – рассчитаны на возможную войну между Германией и СССР. Других государств, против которых территория Словакии могла бы быть втянута в войну, нет» [7, оп.22, п.130а, д.2, л.72.].

Симптоматичным и внятно не объясненным словацкой стороной был отзыв Ф.Тисо, близкого родственника Й.Тисо, с поста словацкого посланника в Москве. На его место был назначен доктор юридических наук Ю.Шимко, который перед этим являлся шефом Президиума Совета министров Словакии. Перед отъездом в Москву Шимко 29 мая посетил Пушкина, который в связи с этим записал в Дневнике: коснувшись советско-германских отношений, он «заметил, что в последнее время через территорию Словакии непрерывным потоком идут германские войска к советским границам. Словакия полна слухов о предстоящей войне между СССР и Германией. Я спросил его, разделяет ли он это мнение. Шимко ответил, что все зависит от того, дадим ли мы немцам хлеб бесплатно или нет... Германскому хозяйственному организму (Шимко имеет в виду всю Центральную и Балканскую Европу) не хватает Украины. Отсюда он делает вывод, что немцы будут воевать с нами за Украину, если мы не дадим им бесплатно хлеб. Был ли этот разговор со мной инсценирован немцами или он (Шимко. – *В.М.*) действовал по собственной инициативе, трудно сказать» [3, оп.5, п.29, д.42, л.242–243].

Шимко прибыл в Москву 2 июня 1941 г. Выполнять свои служебные обязанности ему пришлось менее трех недель. 22 июня Германия начала войну против СССР, к которой присоединилась и Словакия. За неделю до этого, 15 июня 1941 г., Пушкин уехал в Москву, видимо, для консультаций и в Братиславу больше не возвратился. Временным поверенным в делах СССР в Словакии остался первый секретарь полпредства С.А.Афанасьев.

Так завершился кратковременный (менее двух лет) период существования дипломатических отношений между СССР и Словакией. Отношения эти, установленные по инициативе Братиславы с благосклонного согласия Берлина, носили почти номинальный характер,

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

так как не были наполнены конкретными связями в области экономики и культуры. Словакии признание ее Советским Союзом де-юре необходимо было прежде всего для поднятия своего международного престижа. Кроме того, часть словацкого руководства надеялась (по крайней мере, в первый год), что в лице СССР будет создан некий противовес фактически безраздельному влиянию Германии в стране, а также рассчитывала при советской поддержке решить вопрос о территориальных претензиях Словакии к Венгрии. Однако эти расчеты тогда не оправдались.

Советский Союз, осознавая важное геополитическое положение Словакии, не мог не желать укрепления здесь своих позиций, своего влияния. Однако для этого ему необходимо было вступить в единоборство с Германией, которая считала Словакию сферой своих интересов. СССР, видевший в Словакии, как и рейх, «ворота на Балканы», где осенью 1940 – весной 1941 г. обе державы активизировали свою политику, не смог использовать эти «ворота» в собственных интересах, опасаясь вызвать раздражение Германии и испортить с ней «дружественные» отношения. В 1940–1941 гг. Словакия оставалась для СССР, по меткому выражению Пушкина, лишь «наблюдательным пунктом».

Берлин же, рассматривая Словакию как сферу исключительно немецкого влияния, допускал в это время лишь более или менее пассивное «присутствие» СССР в этой стране и решительно пресекал все попытки активизации здесь его деятельности. Гитлеровцы чувствовали себя в Словакии полными хозяевами и эксплуатировали ее как политически, так и экономически, не забывая при этом развивать здесь нужные им виды хозяйственной деятельности и объективно содействуя тем самым подъему слабой словацкой экономики. Одновременно они использовали фиктивную самостоятельность Словакии для выполнения своих стратегических и геополитических планов в те годы, прежде всего для проникновения на Балканы и укрепления там своих позиций, а затем для подготовки нападения на СССР. Словацкий «прицеп», все крепче привязываемый к германской военной машине, уже почти автоматически последовал за ней, когда она повернула на Восток.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.06.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.011
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.029.
4. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.082.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.0138.
6. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.1386.
7. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.01386
8. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 1999.
9. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Политиздат, 1990. Т.1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г.
10. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Политиздат, 1990. Т.2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5446. Оп.42. Д.11. Л.230.
12. Документы внешней политики СССР. Т.ХХII. Кн.1. М.: Международные отношения, 1992.
13. Документы внешней политики СССР. Т.ХХII. Кн.2. М.: Международные отношения, 1992.
14. Документы внешней политики СССР. Т.ХХIII. Кн.2(1). М.: Международные отношения, 1998.
15. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.3. М.: Наука, 1978.
16. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т.4. Кн.1. М.: Наука, 1981.
17. Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I. До 22 июня 1941 г. М.: «Памятники исторической мысли», 1994.
18. Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Книга 1. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 2007.
19. Марьина В.В. СССР – Словакия 1939–1945 гг.: военно-политические аспекты. М., Институт славяноведения РАН, 2017.
20. Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1985. С.84.
21. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Уголовное дело военного министра Словакии Ф. Чатлоша. Арх. № н – 18761. Кол. томов 3. Том1. Протокол допроса Ф. Чатлоша от 11 декабря 1946 г. Л.47–48.
22. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. М., Воениздат. 1991.
23. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, Státní ústřední archiv v Praze, 1998. Dok.33.

СССР – СЛОВАКИЯ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

24. Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944). Bratislava, VEDA, Vydavateľstvo SAV, 2002.
25. Lipták L. Priprava a priebeh salzburských rokovaní roku 1940 medzi predstaviteľmi Nemecka a Slovenského štátu // Historický časopis. 1965. N3. S.360–362.
26. Slovenský národný archív. Fond Ministerstvo zahraničí. Karton 98. Vyslanectvo Slovenskej Republiky v Moskve.

**Идеолог – это один из самых
опасных человеческих типов,
ибо он, сам не сознавая того,
становится рабом
умерщвленной части его самого;
и это рабство неизбежно стремится
внешне превратиться
в тиранию.**

Габриэль Оноре Марсель

**Любая развитая идеология создается,
поддерживается и совершенствуется
как политическое оружие,
а не теоретическая доктрина.**

Ханна Арендт

Андрей Егоров

**«...ПРЕЖДЕ ВСЕГО
НАПРАВЛЕНИЕ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ,
А НЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ»**

**ЕВРАЗИЙСТВО В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ 1920–30-х гг.**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК 94(130.2)

В статье рассматриваются дискуссии либеральных, социалистических и отчасти консервативных кругов русской эмиграции 1920–30-х гг. по поводу евразийских философско-политических идей. За основу взяты высказывания о евразийстве таких известных деятелей эмиграции, как Н.А.Бердяев, Л.П.Карсавин, Ф.А.Степун, П.М.Бицилли, П.Н.Милоков, В.В.Руднев и др. Анализируются ключевые проблемы развернувшейся полемики: идейные истоки евразийства, соотношение русской и европейской культур, исторические построения и политическая программа евразийцев и пр. Показано, что широкие круги эмиграции не приняли многие положения евразийцев: недооценку европейской культуры, утверждения о ее скорой гибели, идеи построения идеократического государства, попытки оправдать большевизм. К заслугам евразийцев относили попытки найти новый идеологический синтез для пробудившегося в революции русского национального сознания. В заключении представлены итоги полемики, подведенные А.С.Изгоевым в 1932 г., который показал, что евразийцы попытались найти новую основу для русской национальной государственности, создали идеологический фундамент для будущих правых русских политических группировок.

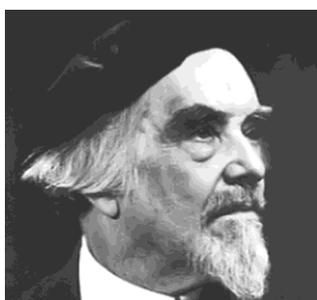
The article discusses the debate the liberal, socialist and partly conservative circles of the Russian emigration 1920–30-ies about the Eurasian philosophical and political ideas. Based on the statements of Eurasianism such well-known figures of emigration as N.A.Berdyayev, L.P.Karsavin, F.A.Stepun, P.M.Bitsilli, P.N.Milyukov, V.V.Rudnev, and others. Analyze the key problems of the polemic: the ideological origins of Eurasianism, the ratio of Russian and European cultures, the historical construction and a political program of the Eurasians, etc. It is shown that wide circles of the emigration had not taken a position Eurasians: the underestimation of European culture, the allegations about her imminent death, the idea of building ideocratic state attempts to justify Bolshevism. To the merits of the Eurasians took trying to find a new ideological synthesis to awaken in the revolution of the Russian national consciousness. The conclusion provides the outcome of the controversy, summed up by A.S.Izgoev in 1932. He showed that the Eurasians tried to find a new base for the Russian national statehood, created the ideological Foundation for future Russian right-wing political groups.

Ключевые слова: евразийство; русская эмиграция; общественная мысль; консерватизм; либерализм; социализм; национализм.

Key words: Eurasianism; Russian emigration; public opinion; conservatism; liberalism; socialism; nationalism.

E-mail: anegorov65@mail.ru

В наши дни евразийство является одним из наиболее влиятельных философско-политических течений, к идеям которого обращаются не только ученые и публицисты, но и политики самого высокого уровня. Между тем с момента своего зарождения в начале 1920-х гг. оно вызвало резкое неприятие самых разных эмигрантских кругов: правосоциалистических, либеральных, консервативных. Обращение к развернувшейся вокруг евразийских идей полемике позволяет не только проследить развитие русской мысли в эмиграции, но и по-новому взглянуть на целый ряд современных проблем, связанных с евразийской тематикой.

Н.А.Бердяев

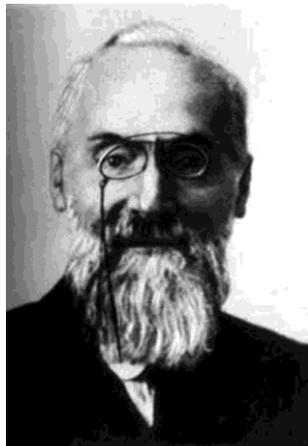
Причины появления евразийства его оппоненты видели в эмоциональной реакции на Первую мировую войну и большевистскую революцию. «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу, — отмечал Н.А.Бердяев [9, с.292]. Его тревогу вызывал тот факт, что стихийное национальное и религиозное чувство евразийцев «не связано со сложной культурой, с проблематикой духа».

Один из редакторов журнала «Современные записки» эсер В.В.Руднев также видел в евразийстве эмоциональное состояние, охватившее широкие круги русских людей в связи с трагическими событиями революции и гражданской войны. Тщетность попыток объяснить характер и исход российской революции западноевропейскими законами исторического развития привела евразийцев к поискам своеобразия исторического пути России, особенностей духовного облика русского народа. Отсюда вполне логичным выглядело обращение евразийцев к историософским идеям славянофильства. Однако В.В.Рудневу не нравилось обращение евразийцев к «узконациональным» и «реакционным», с его точки зрения, мыслителям, таким как Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев, и их равнодушие к ранним славянофилам — К.С.Аксакову, И.В.Киреевскому, Ю.Ф.Самарину, А.С.Хомякову, которые соединяли свою веру в самобытность России с любовью к культуре Запада и видели «миссию русского народа не в его национальной изоля-

ции, а в служении всему человечеству, сочетавшие глубокую религиозность с подлинной преданностью свободе» [10, с.585].

А.А.Кизеветтер также отказывал евразийцам в праве называть себя последователями ранних славянофилов, поскольку славянофилы, как и западники, «придавали своим идеалам значение мировое, общечеловеческое, тогда как евразийцы отвергают самое понятие общечеловеческой культуры, заменяя его понятием совокупности отдельных культурных партикуляризов» [9, с.274]. Н.А.Бердяев называл евразийцев «духовными реакционерами» за их разрыв с лучшими традициями русской религиозно-национальной мысли, за отступление назад по сравнению с идеями А.С.Хомякова и Ф.М.Достоевского. «Они партикуляристы, – писал он, – противники русской всечеловечности и всемирности, противники духа Достоевского» [9, с.294].

Отношение евразийцев к русской и европейской культурам, к проблеме их взаимосвязи явилось одним из наиболее острых элементов полемики. Так, известный кадетский публицист А.С.Изгоев отмечал, что его мировоззрение отделено от евразийства «признанием наличности в каждой культуре общечеловеческих элементов и стремлением через национальные культуры прийти к единой мировой и общечеловеческой». Евразийцы, по его мнению, «противополагают этому взгляду извечную особенность национальных культур, стремящихся не к единству, а к обособлению, следовательно, к борьбе» [5, с.350].

А.А.Кизеветтер

Развивая данный тезис, А.А.Кизеветтер подчеркивал, что евразийцы очень своеобразно трактуют понятие синтеза культур. Они представляют содержание русского культурного развития как борьбу между «европейскими и азиатскими началами», в которой «на русской почве Азия должна восторжествовать над Европой по той причине, что сердцевина души русского народа, ее подлинная подоплека есть азиатская, а не европейская». Кизеветтер упрекал евразийцев в подмене идеи о сочетании европейских и азиатских начал идеей о том, что русская культура является как бы ареной столкновения этих начал, «причем такого столкновения, при котором азиатским началам обеспечена полная победа».

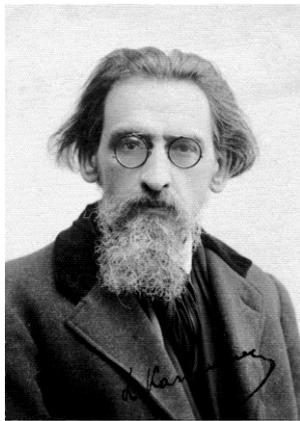
Категорически не соглашаясь с противопоставлением евразийской культуры европейской, он констатировал: «Евразийство есть призыв к борьбе против европейских элементов в русской культуре» [9, с.269].

Резко критиковали евразийство и отдельные правые деятели эмиграции. Так, В.В.Шульгин в письме В.А.Маклакову охарактеризовал евразийцев как «новых варваров», «злых "москвитов"», «великорусских шовинистов», прикрывающихся «азиатскими» псевдонимами. «Прочтите их литературу, – писал он, – и Вы убедитесь, что они ненавидят все русское за исключением узкомосковского периода, то есть из тысячелетней истории вычеркивают семьсот лет, а из всей русской культуры приемлют только "бытовое исповедничество" московских пусто- и полносвятых да "хананат" (т.е. период монголо-татарского владычества над Русью. – А.Е.). За отрицание положительной роли европейской культуры Шульгин называл евразийцев «вредными и злобствующими сепаратистами» и заключал: «Необходимо защищать единую и неделимую "Пушкинскую" культуру, созданную тысячелетними усилиями всех русских племен или, выражаясь географически, усилиями Киева (четыреста лет), Москвы (четыреста) и Петербурга (двести)» [13, с.261].

Не принимали оппоненты евразийцев их недооценку европейской культуры, утверждения о ее скорой гибели. Французский писатель и литературный критик русского происхождения Б.Ф.Шлецер отмечал, «что европейская культура больна – в этом не может быть сомнения; она переживает опасный кризис; но если даже Европа погибнет, и гегемония на земле перейдет к Америке или Австралии, то в основу новой цивилизации ляжет все же европейская культура» [16, с.381]. А.А.Кизеветтер упрекал евразийцев в том, что они нарисовали «фантастически-идиллическую картину духовного родства России и татарщины, и каким-то непонятным образом плодом этого русско-татарского культурного единения у них оказывается торжество на Руси православия». Евразийцы присвоили Евразии миссию стать во главе неевропейского мира «против европейской культуры, тлетворной, насильнической и дышащей на ладан». Либералы категорически не принимали призыв встать против «гниющего европейского запада» во имя «патриархального деспотизма» [9, с.278].

Ф.А.Степун полностью соглашался с утверждениями евразийцев о том, что взаимоотношения Востока и Запада являются центральным вопросом для России. Он полагал, что проблему гармонизации обоих начал можно решить только в том случае, если все вопросы русской культуры и государственности будут разрешаться не путем «этнографи-

ческой антитезы восток – запад», а с точки зрения реальной пользы для России. «Отказываться от европейских форм как от европейских (здесь и далее курсив автора. – А.Е.) – бессмысленно. Никаких же веских доказательств неистинности европейских форм культуры и государственности у евразийцев нет, – заключал Степун. – Вся их аргументация – в конце концов, только талантливая исповедь о своих *вкусовых пристрастиях*, и весь их подход к вопросам истины и культуры – подход стилистический. Искание русской правды у них сводится к исканию русского костюма, и от их писаний временами веет исторической оперой» [14, с.406].

Л.П.Карсавин

Л.П.Карсавин, сам примыкавший к евразийству, также не принимал важнейший его тезис о скорой гибели западной культуры и системы ценностей. Он подчеркивал, что русские, являясь одновременно и европейцами, не должны «истреблять в себе европейское», поскольку этим они истребляют самое себя, проповедают самоедство. «Для нас великое несчастье, – писал он, – если Европа как самостоятельная личность умрет, оставив лишь прекрасные могилы. Тогда на наши плечи ляжет двойное бремя. Нам придется развивать свое русское и развивать еще и европейское, оставленное нам в наследство. Плохо было, когда мы теряли свое лицо, себя самих, растворяясь в европейском: мы себя не сохранили и европейцами

не сделались, превратив европеизм в большевистский коммунизм. Но хуже будет, если из чувства ложно понятого самосохранения мы отвернемся от Европы. Тогда нам тоже себя не сохранить, ибо начнем мы с самооскопления» [6, с.314].

Исторические построения евразийцев, их рассуждения о влиянии монголо-татар на Русь не встретили столь жесткого отпора в эмигрантской среде. Скорее, наоборот – в этих идеях эмигрантские мыслители старались найти позитивный момент. Русский историк и философ П.М.Бицилли в рецензии на «Начертание русской истории» Г.В.Вернадского отмечал, что еще до революции сложился определенный взгляд на историю России, в соответствии с которым русское прошлое рассматривалось как некий целостный, органический, замкнутый

и сплошной процесс, протекавший не без воздействий со стороны Востока и Запада, но так, что эти воздействия представлялись «посторонними, внешними, относящимися к историческим процессам, протекавшим параллельно с русским и с этим последним как бы вовсе не сплетавшимся». Этот взгляд создавался западниками, исходившими из единства русской и западной историй. Но само это единство понималось как абстрактное, а не реальное. Доказывая европейский характер русского народа, историки изображали его развитие как прохождение через стадии, свойственные европейским народам, недооценивая при этом историю восточных соседей России [1, с.515].

Заслугу евразийца Г.В.Вернадского Бицилли видел в том, что тот доказал: русскую историю нельзя отрывать от истории Востока. Конечно, это было известно уже давно, но это знание было «каким-то мертвым капиталом». Вернадский первым из историков-специалистов увидел эту истину, переработав с новой точки зрения весь взгляд на русскую историю. «Излагая историю России в рамках истории Евразии, – писал Бицилли, – изучая Россию как геополитическую величину, говоря проще, изучая историю русского народа не только во времени, но и в пространстве, чего до сих пор не делали, Вернадский тем самым восстанавливает права исторической реальности. Народ и место, на котором он развивается ("месторазвитие", как говорят евразийцы), связаны неразрывной связью; "месторазвитие" так же "принадлежит к истории", как и сам народ» [1, с.517].

Г.В.Вернадский

К недостаткам Вернадского Бицилли относил замалчивание не нравящейся евразийцам «европейской» политики России, а также голословность некоторых утверждений. Например, неясно, почему Вернадский считал, что армия Петра I была построена на принципах, которые шли еще от Чингисхана. Впрочем, добавлял рецензент, увлекаться, хватать через край «свойственно всякому, кто отваживается пролагать новые пути. Вернадский заслуживает признательности за то, что он сделал. После него уже легче будет сделать лучше» [1, с.518].

В то же время П.М.Бицилли не соглашался с утверждениями евразийца П.Н.Савицкого о том, что Европа для России была только угрозой

существованию, как для Китая степь. Европейская опасность, отмечал он, была иного рода, – не та, какую несет слепая, разрушительная сила: «Европа не просто отпугивала: она и отталкивала, и притягивала». Большим недостатком евразийцев Бицилли считал догматизм мышления: «У "евразийцев" чутье исторической реальности как-то совмещается и, к несчастью, часто затемняется свойственным сектантам пристрастием к условным речениям, к символике» [1, с. 519].

П.М.Бицилли

Конечно, эмигрантские историки, отрезанные от советских архивов, не столько изучали российскую историю, сколько осмысливали ее. Евразийская идея появилась на свет не как историографическая теория, а как историософская концепция, нуждающаяся в наполнении фактическим материалом. Именно в историософском характере евразийства, в постановке им новых идей видят его значение современные исследователи воздействия Золотой Орды на русскую историю [4, с.923]. Евразийская историософия опиралась на идею «материка-океана», самодовлеющего евразийского континента, определяющего всю духовную сферу. Это чутье историко-географической реальности позволило евразийству, по мнению П.М.Бицилли, преодолеть отвлеченность и «бесплотность» канонов русской историографии. Однако, увлечение идеей обусловленности «истории» «географией» привело евразийство к определенной одержимости географией и географической терминологией. Континент Евразия превратился для них в нечто абсолютное, непререкаемое, хотя даже с географической точки зрения евразийский континент нельзя отделить от Западной Европы, ибо она является частью этого самого континента. «Отрыв "Евразии" от "Европы" в культурном отношении, как и в хозяйственном, – полагал Бицилли, – скорее всего временное явление; а между тем евразийцы изображают его как некоторую идеальную цель, к которой якобы, невзирая на людские заблуждения ("утрата евразийского чутья"), географическое провидение направляло ход русской истории, и притом – как цель конечную» [1, с.522].

Как видим, П.М.Бицилли, несмотря на неприятие ряда идей евразийцев, в целом довольно благожелательно отнесся к их историческим построениям. Более жесткую позицию занял историк русского зарубе-

ЕВРАЗИЙСТВО В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-30-Х ГОДОВ

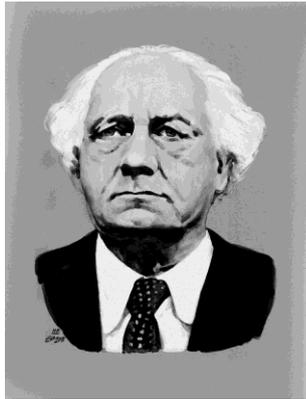
жя Д.М.Одинец, упрекая Г.В.Вернадского в априорно-теоретическом подходе, в стремлении подогнать факты под свою концепцию. По его мнению, приводимые евразийцами факты показывали, что на территории бывшей Российской империи, помимо локальных исторических процессов, развертывалась не история «Евразии» как некоего целостного культурно-исторического блока, а шла «вековечная борьба Европы и Азии, сопровождавшаяся в известной мере и их также извечным взаимопроникновением». В России, находившейся на стыке двух миров, это взаимопроникновение было особенно заметным. «"Миссия" России, – заключал Одинец, – состояла не в том, что к ней перешла гегемония в "Евразии" (важнейший тезис евразийцев. – *А.Е.*), а в том, что в борьбе между Европой и Азией ей суждено было явиться европейским авангардом. "Миссию" свою, худо ли, хорошо ли, Россия выполнила. Настоящая, подлинная, безоговорочная Азия начиналась там, где кончалась граница России» [8, с.484].

В целом исторические размышления евразийцев на тему взаимодействия России и Востока вызвали в эмигрантских кругах «известный интерес» и даже «заслуживали сочувствия». Но претензии евразийцев на превращение в организованную политическую силу привели к жесткой реакции либералов и социалистов. Евразийцев обвиняли в «сервилизме по отношению к большевистской власти», в «порочных, соблазнительных и ядовитых» идеях. По мнению В.В.Руднева, политическая программа евразийцев складывалась, с одной стороны, под влиянием итальянского фашизма, с другой, – под воздействием системы и практики большевистской диктатуры, которую евразийцы в своих теориях «копируют рабски». Социалисты увидели в построениях евразийцев «старорежимную ненависть к освободительному движению», «антидемократическую сущность», ненависть к свободе и демократии. Столь резкие оценки были вызваны попытками евразийцев понять и отчасти оправдать действия большевиков тем, что мерами насилия те утверждали и укрепляли государственную власть. Руднев отмечал, что в демократическом государстве право открытой политической деятельности является аксиомой, а конкурирующие политические партии свободно обращают-

В.В.Руднев

ся к народу. Однако в евразийских построениях народ как активная и самостоятельная сила «совершенно отсутствует, упразднен принципиально». Народ для евразийцев – «слепая масса, обладающая лишь потенциальным личным бытием, лишь неосознанным мирозерцанием и бессознательной стихийной волей». Поэтому народу необходимо «попечение о нем правящего слоя, представляющего собою "организованное меньшинство, сознательно осуществляющее бессознательную волю целого". Евразийская партия берет на себя заботу осмысливать за народ его же собственное мирозерцание и даже выражать и осуществлять его "бессознательную" волю». Понятно, что такая политическая философия вызвала отторжение эсеровских авторов. Руднев делал жесткий вывод: «Итак, вот он – евразийский политический идеал: бесправный и безгласный народ внизу, вверху – монополярная правительствующая партия, сливающаяся с правящей бюрократией, все это возглавлено царской (самодержавной?) властью, – это ли не подлинная старорежимная идиллия?» [10, с.590].

Ф.А.Степун

В основе политического идеала евразийцев Ф.А.Степун видел острую ненависть к демократии, которой приписывалось «предательство русской веры, культуры и быта, отрицание родины и нации во имя интересов партии». В 1920-е гг. неприятие демократии в эмигрантских кругах отражало общую обывательскую ненависть к бессилию Временного правительства, к коллективному «Керенскому». Такая позиция, по мнению Степуна, «дает достаточное основание к определению евразийства

как *русского фашизма* (курсив автора. – А.Е.)», как эмоциональной реакции на пороки демократии [14, с.404].

Разбирая этот тезис, философ С.И.Гессен писал, что возникший как реакция против коммунизма итальянский фашизм противопоставил ему в своей идеологии «те же принципы национализма, иерархизма и национальной религии. Отвергая, вместе с коммунизмом, формальную демократию с ее мнимым понятием свободы, фашизм усвоил, по словам Муссолини, "самые радикальные требования современного рабочего движения". Итальянский фашизм объединил вокруг себя все антикоммунистические силы страны и привлек к себе массы рабочего и

крестьянского населения, разочаровавшиеся в парламентарной демократии. В то же время «в отличие от фашизма евразийство лишено цемента власти и диктатуры, своего рода круговой порукой сцепляющего воедино его итальянский прототип» [3, с.499].

О взаимосвязи итальянского фашизма с идеями евразийцев размышлял и известный общественный деятель Б.А.Бахметев. Видя в основе политической теории фашизма интегральный этатизм, доведенную до логического конца идею всеобъемлющего государства, противопоставленную учениям, основанным на принципах главенства личности, он полагал, что фашизм, коммунизм и «отчасти монархизм старого типа» исходят из одинакового принципа преобладания интересов государства над интересами личности. Его тревожило, что евразийцы, будучи правыми этатистами и высоко оценивая практические достижения большевизма, полагали, что советской системой можно воспользоваться, лишь заменив одних диктаторов другими, т.е. одних этатистов другими [12, с.340].

Евразийцы сами дали повод для сравнения себя с фашистами. В их концепции «идеократического евразийского государства» вполне можно было увидеть сходство с фашизмом и коммунизмом, претендовавшими на всеобъемлемость своего влияния, на тотальную всеохватность умов. Понимая это, один из основателей евразийства Н.С.Трубецкой писал, что «в тех двух странах, в которых ныне как будто нечто похожее на идеократию уже существует и, во всяком случае, создаются соответствующие формы жизни – именно в Италии и СССР, – все-таки о настоящей идеократии говорить еще нельзя... И фашизм, и коммунизм – лжеидеократии» [15, с.413]. Современные исследователи полагают, что найти общее в фашизме и евразийстве можно «лишь отвлекаясь от сути их содержания, обращая внимание только на отдельные внешние формальные признаки», такие как наличие одной партии и идеологии, ведущая роль государства в политической, экономической и духовной сферах [11, с.9].

Отношение П.Н.Милюкова к евразийству было крайне отрицательным – их идеи он называл «националистической фантастикой», «воздушными замками в облаках»,

П.Н.Милюков

«мессианскими миражами» [7, с.434]. Либералов тревожил тот факт, что, обращаясь к патриотической риторике, призывая советскую власть к укреплению военной мощи России, евразийцы недостаточно внимания уделяли проблемам сохранения русской культуры. Как писал литературовед и культуролог В.В.Вейдле, «можно поклоняться национальному штыку и в то же время топить печку рублевской иконой» [2, с.454].

Не принимая евразийство, называя его ложным в своих выводах, В.В.Руднев отмечал, что оно «симптоматично по своим исканиям», поскольку свидетельствовало о назревшей потребности в новом идеологическом синтезе для пробудившегося в революции русского национального сознания. В выработке такого синтеза большую роль могло играть обращение к раннему славянофильству, критическое усвоение его живой основы, признание самобытности путей России и осмысление религиозной основы русской культуры. Однако евразийцы не пошли по пути раскрытия «духа свободы, не чуждого ранним славянофилам», а встали на путь, который может привести их к одной из «разновидностей национал-большевизма» [10, с.592].

Л.П.Карсавин, критикуя многие положения евразийцев, не отрицал «талантливости многих из авторов, принявших имя евразийцев» и ценность ряда высказанных ими наблюдений и замечаний. Он призывал требовательно отнестись к их концепциям: «Если они верят в свои идеи и хотят, чтобы другие в них поверили, они должны обуздать порывы к вещанию, осторожнее обращаться с таким тонким орудием, как научная аргументация». Евразийские темы, по его мнению, можно обосновать только философски-метафизическим путем. «Тем печальнее, – заключал он, – что философского обоснования пока у евразийцев мы не видим. Есть отдельные, брошенные мимоходом философские мысли и характеристики. Нет философского анализа, философской аргументации» [6, с.307].

Ф.А.Степун, анализируя евразийство, называл его единственным «совершенно не связанным с довоенной эпохой». В нем он видел «большевистски-революционную заостренность и страстность», а значение – в том, что евразийцы «крепко стянули в узел» все душевные эмоции русского интеллигента: «После всех унижений и несчастий, в которые перед лицом всей Европы ввергли Россию европейские принципы республики и социализма, совсем удержаться от евразийских эмоций почти невозможно, тем более что и сама Европа в лице своих не худших представителей как будто бы разочаровывается в себе и ждет духовной

ЕВРАЗИЙСТВО В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-30-Х ГОДОВ

помощи не от европейской, но от азиатской восточной России» [14, с.401].

Сущность евразийства Ф.А.Степун видел в двух положениях: православие и национализм. Новое в евразийском национализме заключалось в оторванности чувства «родины» от чувства «народа». «Евразийцы, – писал Степун – совсем не народники, не мужиколюбы. Для соединения с Россией им, не в пример славянофилам, народникам и Толстому, никакого народа не надо. Россию, по их ощущению, они несут в своих собственных интеллигентских сердцах» [14, с.401]. В своеобразном противоречии с этим антинародничеством евразийцев находилась их страстная любовь к почве, к быту, тому, что называли «евразийский консервативный бытовизм».

Своеобразный итог полемики с евразийцами подвел в 1932 г. А.С.Изгоев. Заслуги евразийцев он видел в том, что они, не ограничиваясь простым высказыванием мысли о том, что «Россия – особый мир», вложили много интеллектуальных сил в ее обоснование с исторической, географической, антропологической, лингвистической и социологической точек зрения. Этой работой, полагал он, евразийцы «очень обогатили содержание русской консервативно-националистической мысли. Она совсем уже, было, засыхала в песках погибавшего царского самодержавия и безыдейного беспочвенного самохвальства» [5, с.351].

А.С.Изгоев

Политическую заслугу евразийцев А.С.Изгоев видел в том, что в момент крушения русской национальной государственности они указали на новый «субстрат» для обновленного государства. Констатируя исчезновение старой России, они утверждали, что «территория, захваченная коммунистами под флагом СССР, и есть место развития того "особого мира", который под разными названиями уже много веков строит свою самобытную "евразийскую культуру"», а коммунистический режим – всего лишь одна из «ее мутаций» [5, с.351]. Евразийцы призывали народы России преодолеть коммунизм и изменить формы государственной жизни, заменив «узкий обрусительный централистический национализм» широким федерализмом, уважающим, «подобно татарам, язык, веру и обычаи входящих в государство народов». Тогда российское государство не погибнет, а приобретет под собой широкую народ-

ную основу. Этот призыв евразийцев, подчеркивал Изгоев, не только возродил государственный патриотизм, но и встретил сочувствие у многих народов России.

Оппоненты евразийцев ставили им в упрек упразднение самого понятия «Россия» и замену его «Евразией», указывая при этом на ненужность такой замены, так как термины «Россия» и «русское» всегда имели более широкий смысл, чем «русский» и «русское». Обращали внимание на то, что содержание своего нового патриотизма евразийцы могли бы вложить и в слово «российский», поскольку их «Евразия» была только урезанным псевдонимом России. Как полагал А.С.Изгоев, евразийцам хотелось своим отказом от имени «Россия» «купить полное доверие инородцев и облегчить коммунистам сделку по сдаче или разделу власти с "евразийским отбором"». Они не понимали, что без длительной борьбы никакая конверсия коммунизма невозможна. Стимулов для борьбы с коммунистами евразийцы не рождали. «Напротив, – полагал Изгоев, – их теории "отбора", "монопольной власти единой партии", открывая дорогу к возврату царского самодержавия, в то же время идейно укрепляли и коммунистическое самодержавие». В наши дни выводы Изгоева звучат весьма актуально: «Теоретико-политическая заслуга евразийцев бесспорна. Они возродили русскую консервативную, правую политическую мысль... Нынешняя русская правая общественность не может сделать ни единого шага вне круга евразийских идей. В них будущие правые русские политические группировки приобрели фундамент для своих идеологий» [5, с. 353].

Таким образом, широкие круги русской эмиграции не приняли многие положения евразийцев: недооценку ими европейской культуры, утверждения о ее скорой гибели, идеи построения идеократического государства, попытки оправдать большевизм. Упреки в адрес евразийцев заключались в отходе от идей ранних славянофилов, в ненависти к демократии и близости к итальянскому фашизму. Заслуги евразийцев видели в попытках найти новый идеологический синтез для пробудившегося в революции русского национального сознания и стремлении по-новому взглянуть на историю взаимоотношений России с восточными соседями.

Библиографический список

1. Бицилли П.М. Новые синтезы русской истории // Современные записки. 1928. № 34. С. 514-522.

ЕВРАЗИЙСТВО В ОЦЕНКАХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-30-Х ГОДОВ

2. Вейдле В.В. Рец. на: Савицкий П.Н. Разрушающие свою родину // Современные записки. 1936. № 62. С. 453-454.
3. Гессен С.И. Евразийство // Современные записки. 1925. № 25. С. 494-508.
4. Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалиев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
5. Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917-1932) // Труды по руссификации: Сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 1. С. 344-368.
6. Карсавин Л.П. Европа и Евразия // Современные записки. 1923. № 15. С. 297-314.
7. Милуков П.Н. Народник-марксист о русской индустриализации // Современные записки. 1932. № 50. С. 434-438.
8. Одинец Д.М. Рец. на Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины IV века до настоящего времени // Современные записки. 1935. № 59. С. 482-484.
9. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. 368 с.
10. Руднев В.В. Рец. на: Евразийство (Опыт систематического изложения) // Современные записки. 1927. № 30. С. 583-592.
11. Сачко Г.В. Евразийство и фашизм: история и современность // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2009. № 40. С. 6-13.
12. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х т. / Под ред. О. Будницкого. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2002. 672 с.
13. Спор о России: В.А. Маклаков В.В. Шульгин. Переписка 1919-1939 гг. / сост. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. 439 с.
14. Степун Ф.А. Рец. на: Евразийский Временник. Книга третья. // Современные записки. 1924. № 21. С. 400-407.
15. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», 1995. 800 с.
16. Шлецер Б.Ф. Рец. на: Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Современные записки. 1921. № 4. С. 376-381.

Они порвали с прошлым,
но в то же время продолжали его,
порвали с традициями,
но одновременно развили
и углубили их; они покончили
с историческим прошлым,
в котором господствовали
имущие классы,
и продолжили, развили и обогатили
жизненные традиции пролетариата,
традиции рабочих и крестьян.

Антонио Грамши

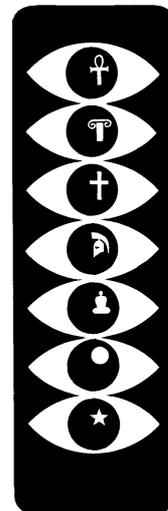
Язык – это среда, в которой
объединяются «Я» и мир.

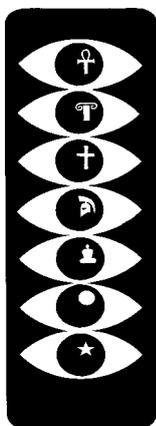
Ганс Георг Гадамер

Евангельская формула («И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»), очевидно, требует признания религиозной свободы и равноправности... <...>

Ведь мы несомненно хотим, чтобы люди уважительно относились к нашим верованиям, к тому, что мы признаем истинным и спасительным для нашей души, чтобы они предоставляли нашей вере полную свободу исповедания и проповедания; следовательно, точно так же, по евангельскому слову, должны и мы поступать с людьми, должны делать по отношению к их вере только то, чего хотим от них для своей веры.

В.С.Соловьев

Вячеслав Волков

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА
РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).083:338.43:314.8

В статье рассматриваются особенности процесса развития рабочего класса России во второй половине XIX – начале XX в. Делается вывод о том, что у рабочих крестьянского происхождения продолжала оставаться тесная связь с деревней и сельскохозяйственной деятельностью. Они были привязаны к своей общине и домохозяину. В результате больше половины промышленности размещалась вне городов, а господствующим типом работника стал отхожий крестьянин. В сознании рабочих традиционные общинные установки не вытеснялись буржуазными ценностями и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива, принимая ярко выраженную антибуржуазную направленность. В начале XX века в фабрично-заводской промышленности при снижении темпа роста общей численности фабрично-заводского пролетариата сокращались возможности приема рабочей силы из деревни и других в связи с тем, что свободные рабочие места все чаще занимали выходцы из рабочих семей. Это способствовало усилению социально-экономической анклавности рабочего класса, постепенному затуханию процесса пролетаризации и развитию пауперизации.

The article discusses the features of the process of development of the Russian working class in the second half of XIX – early XX cent. The conclusion is that the workers of peasant origin remained in close ties with their villages and to the agricultural activities. They were tied to their rural communes and the householders. As a result, more than half of the industry was located outside towns, and the peasants leaving on earnings became the dominant type of workers. In the minds of the workers the traditional rural commune values were not superseded by the bourgeois ones and were not lost, but were transformed within the framework of new communities – labor collectives, taking a pronounced anti-bourgeois orientation. In the early twentieth century, with a decrease in the growth rate of the total number of the factory proletariat, there declined in the manufacturing industry the possibility of receiving labor force from villages and other regions, due to the fact that vacant jobs were increasingly occupied by those who came from the working-class families. This conduced to strengthening the socio-economic enclaveness of the working class, the gradual decay of the process of proletarianisation, as well as to the development of pauperisation.

Ключевые слова: рабочий; крестьянин; связь с землей; деревня; отход.
Key words: worker; peasant; ties to the land; village; departure on earnings.
E-mail: agnee@yandex.ru

Россия второй половины XIX – начала XX в. стала местом, где была впервые продемонстрирована новая модель модернизации общества, отличная от западноевропейского пути развития. Особую роль в этом процессе сыграл русский рабочий класс, заключавший в себе характерные черты двух столкнувшихся эпох: индустриального капитализма и аграрного феодального мира. Будучи крестьянином по сословному положению, менталитету и быту, русский рабочий во многом оставался сельским обывателем и в сфере приложения своего труда. Однако эта связь со старым крестьянским укладом медленно, но неуклонно ослабевала, уступая место рыночным отношениям, новым потребностям и установкам, что парадоксально приводило к возникновению, скорее, не классического капиталистического пролетария, а антикапиталистически настроенного заводского общинника. Именно этот социальный тип создал советы как форму народовластия и породил чисто русский левый проект большевистской организации общества.

Такая трактовка генезиса рабочего класса в России долгое время находилась на обочине отечественной историографии. Несмотря на большое количество фактов, говорящих о неоднозначном социально-экономическом положении российского пролетариата, его явно общинном менталитете, в советской исторической науке господствовало твердое убеждение в том, что фабрично-заводской рабочий России был капиталистическим пролетарием, отягощенным, правда, архаическими и феодальными пережитками и формами. Исключение составляли дискуссии по поводу горнозаводского населения Урала, которое одни историки относили к «полурабочим-полукрестьянам» [42; 52, с.28], а другие – к совершенно порвавшим связь с землей наемным работникам [5, с.20; 35, с.155–158; 81, с.227]. Особую точку зрения развивал В.В.Адамов. Он считал, что даже в начале XX века горнорабочие представляли собой не пролетариат, а сословие крепостнического уклада и их положение было аналогично положению сельскохозяйственных рабочих [1, с.162].

В целом, в лоне устоявшейся «капиталистической» парадигмы споры шли по более второстепенным вопросам: о степени связи рабочих с землей, о соотношении пришлых и местных, постоянных и временных рабочих. По этой же парадигмальной причине существовали направления, в рамках которых исследования почти не проводились. К числу таких можно отнести изучение проблемы артелей и артельного найма. Пожалуй, только К.Н.Тарновский в своей фундаментальной работе, посвященной мелкой промышленности, попутно осветил сюжеты артельного найма [75, с.144–153]. Другое интересное направление – ка-

бальные отношения, возникавшие на рынке труда, – в советское время рассматривалось вскользь и полностью в рамках изучения так называемых крепостнических пережитков (полукрепостнических отношений). Советских историков вводил в заблуждение сам факт прикрепления работников к определенному виду труда, и они особо не углублялись в его истинные причины [36, с.156, 185, 214; 59, с.117, 140; 55, с.140, 143, 161–162]. Однако примечательно, что наем через задаток, закрепление работников с помощью зависимой и долговой торговли в хозяйских лавках, предоставления жилья, питания и земельных участков однозначно трактовались как характерные черты кабального найма. Более или менее развернутое описание кабальных отношений на рынке труда в промышленности России мы встречаем в исследованиях уральских историков [28, с.118–129; 13, с.104–117].

В постсоветское время в историографии преобладало изучение проблем, касающихся тенденции регионализации, концентрации на вопросах развития инфраструктуры рынка труда; меньше стало обобщающих исследований по проблеме отношений найма, хотя при этом получили дальнейшее развитие исследования материального положения рабочего класса. Появились и новые темы: повседневной жизни и деятельности рабочих, истории создания и функционирования рабочих артелей. В целом изменилась общая идеология исследований: многие вопросы рассматривались теперь не в парадигме противостояния рабочих и предпринимателей, как ранее, а в аспекте зарождения социального партнерства в российской промышленности данного периода. В постсоветской историографии также не произошло выхода за рамки «капиталистической» парадигмы генезиса рабочего класса России, что, на наш взгляд, находится в явном диссонансе с большим числом неудобных для нее фактов. Поэтому целью статьи является создание новых смыслов из старых фактов.

Крестьянская ноша русских рабочих

Становление промышленного пролетариата России характеризовало встречу двух взаимосвязанных процессов – удовлетворения спроса на рабочую силу и реализации ее предложения. При этом, с одной стороны, проявлялись общие закономерности модернизации, а с другой, – возникал ряд ее особенностей, присущих именно России.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

В 60-х – 70-х годах XIX в. после отмены крепостного права наблюдался большой прилив в промышленность рабочих крестьянского происхождения. Например, в 1882 г. промышленный пролетариат Москвы на 61,9% состоял из крестьян [63, с.153]. На Трехгорной мануфактуре в 1881–1882 гг. 60,3% рабочих происходили из крестьян, в 1889–1890 гг. – 80%, в 1917 г. – 92,4%. На мануфактуре Цинделя в 1899 г. 94,2% рабочих были представителями крестьянского сословия. Во Владимирской губ. в 1897 г. 85,6% обследованных рабочих имели крестьянское происхождение [24, с.79–80].

Однако многочисленные данные о сословной принадлежности рабочих точно не фиксируют их социальное происхождение, так как некоторые рабочие – крестьяне по паспорту – могли не иметь ничего общего с сельским хозяйством и уже не одним поколением были связаны с фабрично-заводской деятельностью. Очень часто рабочий, много лет трудившийся на заводе или фабрике и не помышлявший возвращаться к земледелию, продолжая числиться крестьянином, платил налоги за землю, мирские повинности, возобновлял непрерывно свой «вид на жительство», посылая на это деньги [59, с.131].

У рабочих крестьянского происхождения продолжала оставаться тесная связь с землей. Одни крестьяне-отходники работали на фабрике, в основном, в зимний период, возвращаясь весной и летом домой для полевых работ, другие, наоборот, шли на фабрики и другие промышленные предприятия в летнее время, для того чтобы отработать долги и задатки или получить деньги для уплаты податей осенью. Связь с землей сохраняли и те рабочие, которые вышли из фабричных семей.

Несмотря на всю сложность разрыва рабочих с землей, *эта связь постепенно ослабевала*. На основании изучения подворных переписей крестьян 1869–1871 гг. и 1883 г. можно сделать вывод о том, что связь с земледелием сохраняли преимущественно рабочие из крестьян, работавших на местных фабриках. Но и здесь значительно больше половины рабочих было из безлошадных крестьян. Земледелие играло роль своеобразного дополнительного к фабричным заработкам источника дохода семьи [7, с.151].

Каковы же были масштабы связи рабочих с деревней и сельскохозяйственной деятельностью?

Н.Н.Рашевский, характеризуя положение рабочих России на сахарных заводах в начале XX в., писал, что из примерно 100–150 тыс. рабочих, мастеровых и мелких служащих большинство «не потеряли связи с землей, имеют свое хозяйство, но работа на заводе является

для них главным заработком. Только на рафинадных заводах часть рабочих совсем бросила землю, а большинство хотя и имеет собственное хозяйство, но живет почти исключительно работой на заводах» [60, с.4].

Из опрошенных рабочих Московской губ. в 1884–1885 гг. на полевые работы уходило 14,1%, из рабочих Владимирской губ. в 1897 г. – 12,51% мужчин и 7,98% женщин (при общей доле женщин-работниц – 39,01%) [16, с.4; 33, с.33]. На 34 копиях Донбасса в начале 1890-х годов на сельскохозяйственные работы убывало 40% горняков [12, с.115], из всех рабочих на московской текстильной фабрике «Эмиль Циндель» в 1900 г. – 12,58%. Из рабочих Санкт-Петербурга в 1900–1902 гг. на металлургических предприятиях убывало 7,5% при наличии 59% имевших надел, в химической отрасли – 7,3% при наличии 40% имевших надел, в текстильной промышленности – 6,3% при наличии 66% имевших надел [87, таб. I–III; 86, с.40; 6, с.183]. На съезде фабричных инспекторов в апреле 1905 г. отмечалось, что большинство московских фабричных рабочих сохраняло связь с деревней [79, с.131]. На Рыковских копиях в Юзовке в 1910 г. на летние полевые работы уходила половина рабочих [83, с.4].

При обследовании крестьянских хозяйств фабричных рабочих в Покровском уезде Владимирской губ. А.Смирнов установил, что доля рабочих с низким заработком, бросивших личное земледелие, составляла 68,2%, со средним заработком – 72,9%, с высоким – 80,1%. У этих же категорий доля хозяйств, где вся земля обрабатывалась наймом, была равна 5,1%, 10,6%, 11,5%, соответственно. Рабочие с высокой заработной платой чаще (38,9%) предпочитали всю землю сдавать в аренду, чем средне (35,9%) и низко (35,2%) зарабатывающие. Это показывает, что отказ от земледелия в большей степени был присущ крестьянам, получавшим более высокую плату на фабрике. Высокий заработок позволял меньше участвовать в ведении своего хозяйства, шире использовать наемный труд [73, с.166].

Особая форма связи с землей имела место на Урале. В 1885–1887 гг. в Екатеринбургском уезде подворной переписью было зафиксировано, что 40,1% семей рабочих были полностью безземельными, 47,3% имели только покос, 88,9% не занимались обработкой земли. В Красноуфимском уезде в 1891 г. 71,7% рабочих не обрабатывали землю. При этом большинство семей имели домашнее хозяйство, скот, лошадей. По данным окружного инженера, в 1897 г. из 193 рабочих прокатного цеха Верхне-Сергинского завода 126 чел. (65,3%) имели лошадей [11, с.136–140].

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Наиболее массовые сведения о связи рабочих с землей дала профессиональная перепись 1918 г. Из 983,8 тыс. учтенных рабочих до Октябрьской революции имели свою землю или землю своей семьи 308,4 тыс. (31,3%) рабочих, из них 20,9% вели хозяйство с помощью членов семьи [62, с.573]. Связь с землей была наиболее заметна у рабочих горной и горнозаводской, пищевой и текстильной промышленности. Менее всего она проявлялась у пролетариата машиностроительной, полиграфической и некоторых других отраслей.

Данные переписи 1918 г. отразили и региональный аспект отношения рабочих к земле. Самые тесные связи с землей наблюдались в Центральном промышленном и Центральном черноземном районах, где доля имевших землю рабочих превышала нередко 40%. Не совсем точные и полные сведения, полученные в ходе этой переписи, могут быть дополнены материалами последующих переписей (1929, 1930, 1931, 1932–1933). Например, исходя из данных 1929 г., видно, что доля рабочих с землей постепенно сокращалась. Это отражало процесс разрыва связи с землей у рабочих крестьянского происхождения и вытеснение в составе рабочего класса выходцев из крестьянской среды, замену их членами семей рабочих. Во всех отраслях промышленности, исключая рудную, и во всех районах, за исключением Урала и частично Московской губ. (металлообработка и машиностроение), доля рабочих с землей была значительно ниже, чем показатель величины выходцев из крестьянской среды [24, с.134].

Перепись 1929 г. зафиксировала, что из рабочих каменноугольной промышленности Донбасса, приступивших к работе в отрасли до 1917 г., землю имели около 27%. Из них участвовало в сельхозработах около 48%. Из рабочих всех годов поступления на работу землю имело 39%, из них в сельхозработах участие принимали 38,6% [21, с.23–24]. В результате при любом варианте (учитывая только рабочих, поступивших на работу до 1917 г., или всех рабочих) мы получаем близкий по значению результат: от 12 до 15% рабочих каменноугольной промышленности Донбасса лично участвовали в сельскохозяйственных работах. С определенными оговорками можно предположить, что такой процент был и в начале XX в. Ведь, с одной стороны, маловероятно, чтобы большие массы рабочих-крестьян за время гражданской войны и лихолетья отказались от своей земли, а, с другой стороны, также маловероятно, что прирезка земельных наделов по Декрету о земле существенно увеличила число землепользователей.

Новейшее исследование, проведенное Т.М.Полянской, позволяет несколько скорректировать выводы советских историков. В начале XX в. из

всех крестьян Московской губ., уходящих на заработки на фабрично-заводские предприятия Москвы, только 12% уходили на полевые работы и вели хозяйство самостоятельно; однако 73,4% хоть и не уходили на полевые работы, но продолжали вести хозяйство при посредстве семьи. Лишь 8,8% крестьян не вели хозяйства и сдавали наделы в аренду, а 5,7% вообще не имели хозяйства и постоянно работали на предприятиях Москвы. Именно эти 5,7% рабочих-отходников, по мнению Т.М.Полянской, можно отнести к постоянным кадровым рабочим [54, с.25].

Здесь очень важно подчеркнуть, что анализ связи рабочих со своей наделной землей является недостаточным при рассмотрении вопроса формирования кадров постоянных рабочих, т.к. промышленные рабочие часто уходили не только для работы на своем участке, но и на сельскохозяйственные и строительные заработки [67, с.VI; 9, с.135].

Тех рабочих, которые прочно обосновались в городе, земля обременяла, заставляла держать семьи в деревне, платить за нее подати, посылать деньги. «Большинство рабочих, – вспоминал С.И.Прокофьев, поступивший подростком в Брестские железнодорожные мастерские в Москве, – имело связь с деревней, и часто приходилось слышать жалобы рабочих, когда их стесняла выдача документов из деревни: то родители требовали денег, то деревенский сход постановлял требовать рабочих в деревню для отбывания выборной должности вроде десятского или сотского, и если рабочие не хотели являться, то откупались деньгами, которые мир пропивал. Это я знал из писем, которые приходилось читать или писать ответ в деревню» [57, с.105]. Многие крестьяне сдавали землю в аренду, нанимали за себя работников. По словам А.Смирнова, обследовавшего крестьянские хозяйства Владимирской губ., идеалом всякого фабричного, живущего в городе, было желание попасть в число безземельных и не платить податей, обременявших рабочих [71, с.178]. Это же подтверждает и П.Тимофеев, инженер по специальности, ссылаясь на свой опыт знакомства с рабочими крупных машиностроительных заводов Петербурга. Он писал, что большинство мастеровых держится мнения, что деревня для них – помеха [76, с.8].

Однако большинство промышленных рабочих стремилось во что бы то ни стало сохранить свою связь с землей. Например, на московской текстильной фабрике т-ва «Эмиль Циндель» из 1 335 опрошенных рабочих 1 213 (90,86%) имели землю, 51 чел. (3,82%) – только избу и лишь 71 человек (5,32%) не имел ни земли, ни избы. Подавляющее большинство рабочих (79,3%) имело наделной земли менее одной десятины. 37,2% рабочих фабрики не имели лошадей, 24,8% не имели коров.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Сравнение земельного обеспечения фабричных рабочих со средним земельным обеспечением в тех уездах, из которых они прибыли, показывает, что рабочие имели земельное обеспечение намного ниже уездной нормы: от 32% до 59% [86, с.26–32, 35].

Говоря о причинах такого стремления, А.В.Пешехонов считал, что крестьянин, бросивший свое хозяйство и перешедший в разряд городских рабочих, лишался выгодных сторон своего положения: дешевизны деревенской жизни и «заработка» жены и детей в своем хозяйстве [51, с.56–58]. Такую позицию подверг сомнению современный историк Т.Я.Валетов. На его взгляд, в первую очередь, «рабочий посылал деньги в деревню, не получая для себя ничего взамен» [6, с.183], т.к. надо было помогать родным, а жизнь в деревне тогда была гораздо тяжелее городской. Из 840 обследованных (1906) в Москве семей безработных только две из них получали помощь из деревни [70, с.194]. Чаще всего поток ресурсов шел в обратном направлении. Во-вторых, кроме помощи родным, рабочие посылали деньги на уплату выкупных платежей и податей и в ущерб себе всячески стремились поддерживать свою связь с общиной. Причина этого состояла в том, что «каждому рабочему было ясно, что когда-то и он окажется "отбракованным", непригодным в городе и тогда сможет вернуться только домой, в деревню, которая останется пусть плохим, но все же единственным местом, где, возможно, удастся хоть как-то прокормиться» [6, с.183–184]. Обследовавший фабрику г-ва «Эмиль Циндель» П.М.Шестаков писал, что «фабричный рабочий в то же время является и земледельцем. Уходя на фабрику, он не бросает своего деревенского хозяйства, а поручает его по большей части отцу или вообще старшему члену семьи. Когда же рабочий достигает приблизительно 40-летнего возраста, в это время отец его за старостью выбывает из работников, и тогда рабочий оказывается вынужденным вернуться в деревню, чтобы не бросать хозяйства» [86, с.22]. Е.Дементьев писал, что «после сорокалетнего возраста рабочие исчезают с фабрик» [15, с.5; 72, с.2, 12]. Это подтверждают данные и по Мотовилихинскому заводу [64, с.109].

П.М.Шестаков продолжал: «Как ни убого по своим размерам такое хозяйство, рабочие тем не менее крепко за него держатся. Об этом свидетельствуют, между прочим, способы, которыми ведется это хозяйство». Рабочие не только не бросали землю, но и сдавали ее в аренду сравнительно редко (только 14,3%). Подавляющее число рабочих (945 чел., или 77,9%) обрабатывали землю своей семьей, 88 чел. (7,3%) нанимали работника и только 6 человек (0,5%) совершенно забросили свою землю. В итоге видно, что рабочие в массе своей оставались не только землевладельцами, но земледельцами [86, с.37–38].

Рабочие Урала

Старались не бросать свою землю и отходники-строители, и рабочие в мелкой промышленности. «Неуверенность в постоянном заработке в столицах, – писал об этом Л.Казаринов, – заставляет отходников смотреть на свой деревенский дом и хозяйство как на более солидное обеспечение, которое могло бы поддержать их в случае неудач на заработках» [27, с.12]. Земля для владимирских каменщиков была только резервом, «куда можно возвратиться в случае старости или инвалидности» [72, с.2].

Для понимания выбора крестьянством формы его экономической деятельности важно учитывать всю совокупность социальных обстоятельств русской деревни. Дело в том, что большинство русских крестьян отнюдь не горели желанием становиться фабрично-заводскими рабочими, полностью оторванными от земли. Их пугал ряд обстоятельств, сопутствовавших повседневной жизни рабочих: «отсутствие обеспечения на случай болезни, старости и безработицы». И поэтому крестьянин, выбравший временный отход, смотрел на «оставшуюся у него дома землю и хозяйство как на особого рода страховой фонд, куда он может обратиться, если его промышленная деятельность будет прервана каким-либо несчастьем, и где живет его семья, которую на свою скудную плату в городе, где он работает, ему было бы не под силу содержать» [19, с.143].

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Социальные характеристики формирования промышленного пролетариата России

Переходу в ряды пролетариата препятствовали и более сложные интересы социальных групп деревни и города. Малоземельным крестьянам, на первый взгляд, более всего было выгодно собственное хозяйство, ибо оно при нормальных для него внешних условиях давало относительно больший эффект (доход) от затрат труда по сравнению с многоземельным хозяйством: площадь землепользования мелких хозяйств содержала в себе большую долю ценных и доходных угодий, чем землепользование крупных; в мелких хозяйствах процент основного капитала (в том числе скота) относительно посевной площади был благоприятнее по сравнению с крупными; удобрялась и обрабатывалась земля также лучше в мелких хозяйствах; кроме того в них не только больше возделывалось ценных растений, но и урожаи были выше, чем в крупных.

Однако именно малоземельные хозяйства отдавали больше всего сил промыслам, так как их относительная эффективность не покрывала недостатка земли. С другой стороны, легче всего могли отказаться от продажи своей рабочей силы многоземельные крестьяне, несмотря на то, что они чаще убывали в более прибыльный дальний отход, чем их малоземельные собратья. Большие наделы вселяли уверенность в многоземельных крестьян, и они рассматривали промыслы только как подсобное занятие. Следовательно, чтобы могло состояться отделение рабочего от крестьянина, должна была возникнуть ситуация, при которой каждая группа отказалась бы от наиболее выгодного приложения своих сил. Не заинтересованными в пролетаризации крестьянства были и наниматели, за исключением южнорусских помещиков, так как двойственное состояние крестьянского хозяйства при аграрном перенаселении позволяло получать дешевых рабочих [51, с.34–36, 56–58].

В результате в рабочем классе России преобладали пришлые рабочие-крестьяне, а не классические пролетарии.

Для подтверждения этого тезиса мы используем данные, полученные А.В.Погожевым на основании изучения ведомостей административной анкеты 1902 г. и «Списка фабрик и заводов» Министерства финансов за 1900 г. Анализ этих источников, в первую очередь, показал «повсеместное преобладание в России предприятий внегородских, за исключением лишь Санкт-Петербургской губернии» (курсив Погожева. – В.В.) [47, с.XVI].

Страницы истории

В итоге всего предприятий располагалось [45, с.55; 52, с.21]:

Источник	В городах: число, %	Вне городов: число, %
по данным Мин. фин. за 1900	2 425(604995 раб.) 16,2%	12 534(745519 раб.) 83,8%
по документам 1902	5 723(609262 раб.) 45,6%	6 811(950096 раб.) 54,4%
по данным Пажитнова за 1902	11131(783000 раб.) 40,2%	16537(1104700 раб.) 59,8%

Из общего числа крупных предприятий, насчитывающих от 1 до 2 тыс. рабочих (458 предприятий, 1 155 тыс. рабочих), на города приходилось только около 32% (146 предприятий) и 30% рабочих (351 тыс.), тогда как вне городов было расположено 312 «гигантов промышленности» и 804 тыс. рабочих. Интересно отметить, что значительное большинство предприятий, имевших в начале XX в. 500 и более рабочих, возникло еще до отмены крепостного права [52, с.XVII, XXI].

По данным административной анкеты 1902 г. приехавшие рабочие на 12 592 промышленных заведениях (от 6 рабочих) в 50 губерниях Европейской России составляли свыше 805 тыс. человек, или 52,4% от общей численности работающих в 1 535 842 чел. «Обе столицы представляют, – писал А.В.Погожев, – наибольшее преобладание приехавшего рабочего населения, которое для Москвы равняется 90,5% (при 53,4% для всей губернии), а для С.-Петербурга – 90%. Чем крупнее предприятие по размерам, тем большее участие принимают в нем приехавшие рабочие...» [52, с.XXII]. Данные по Санкт-Петербургу, приведенные А.В.Погожевым, подтверждаются сведениями по отдельным предприятиям:

	Никольская мануфактура АО «И.А.Воронин, Лютш и Чешер»	Завод «Сименс и Гальске»	Завод лаков и красок «Ю.Фридлендер»	Ремизная фабрика Вильяма Гартля	Механический завод «Роберт Круг»
период	1895–1912	1900–1916	1908–1916	1909–1911	1914
количество	1 910	1 377	268	615	406
Тверская	724(37,9%)	227(16,48%)	48 (17,91%)	82(13,3%)	51(12,56%)
Рязанская	342(17,9%)				
Тульская	251(13,14%)				
Московская	135(7,07%)				25(6,15%)
Калужская	117(6,12%)				
Витебская		98 (7,15%)		52(8,45%)	30(по 7,38%)
Псковская		98 (7,15%)	32(11,94%)	234(38,05%)	58(14,28%)
Новгородская		83(6,03%)	34(12,68%)	84(13,6%)	
Смоленская					30(по 7,38%)
Лифляндская		95(6,9%)			
Петроградская	52(2,72%)	191(13,87%)	42(15,67%)	33(5,36%)	29(7,14%)

Источник: ЦГИА СПб. Ф.1262, оп.1, д.226; Ф.1249, оп.4, д.3; Ф.1442, оп.1, д.44; Ф.1313, оп.1, д.3; Ф.1358, оп.1, д.95, л.1–57.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

На Московской фабрике т-ва «Эмиль Циндель» в 1900 г. крестьяне, прибывшие из Рязанской губ., составляли 628 чел. (51,8%), из Тульской – 306 чел. (25,2%), из Московской – 104 чел. (8,6%), из Смоленской – 97 чел. (8,0%) [86, с.20].

Больше всего пришлых рабочих (64%) было занято на предприятиях по обработке металлов и минеральных веществ, на химическом производстве; на втором месте (49%) шла обработка волокнистых веществ, далее (48%) – питательных веществ, (42%) производство изделий из бумаги [52, с.ХХII–ХХIII].

В 1900 г. Статистическое бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России выяснило, что в Донском бассейне на долю выходцев из центральных губерний и Харьковской губ. приходилось 70,4% всех рабочих, а на долю Екатеринославской губ. и Области войска Донского – 16,3% [29, с.LX]. Хотя нужно признать, что в регионе существовали предприятия, на которых доля местных рабочих была выше. На Сулинском заводе (1904–1917) она составляла 40,1% (из области войска Донского), на Луганском паровозостроительном заводе – 71,2% (из Екатеринославской губ.) [69, с.73].

Изучая санитарные условия Донбасса начала XX в., В.А.Мехмандаров установил, что на предприятиях Новороссийского акционерного общества подавляющее большинство рабочих прибыло из других губерний: из Черниговской – 35,1%, из Орловской – 27,2%, из Киевской – 12,8%, из Могилевской – 10,3%, из Курской – 6,4%, из остальных губерний – 8,2%. Администрация предпочитала не принимать на рудники местных крестьян, опасаясь с их стороны воровства. Текучесть кадров была очень высокой, на работу поступали:

в январе 5,1% рабочих	в мае – 7,9%	в сентябре – 12,2%
в феврале – 4,5%	в июне – 7,7%	в октябре – 9,9%
в марте – 14,2%	в июле – 6,6%	в ноябре – 5,6%
в апреле – 12,1%	в августе – 6,6%	в декабре – 6,3%

Как видно, наибольшая смена горнорабочих происходила в марте–апреле и в сентябре–октябре, причем в первом случае преобладали безземельные и малоземельные крестьяне, приходящие из-за крайней нужды, а во втором – более крепкие земельные собственники, для которых устройство на шахту или рудник было приработком [43, с.30].

В.А.Мехмандаров зафиксировал очень важный факт: из 5 423 рабочих, поступивших за 3 года на работу, в среднем один рабочий устраивался 2,2 раза. Текучесть кадров была большая, рабочие очень часто переходили с рудника на рудник по самым разнообразным соображениям [43, с.31].

Страницы истории

Вот данные по Николаевскому заводу:

	поступили	до года проработали
В 1900 году	2694 чел.	1326 чел. (49,2%)
В 1904 г.	854 чел.	443 чел. (51,9%)
В 1909 г.	2 970 чел.	766 чел. (25,8%)
В 1912 г.	3 079 чел.	1 044 чел. (33,91%)

Рабочий в шахте. Фото конца XIX – начала XX века

В 1913 г. на Николаевский завод поступило 5 348 чел. и в том же году уволился 2 161 (40,4%) а также уволилось 540 чел. из поступивших на завод в 1912 г. Но ведь были еще уволенные из рабочих, поступивших годом ранее. В итоге получается весьма большой процент рабочих, которые по тем или иным причинам покидали предприятие, ибо при работе в две смены на заводе было всего 4 700 мест [69, с.146].

На Юзовском заводе в 1907 г. ежедневно поступало и увольнялось 50–60 рабочих. Доля работавших до 1 года на предприятиях Юга России в 1905 г. была следующей:

- на Александровском заводе – около 45%,
- на Днепровском – около 50%,
- на Дружковском – около 40%;
- на шахтах в Горловке – 71% (до 3 месяцев – 42,3%),
- на Александровском руднике – около 79% (до 3 месяцев – 51,2%),
- на железных рудниках – более 90%;
- на Макеевском заводе в 1898–1903 гг. – 12% [69, с.147, 160–162].

Е.М.Дементьев также зафиксировал большую текучесть кадров среди женщин-работниц в фабрично-заводской промышленности России

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

[15, с.8]. Причины текучести работников предприятий можно объяснить многими факторами: стихийное капиталистическое производство, промышленные кризисы, локауты, различия в оплате труда на разных предприятиях, отсутствие нормальных жилищных условий, вредные производства, связь рабочих с землей, неравномерный рост технического оснащения предприятий [69, с.141–143].

В России существовали целые отрасли, в которых во всех местностях преобладали пришлые рабочие. К таковым относились сахарное производство [60, с.4], порты [22, с.102], речной флот [17, с.33]. То, что служба для большинства рабочих на судах являлась побочным занятием, видно из следующих данных. 17% служило на судах первый год, 51% – меньше 5 навигаций и только 13% – более 15 лет и это в основном были такие специалисты, как машинисты, их помощники, лоцманы и пр. Большинство судорабочих работало летом, для многих этот заработок являлся совсем случайным, и им пользовались для перерыва в сельскохозяйственных работах [17, с.33].

Местные рабочие (в пределах населенного пункта и ближайших окрестностей) по сравнению с пришлыми имели ряд преимуществ и одновременно потерь. С одной стороны, они серьезно экономили на жилье, могли получать дополнительный доход от квартирантов и столовников, имели возможность полноценно отдыхать. С другой стороны, они были более зависимы от хозяев и подрядчиков и не имели стимула переходить с одного предприятия на другое. Поэтому они легче соглашались на снижение заработной платы. На предприятиях Юга России доля местных рабочих была выше на городских предприятиях и ниже на заводах и шахтах вне городов [69, с.97, 100].

Проблема соотношения пришлых и местных рабочих не должна отождествляться с вопросом о соотношении кадровых (постоянных) и временных рабочих. Парадокс состоит в том, что, например, в такой губернии, как Екатеринославская, доли пришлых и кадровых рабочих на рубеже XIX–XX вв. были очень близки: первые составляли 82,8%, а вторые – от 60% до 80% [52, с.94–95; 4, с.453; 46, с.154]. То есть получается, что многие рабочие были и пришлыми, и кадровыми, и, следовательно, фабричный промысел стал их основным занятием.

А.В.Погожев в свое время непосредственным показателем постоянства рабочего считал срок его непрерывной работы на промышленном предприятии. Если рабочий трудился на нем не весь год, то исследователь рассматривал его как временного. Статистика часто фиксировала в качестве постоянных тех рабочих, которые не отвлекались занятиями по сельскому хозяйству. Например, в докладной записке Департаменту

торговли и мануфактур министерства финансов от 23 октября 1893 г. №743 из 746 тыс. человек фабрично-заводских рабочих таковых насчитывалось до 72%, в 1900–1901 гг., по сведениям Министерства финансов, их доля составляла уже 96% [52, с.100–105].

Однако надо учитывать, что в эту категорию входили и годовые работники-крестьяне, которые через 12 месяцев могли поменять место приложения своих рабочих рук. Кроме того, неясным остается вопрос о том, учитывался ли при отнесении рабочих к категории временных их переход с одного предприятия на другое в течение года или в основу брался только один критерий – уход на сельскохозяйственные работы.

Итак, крупная машинная индустрия создавала класс постоянных, потомственных рабочих, полностью связанных с фабрично-заводским трудом. Доля их в составе рабочих все время возрастала, снижаясь лишь в отдельные периоды, особенно в годы промышленных подъемов, когда в силу значительного роста спроса на рабочую силу увеличивался приток из других социальных групп [62, с.543; 24, с.139].

В 1880–1890-х годах доля рабочих с 10-летним и более стажем на различных предприятиях колебалась от 30% до 70% [62, с.500–507]. И к 1913 г. по всей промышленности составляла 72,5% [24, с.79–80]. Эту цифру можно считать преувеличенной, не учитывающей естественную убыль рабочих, уход их с предприятий после тяжелых травматических повреждений, возрастные отливы и т.д. По более скромным оценкам рабочие с указанным стажем перед Первой мировой войной составляли примерно треть работавших. Более высокий стаж работы наблюдался у рабочих металлургических заводов в Польше, на Юге России, у железнодорожников, на горнозаводских предприятиях Урала [25, с.45; 26, с.73]. Если на уральских заводах в конце XIX в. производственный стаж более 10 лет имели 60–70% рабочих, то на Коломенском машиностроительном заводе – 49%, в фабрично-заводской промышленности Владимирской губ. – 26,9%, Смоленской губ. – 27% [11, с.124].

Данные переписи 1918 г. показали, что трудовой стаж рабочих увеличился вдвое. Весьма вероятно, что действие тенденции роста удельного веса постоянных рабочих кадров стало возможным во многом в результате понижения темпа роста численности рабочих в 2,5 раза в 1900–1913 гг. по сравнению с 1887–1900 гг. [62, с.508].

По данным переписи 1897 г. в фабричной промышленности Владимирской губ. 37,18% рабочих являлись потомственными пролетариями [33, с.32]. В целом, в центре страны в 80-х – 90-х годах пролетариат крупной промышленности примерно на 2/5 состоял из потомственных рабочих [24, с.140].

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Сведения, собранные П.М.Шестаковым (1900) на фабрике т-ва «Эмиль Циндель» по вопросу «работал ли отец на фабрике?», дали основание различать два поколения рабочих. Первое – те рабочие, отцы которых не были фабричными (626 чел., или 44,37%), второе – были фабричными (785 чел., или 55,63%). Если первое поколение дало только 244 чел., начавших фабричный труд в возрасте 7–17 лет, то второе – уже 504 чел., т.е. почти в 2 раза больше [86, с.24–25]. Это говорит о том, что детям пришлось начать трудовую деятельность в промышленности в более раннем возрасте, чем отцам. Фабричный труд, с одной стороны, становился более ранним, что влияло на понижение его цены, а с другой стороны, – потомственным.

В 1908 г. на предприятиях, обследованных И.М.Козьминых-Ланиным, потомственных пролетариев среди мужчин было 44,4%, а среди женщин – 35% [32, табл. VI]. За период 1901–1914 гг. на фабрики и заводы поступило малолетних и подростков примерно 450–460 тыс. чел. А за это же время общее количество фабрично-заводских рабочих возросло на 589,9 тыс. чел. Это означало, что прием новых рабочих шел преимущественно за счет малолетних и подростков, среди которых преобладали дети из фабричных семей. Материалы по переписям рабочих 1929–1933 гг. говорят о том, что семьи рабочих перед Октябрьской революцией давали примерно 50–60% всех рабочих; причем потомственные были более полно представлены в тяжелой промышленности, в крупных промышленных городах и в тех отраслях, которые существовали длительное время [24, с.100, 140; 21, с.20; 61, с.19–21].

Ю.И.Серый, соглашаясь с этим выводом, ввел поправку для промышленности Юга России. Если рабочих в возрасте старше 40 лет там было 5–10% в металлургической промышленности и 3–9% – в угольной, то в Московской и Владимирской губерниях в 1897 г. у фабрично-заводских рабочих – 16–17%, а позднее – 19–20%. Следовательно, процент выбывавших и поступавших на предприятия рабочих на Юге был вдвое выше, чем в центре страны. Это означало, что пополнение кадров рабочих за счет их семей могло происходить только не более чем на 25–30% [69, с.118–119].

По данным переписи 1929 г. среди рабочих, поступивших на работу до 1905 г., выходцы из рабочих семей составляли [61, с.19, 22]:

в металлургической промышленности Урала – 83,6%
в металлообрабатывающей промышленности Урала – 83,4%
в хлопчатобумажной промышленности Петербурга – 44,5%

в хлопчатобумажной промышленности Москвы – 57,3%
в хлопчатобумажной промышленности Центрально-промышленного района – 44%
у металлургов Петербурга – 43,1%,

Предложение на промышленном рынке труда во многом формировалось под влиянием состава рабочего класса. Он включал в себя 4 основные группы:

- пришлых одиноких рабочих;
- пришлых семейных рабочих;
- крестьян и мещан, проживавших рядом с предприятием;
- квалифицированных рабочих, снимавших отдельные городские квартиры или комнаты.

Первые составляли артели земляков, которые работали, проживали и продовольствовались вместе. Они же чаще всего коллективно боролись за свои права. Зарплата большинства рабочих в стране была столь низка, а условия труда до того плохими, что отхожие крестьяне, несмотря на общий переизбыток рабочей силы на рынке, не держались за свое место. Поэтому при любом удобном случае они могли сменить предприятие или отрасль или вообще отбыть на сельскохозяйственные работы. Четвертая категория рабочих, благодаря своей квалификации, образованию и сознательности, имела более высокую зарплату, чувствовала себя уверенно и поэтому также могла вступить в конфликт с начальством. А вот вторая и третья категории, из-за большой зависимости от нанимателей, были наиболее конформистски настроенными группами. Поэтому от соотношения этих четырех групп рабочих на том или ином предприятии, в той или иной местности и отрасли во многом зависела зарплата, условия и порядок найма, особенности классовой борьбы [56, с.70–72; 60, с.17–19; 79, с.28].

Во власти государственно-корпоративного «крепостничества»

Как известно, капиталистический наемный труд обладает свободой от средств производства и свободой вхождения на рынок труда и перемещения на нем. Однако в условиях

России 2-й половины XIX – начала XX в. «вторая свобода» далеко не всегда была возможна.

Длительное время после крестьянской реформы сельское население России было привязано к своей деревне, к общине и домохозяину [68, с.23; 18, с.225; 66, с.45; 10, с.4; 23, с.410–411]. Причиной этого стало государственно-корпоративное «крепостничество». «Суть крепостного права, – писал действительный статский советник фон Бушен, – прикрепление к земле; в России с отменой крепостного права это прикрепление осталось в полной силе; крестьянин крепко по-прежнему земле – не земля ему принадлежит, а он принадлежит земле; если земля не в состоянии его прокормить, он все-таки бросить ее не может. Ища пропитания

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

на фабрике, ручным трудом, отхожим промыслом, наймом, он все-таки должен платить за землю и считается *de jure* земледельцем и сельским обывателем, а *de facto* делается амфибией, не может ни отстать от одного, ни пристать к другому... не это ли причина постоянного гулянья народа по большим дорогам между местом заработка и домом» [31, с.124].

Об этом весьма красноречиво докладывало руководство санкт-петербургской уездной и пригородной полиции: «Масса рабочих, прибывающих постоянно из деревень на заработки, не знает никакого ремесла, самый значительный процент из этих авантюристов составляют те, у которых домашнее хозяйство расстроено. Будучи в большинстве случаев должниками обществу по неплатежу податей и повинностей, они вынуждены выпутаться из подобных критических обстоятельств, являются в Петербург и, не зная куда обратиться за заработком, часто отыскивают своих земляков на заводах, обольщаются льстивыми обещаниями последних содействовать им при отыскании места и в ожидании будущих благ пропивают остальные средства и потом проводят праздное время». Полицейский чиновник доложил о том, что в итоге все эти лица отправляются полицией по этапу домой в свои деревни [82, ф. 961. оп.4, д.20, л.2–2 об.]. Вообще практика этапирования рабочих на места их приписки была распространенным явлением. Отправляли по этапу безработных, буйствующих и стачечников [82, ф.253, оп.3, д.4717, л.57; 41, с.734].

Клинский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности указывал на «слишком большое влияние домохозяина на членов семьи, что особенно отражается в паспортах». «Отцы и мужья весьма часто эксплуатируют своих детей и жен при выдаче паспортов» [23, с.410–411]. Это происходило на основании ст. 2 Закона от 18 марта 1886 г. «О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирскою полевою землею» [60]. Кроме того, при увольнении из крестьянского общества существовали различные препятствия: сумма внесенных выкупных платежей должна была превышать 50%, требовалось отсутствие недоимок, согласие 2/3 сельского общества, согласие родителей и др. [20, с.575].

На ненормальность сложившейся ситуации обращали внимание и многие помещики. Так, М.В.Неручев писал: «Крестьянин, привязанный к своей общине, частью обессиленный выкупными платежами, не может оставить своей наделной земли, не может перестать в убыток нанимать соседние земли, все более и более разоряясь на них» [45, с.138].

Сельское общество до Столыпинской реформы могло в любое время отозвать крестьянина, работавшего на фабрике за тысячу верст, поручить ему ведение дел общества, выбрать на любую общественную должность, не пустить его на заработки или, наоборот, насильно отдать в кабальную зависимость к нанимателю. Кроме того, отлучающийся должен был испрашивать разрешения не только у крестьянского общества, но и у хозяина двора, обещая ему присылать деньги на поддержание хозяйства. Паспортная система также искусственно поддерживала связь фабрично-заводского рабочего с деревней, лишая его, как крестьянина по паспорту, настоящей свободы передвижения [62, с.154–156; 59, с.131; 18, с.225]. Тем более, что отход до законодательных изменений 1894 и 1897 гг. был весьма дорогостоящим занятием. Даже уже в начале XX в. для того, чтобы рабочим из сословия казаков поступить на предприятие, требовался приговор станичного сбора и уплата 5 рублей [65, с.66–67].

Таким образом, мужика не пускали на фабрику. Поэтому фабрика пошла к мужику [39, с.524]. В результате к началу XX в. 59% предприятий и около 60% всех рабочих европейской России размещались вне городов [69, с.23]. Это было характерно для всех отраслей промышленности, причем для крупных предприятий еще более, чем для мелких: 65% рабочих, занятых в промышленных заведениях с числом рабочих 500 и больше, трудились вне городов. Эта тенденция сохранилась и в XX столетии, когда основные ограничения на передвижение рабочей силы отпали. Многие дореволюционные и советские историки считали, что к такому размещению предприятий больше принуждали не организационно-технические факторы (сырье, топливо и т.д.), а дешевизна рабочих рук и низкий культурный уровень рабочих [52, с.68; 38, с.20; 69, с.25]. Наиболее характерной в этом отношении была текстильная промышленность, которая к началу XX в. сосредоточивала 1/3 всех фабрично-заводских рабочих страны. Текстильные фабриканты сознательно строили фабрики в селах в расчете на дешевую, невзыскательную, недостаточно сознательную рабочую силу [68, с.25].

**Ценностные ориентации
русских промышленных
рабочих**

В ходе капиталистической модернизации многоукладного хозяйства страны изменялось не только экономическое положение, но и социальный облик рабочих, формы их повседневной жизни и ментальные установки.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Эти изменения происходили под давлением целой совокупности факторов. В первую очередь, нужно сказать о влиянии на поведение и взгляды рабочих их опыта жизни в городе. Следует учитывать разнообразное воздействие на рабочих тех промышленных предприятий, на которых они работали, особенно крупных. Третий момент – это влияние на формирующееся пролетарское сознание разных социальных слоев и кругов общества, усилий политических организаций [79, с.22–24; 84, с.18]. Названные обстоятельства амортизировались особенностями традиционного общества, его менталитета, а также той социокультурной инверсией, которая втягивала в свою воронку общественное сознание россиян.

Рабочая казарма. Фото начала XX века

К началу XX в. менталитет российских рабочих представлял собой сложную мировоззренческую систему, в которой потребности и интересы, вызванные появлением и развитием индустриального общества, переплетались и синтезировались с неординационными ценностными ориентациями [79, с.28–30]. Несмотря на горизонтальные и вертикальные внутриклассовые особенности, существовали общие черты проле-

тарского менталитета. В первую очередь, сюда следует отнести потребность и стремление к материальному достатку. Постоянной темой разговоров, жалоб и заявлений рабочих являлась низкая оплата труда, не дававшая большинству из них сводить концы с концами. Регулярно встречались сетования на тяжесть труда, неустроенность жилья, плохое питание, невозможность в казарменных условиях нормально отдохнуть [30, с.59; 82, ф.569, оп.15, д.808, л.7–7 об.; оп.1, д.996, л.1–2 об.; ф.1229, оп.1, д.141, л.2–2 об.; ф.961, оп.4, д.20, л.2–8 об.; оп.3, д.195, л.112–113].

Важной чертой менталитета рабочих стало *стремление защитить свое достоинство, свои права человека и рабочего* [30, с.59]. Это было вызвано, на наш взгляд, одновременным, синхронным воздействием на сознание рабочих двух факторов, имевших различное формационное происхождение: традиционное и буржуазное.

Первый фактор состоял в том, что крестьяне (и другие добуржуазные слои) приносили в город и промышленность «воспоминания о своем общинном устройстве, его традициях, привычках, установленном порядке». Одной же из ценностей крестьянского мира было уважение к другому человеку и самоуважение к самому себе [37, с.208]. Подчиненность такого восприятия личности традиционной общинной культуре в психологическом плане ничего не меняет. Главное здесь – отсутствие дискомфортного состояния в душе человека. Следовательно, потребность в уважении и самоуважении была безусловным императивом пролетарского менталитета, принесенным вчерашними крестьянами и кустарями из общинного социума. При этом, однако, следует учитывать, что этот императив действовал в совершенно иной социокультурной обстановке, сформировавшей второй фактор обостренного восприятия рабочими своего человеческого достоинства. Он заключался в воздействии снятой (в диалектическом смысле) формы «буржуазного индивидуализма» – идеи индивидуальной критически мыслящей человеческой личности, обладавшей не узким индивидуализмом, а тем, «что Луначарский назвал "макропсихическим индивидуализмом", где "Я" идентифицируется с широким и постоянным "Мы", и где полный жизненной энергии одинокий герой стремится не к личному хищническому обогащению, а борется за прогресс всего человечества» [76, с.99].

Рабочие всячески (через одежду, язык, манеры, приобщение к культурным ценностям, участие в общественной жизни, обращение к властям) стремились подчеркнуть свое равенство с привилегированными элементами общества [82, ф.569, оп.15, д.808, л.7–7 об.]. Очень часто такое стремление принимало отчужденные формы в виде пьянства, хулиганства и воровства на производстве. Нередки были случаи иро-

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

ничного нарочитого хамства по отношению к любому начальству, закону и религии. После 1905–1907 гг. антирелигиозные настроения, по свидетельству ежегодных отчетов епископов, стали повсеместным явлением среди рабочих. Это было связано с тем, что церковь в представлениях пролетарских слоев являлась социальным институтом, поддерживающим их унижительное положение.

Многие русские рабочие стремились к публичному выражению и признанию их права на уважение к своей личности и своей роли в общественной сфере. Было множество случаев, когда рабочие подавали в суд только для того, чтобы создать затруднения работодателю, или продемонстрировать свое равенство перед судом, или, как отметил один мировой судья, «доставить себе удовольствие на суде стоять рядом с высоким сановником... и объясняться с ним как равным себе гражданином» [47, с.264]. Во многом это было вызвано тем, что в общении с привилегированными людьми рабочие сталкивались с таким отношением, которое воспринималось ими как грубое. Неизбежный отказ от признания этого факта со стороны цензового общества и представителей властей стал одной из причин прихода молодых рабочих в революционное движение [80, с.29]. То есть соединение ощущения близости к образцам привилегированной культуры и одновременно понимание своей отдаленности от них приводило к тому, что рабочие крупных городов стремились не только к равенству, но и к политическому размежеванию с верхними слоями общества.

Универсальные моральные идеалы человека, подмеченные через призму своего и чужого опыта, помогали рабочим в осознании своей классовой принадлежности и подталкивали к классовому действию. Растущее чувство самосознания и собственного достоинства очень часто приводило рабочих к обостренному ощущению того, что их эксплуатируют как класс. От ощущения чувства поправленного человеческого достоинства они переходили к осознанию своего классового унижения [76, с.97; 79, с.32]. Таким образом, динамика менталитета видна через призму перехода от индивидуального к классовому сознанию. Но присутствовала и обратная связь – от классового к индивидуальному сознанию. Причем роль первичной структуры менталитета рабочих, по-видимому, играли различные элементы общинного сознания, подвергавшиеся воздействию со стороны индустриального бытия рабочих.

Этот алгоритм справедлив в полной мере и для проблемы борьбы рабочих за уважение к себе со стороны высших слоев общества. В отношениях с администрацией действовало «стремление вернуть утраченное человеческое достоинство, которое у крестьян было неразрывно

связано с правом на участие в управлении трудовым процессом, с выполнением не только исполнительных, но и распорядительных функций». Рабочий, как и крестьянин, оставался коллективной личностью, ощущал себя частью «рабочей семьи» и предпочитал коллективные формы участия в общегородских организациях индивидуальным [44, с.163]. Традиции общинного самоуправления, преодолевая сопротивление властей и предпринимателей, непонимание интеллигенции, проявились в стремлении рабочих к самоорганизации. В результате трудовой коллектив сложился в новую устойчивую общность, которую сознание рабочих наделяло теми же правами, что и община в представлении крестьян. А именно: высшим авторитетом, правом судить или изгонять своих членов, выступать от их имени, коллективной ответственностью, материальной и моральной поддержкой «пострадавшего за общество».

Общинный коллективизм был присущ всем сословиям, из которых рекрутировались рабочие, и поэтому традиции общинного самоуправления соответствовали всей фабрично-заводской среде, приобретая новую индустриальную форму [84, с.20]. Крестьянин или кустарь, утрачивая привычные социальные связи, испытывали в новых незнакомых условиях психологический дискомфорт и пытались либо воспроизвести общинный уклад жизни в виде землячеств, квартирных или казарменных артелей, реже – производственных артелей, либо использовали традиционные формы и способы в политической борьбе, производственном самоуправлении и рабочих коллективах.

Коллективизм рабочих до 1905 г. имел местный масштаб, не выходил за пределы предприятия, города и связанного с ним региона. Солидарность с рабочими других городов была еще редким и немасштабным явлением. К числу выступлений солидарности следует отнести, прежде всего, немногочисленные первомайские демонстрации и стачки. Перелом произошел только после 1905 года [30, с.66].

Коллективизм опирался на отсутствие в рабочей среде сколь-нибудь сильного частнособственнического начала, что способствовало восприимчивости ими социалистического учения, предполагавшего ликвидацию института частной собственности [30, с.64–65]. Причиной такого антисобственнического нигилизма явилась совокупность обстоятельств. Во-первых, это низкий уровень жизни, не позволявший копить деньги; отсутствие во многих случаях недвижимого имущества. Во-вторых, отсутствие прочной частнособственнической традиции. И, в-третьих, воздействие возникшей в этот период социокультурной инверсии в сознании рабочих, направленной на утверждение общинно-

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

патриархальных ценностей и усилившей психологическое неприятие частной собственности.

Коллективизм и антисобственнический нигилизм, жесткое противодействие любым справедливым требованиям рабочих со стороны предпринимателей и властей, тяжелое материальное положение, острое осознание своего унижительного социального статуса, революционная пропаганда содействовали относительно быстрому осознанию российским пролетариатом своих классовых интересов, их противоположность интересам буржуазии. Это же стало основой радикализации пролетарского менталитета. Его проявлениями стали решимость идти до конца и отвержение любых компромиссов. Анализируя эту ситуацию, либерал И.Х.Озеров в 1905 г. отмечал, что консерватизм и отсутствие политической гибкости русской буржуазии, поддержка буржуазии царским правительством внушали рабочим недоверие к правительственной власти и продолжали «как бы учить рабочих на тему, что рабочие-де только то получают, что сами силой захватят, то есть как бы их приучают к захватному праву, и это внедряется в плоть и кровь широких масс...» [48, с.303].

Революционный подъем, начавшийся перед Первой мировой войной, со всей очевидностью показал, что *в среде рабочего класса осознание невозможности добиться удовлетворения своих насущных нужд мирным, реформистским путем усилилось* [40, с.341]. Именно поэтому либеральная оппозиция не имела базы в рабочей среде, а меньшевистское направление в российском рабочем движении теряло свое влияние в им же созданных легальных рабочих организациях. Этот радикализм имел объективные исторические корни. Он был связан и с высокими социальными издержками избранной модели капиталистической модернизации страны [8, с.618], и с острой реакцией на это традиционного общества.

Очень важной особенностью менталитета рабочих России рубежа XIX–XX вв. стала его относительная дифференциация. Низшие слои оставались еще в плену консервативных представлений и нередко служили основой для формирования отрядов черносотенцев, членов зубатовских организаций. Так называемые «сознательные» рабочие усваивали и пытались руководствоваться «новыми взглядами», привносимыми социалистической интеллигенцией. Они же резко выступали против негативных обычаев и традиций, существовавших в рабочей среде. Таким образом, в начале XX в. внутри рабочего сообщества четко обозначились два крыла – праворадикальное, черносотенное, и леворадикальное, находившееся под влиянием социалистических идей [2; 84, с.21].

Однако самый большой слой рабочих – это «средняки», которые колебались, были неустойчивы и во взглядах, и в поведении.

Именно среда «средняков» ревностно охраняла традиции и обычаи, сложившиеся в трудовых коллективах. Многие обычаи фабрично-заводских рабочих, как и их нравы, являлись своеобразной трансформацией старых крестьянско-ремесленных традиций, перенесенных в иную социальную сферу и другие условия производства (новый трудовой ритм, новые производственные отношения). К крестьянско-ремесленным традициям восходили такие «производственные» обычаи, как «замочка машин», «засидки», «спрыски», «магарычи», «посиделки» в фабричных и казарменных уборных, «пропой», кулачные бои («стенки», «кулачки»), вывоз на тачке «мусора», митинг-сходка, «маевка», рабочие похороны. В разных регионах и у представителей разных отраслей эти обычаи и вообще нравственный уклад жизни имели свои особенности. Например, «засидки» и «замочка машин» существовали только у ткачей в связи с особым режимом работы ткацких фабрик и тесной связью с деревней. Половая распущенность среди рабочих не представляла общераспространенного явления. Так, в Нижнем Тагиле, где женский труд очень мало использовался на заводах и рудниках и к тому же большую часть населения составляли старообрядцы, нравы были исключительно строгими [53, с.115–228].

Революционные события 1905–1907 гг. произвели существенную корректировку менталитета, прежде всего средних и низших слоев, и изменили соотношение в пользу социально более активных рабочих. На это, по-видимому, оказало влияние и уменьшение темпов прироста рабочего класса, особенно за счет крестьян. Сдвиги сознания выразились в целом ряде моментов.

В рабочей среде все большее распространение получил новый социальный идеал, представлявший собой симбиоз религиозно-общинных принципов и социалистических идей. Социализм с его идеями равенства, справедливости, общественной собственности, коллективного труда рисовался в сознании рабочих как воплощение евангельской заповеди о Царствии Божиим и традиций предков. Стереотип «царя-заступника» сменился стереотипом «революционера-заступника» [79, с.32]. Большевик А.С.Шаповалов вспоминал, что в рабочей среде социализм казался земным раем [85, с.109]. Многие пропагандистские материалы вплоть до 1917 г. называли социализм «светлым будущим», «священным идеалом настоящей свободы, равенства и братства» [34, с.248].

Ужесточилось отношение к самодержавно-полицейским порядкам и наоборот, вырос авторитет леворадикальных партий. Такие факты, как

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

избиение рабочими партийных агитаторов, которые имели место в начале 1905 г., позже уже никогда не встречались [30, с.68]. В сознании подавляющего большинства рабочих утвердилось значение пролетарского интернационализма. Ни в одном национальном отряде русского рабочего класса национализм не встречал массового сочувствия [30, с.69–70; 2].

Итак, становление промышленного пролетариата России, протекая в условиях форсированной модернизации, приобрело целый ряд особенностей.

У рабочих крестьянского происхождения продолжала оставаться тесная связь с деревней и сельскохозяйственной деятельностью, хотя она постепенно ослабевала. Ее масштабы были значительными, но варьировались в зависимости от особенностей региона, специфики отрасли и категории рабочих. Большинство промышленных и строительных рабочих стремилось во что бы то ни стало сохранить свою связь с землей, т.к. земля и дом в деревне рассматривались как своеобразный страховой фонд на случай старости, потери работы и здоровья. Переходу в ряды пролетариата препятствовали и более сложные интересы социальных групп деревни и города. Во-первых, сами крестьяне еще не видели выгоды в своей полной пролетаризации и, во-вторых, незаинтересованными в этом были и наниматели, за исключением южнорусских помещиков, т.к. двойственное состояние крестьянского хозяйства при аграрном перенаселении позволяло получать дешевых рабочих. В результате в начале XX в. больше половины рабочих России были пришлыми отходниками. Однако парадокс состоял в том, что многие рабочие были и пришлыми, и кадровыми одновременно.

Учитывая, что в условиях России второй половины XIX – начала XX в. сельское население было привязано к своей деревне, к общине и домохозяйству и, следовательно, свобода перемещения трудовых ресурсов далеко не всегда была возможна, 59% предприятий и около 60% всех рабочих европейской России размещались вне городов. Предложение на промышленном рынке труда во многом формировалось под влиянием состава рабочего класса. От соотношения четырех типов рабочих на том или ином предприятии, в той или иной местности и отрасли во многом зависела зарплата, условия и порядок найма, особенности классовой борьбы.

В начале XX века в фабрично-заводской промышленности при снижении темпа роста общей численности фабрично-заводского пролетариата сокращались возможности приема рабочей силы из деревни и других регионов в связи с тем, что свободные рабочие места все чаще занимали выходцы из рабочих семей, что способствовало усилению

социально-экономической анклавности рабочего класса, постепенному затуханию процесса пролетаризации и развитию пауперизации. Данное обстоятельство приводило к двойным последствиям. С одной стороны, в ближайшей перспективе происходило уменьшение тормозящего воздействия неотрадиционного крестьянского уклада на формирование социального положения и менталитета промышленного пролетариата, но, с другой стороны, в стратегическом плане вырисовывалась картина остановки процесса индустриализации страны.

Таким образом, находясь в тяжелом экономическом и социальном положении и вынужденно вступая в докапиталистические и квазикапиталистические производственные отношения, российские рабочие во многом еще не являлись классическими капиталистическими пролетариями. Многие из них были имущественно связаны со средствами производства и, в первую очередь, с землей, и / или не имели возможности свободно входить на рынок труда и перемещаться на нем.

Индустриализация и урбанизация сопровождалась двойной социокультурной динамикой. Рабочие, вставшие к станкам промышленных предприятий в конце XIX – начале XX в., сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности. Но при этом в ходе приспособления к новым жизненным обстоятельствам они не вытеснялись другими и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива, принимая ярко выраженную антибуржуазную направленность. Теперь не только сами рабочие осознавали себя особым слоем со своими представлениями и поведением, но и представители властей и заводской администрации констатировали это как факт.

В результате сформировалось двухсоставное социокультурное образование. В его основании находилась рабочая субкультура как часть мира повседневности с его ценностями, обычаями, формами жизнедеятельности, самоорганизацией трудовых коллективов и т.д., возникшая на пересечении традиционной и буржуазной культур. Второй элемент составила основанная на противопоставлении классов буржуазного общества «пролетарская культура» как идеологическая репрезентация класса вовне и одновременно альтернатива «народной культуры» [11, с.591]. Эти элементы, несмотря на разнородное формационное происхождение, образовали относительно непротиворечивую на данном историческом этапе систему, что говорит о завершении формирования классового сознания российских рабочих как в виде специфического менталитета, так и в форме их классовой идеологии. Однако содержание этого сознания позволяет сделать вывод о его буржуазно-традиционном раннеиндустриальном характере.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Список сокращений

- Вестник... гигиены.** – Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. СПб., 1905.
- Промышленность и здоровье.** – Промышленность и здоровье. Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. СПб.
- ПСЗ РИ.** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: В 45 т. – СПб.: Государственная типография, 1885–1916.
- Рабочие и интеллигенция России.** – Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. Сб. материалов / Отв. ред. С.И.Поголов. СПб.: Рус.-Балт. Информ. центр БЛИЦ, 1997. 640 с.
- Рабочий класс...** – Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М.: Наука, 1966. 410 с.
- Труды местных комитетов.** – Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903.
- ЦГИА СПб.** – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Библиографический список

1. Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г.: (Облик, борьба, гегемония). Материалы к Научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября, 14–17 ноября 1967 г. Одесса: Б.и., 1967. Ч.2. С.160–166.
2. Ананьич Б.В. [Выступление в ходе дискуссии] // Рабочие и интеллигенция России. С.429.
3. Аханчи П.А. Этно-религиозные группы нефтепромышленных рабочих г. Баку и их взаимоотношения в конце XIX – начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России. С.131–146.
4. Богущкий Э.Ф. Положение горнорабочих в Донецком бассейне // Юридический вестник. 1890. Т.6. №11. Ноябрь. С.442–461.
5. Быстрых Ф.П. Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск: Уралпартиздат; М., 1933. 178 с.
6. Валетов Т.Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Редкол.: И.Ю.Новиченко, А.К.Соколов, К.М.Андерсон и др. М.: РОСПЭН, 2008. С.176–196.
7. Васильев Б.Н. Социальная характеристика фабричных рабочих // Рабочий класс... С.141–151.
8. Волобуев П.В. Выступление на заключительном заседании // Рабочие и интеллигенция России. С.616–619.
9. Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М.: РОСПЭН, 2009. 207 с.
10. Выписка из записки Нижегородской губернской управы в Нижегородский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды местных комитетов. Т.24. Нижегородская губерния. С.50–57.
11. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861–1900 (Численность, состав, положение) / Отв. ред. Ю.И.Кириянов. М.: Наука, 1985. 303 с.

12. Гессен Ю.И. История горнорабочих СССР. М.: Изд. ЦК горнорабочих СССР, 1929. Т.2. Вторая половина 19-го века. 294 с.
13. Гуськова Т.К., Иноземцева З.П. Введение «правил» и «условий» на работы на заводах Н.-Тагильского горного округа в 60–70-е гг. XIX века // Из истории заводов и фабрик Урала. Сборник статей. Выпуск 2. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963. С.104–117.
14. Дмитриев А.Н. [Выступление в ходе дискуссии] // Рабочие и интеллигенция России. С.590–591.
15. Дементьев Е. Женский фабричный труд в России // Промышленность и здоровье. 1902. Кн.3. С.1–22.
16. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она берет у него. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Типо-литография товарищества «И.Н.Кушнерев и К°», 1897. 256 с.
17. Десятов А. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на пароходах бассейна р. Волги // Промышленность и здоровье. 1903. Кн.9. С.31–40.
18. Доклад Минского уездного предводителя дворянства о нуждах крестьянского сельского хозяйства Н.Г.Матвеева о нуждах крестьянского сельского хозяйства // Труды местных комитетов. Т.21. Минская губерния. С.218–225.
19. Доклад Ю.А.Спасского об урегулировании отхожих промыслов // Труды местных комитетов. Т.17. Костромская губерния. С.143–149.
20. Доклад гласного М.С.Толмачева о приеме и увольнении из крестьянской общины и о семейных разделах // Труды местных комитетов. Т.23. Московская губерния. С.569–578.
21. Дубинская И.Н. Рабочие кадры каменноугольной промышленности Донбасса. Итоги переписи 1929 г. Харьков: Издание «Союзугля», 1930. Кн.8. 40 с.
22. Е.Н. Условия труда и жизни портовых рабочих // Вестник... гигиены. №3. С.101–105.
23. Журнал заседания комиссии по правовым вопросам 22 ноября 1902 г. // Труды местных комитетов. Т.23. Московская губерния. С.410–411.
24. Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс... С.58–140.
25. Иванова Н.А. Дискуссионные и малоизученные аспекты проблемы формирования российского пролетариата в период империализма // Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1981. С.31–48.
26. Иванова Н.А. Социально-экономическое развитие России в 1907–1914 гг. Изменения в рядах рабочего класса. Гл.1 // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1982. С.18–77.
27. Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда // Труды Чухломского отделения Костромского научного общества по изучению местного края. Чухлома: Типография в городе Чухломе, 1926. Вып.2. 19 с.
28. Калугина Г.В. К вопросу о положении рабочих Урала в конце XIX – начале XX веков (заработная плата рабочих Верх-Исетского заводского округа в 1895–1904 гг.) // Из истории заводов и фабрик Урала. Сборник статей. Выпуск 2. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М.Горького, 1963. С.118–129.
29. Каменноугольная промышленность южной России в 1901 г. Статистическое бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России. Харьков: Типография Б.Бенгис, 1902. № 130. LXXXIX, 335 с.

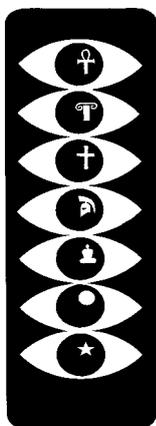
РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

30. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России. С.55–76.
31. Клинген И. Описание Волчанского уезда Харьковской губернии в сельскохозяйственно-статистическом отношении. Харьков: Типография Окружного штаба, 1882. 378 с.
32. Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губ. М.: Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, 1911. 36 л.
33. Козьминых-Ланин И.М. Фабрично-заводский рабочий Владимирской губернии (1897 год). Распределение и заработка рабочих по производствам, по полу, возрасту и грамотности. Преемственность фабрично-заводского труда. Уход на полевые работы. Владимир на Клязьме: Типо-литография Губернской земской управы, 1912. 33 с.
34. Королев Г.И. Представления рабочих России конца XIX – начала XX в. о социализме // Рабочие и интеллигенция России. С.236–253.
35. Кривоногов В.Я. О научных конференциях «Уральские чтения» // Вопросы истории. 1953. № 1. С.155–158.
36. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1976. 299 с.
37. Купайгородская А.П. [Выступление в ходе дискуссии] // Рабочие и интеллигенция России. С.207–229.
38. Лаврычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 420 с.
39. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1971. Т.3. 791 с.
40. Ленин В.И. Революционный подъем // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т.21. С.339–346.
41. Макаренко А. Отхожие и кабальные рабочие // Юридический вестник. 1887. Т.24. Кн.4 (Апрель). С.727–740.
42. Металлисты Урала накануне и в период 1905 года: Сборник материалов и документов / Сост. А.Барановым и В.Мутных. Свердловск: Уралобком Всероссийского союза металлистов, 1926. 219 с.
43. Мехмандаров В.А. Заболеваемость рабочих на юге России // Вестник... гигиены. №3. С.27–54.
44. Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России. С.149–165.
45. Неручев М.В. Рабочий вопрос в его современном виде // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1877. Март. С.135–142.
46. Нестеренко А.А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX – начале XX в. М.: Госполитиздат, 1954. 308 с.
47. Ньюбергер Дж. Власть слова: рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России. С.254–268.
48. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М.: Товарищество И.Д.Сытина, 1906. 322 с.
49. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л.: Путь к знанию, 1924. Т.2. 296 с.

50. Панкратова А.М. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60–80-х годах XIX века // Рабочее движение в России в XIX веке. М.: Госполитиздат, 1950. Т.2. Ч.1. 697 с.
51. Пешехонов А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб.: Редакция журнала «Русское Богатство», 1906. 64 с.
52. Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб.: Типография Академии наук, 1906. 364 с.
53. Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России. С.114–130.
54. Полянская Т.М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 30 с.
55. Потолов С.И. Рабочие Донбасса в XIX веке. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1963. 257 с.
56. Прокопович С.Н. К рабочему вопросу в России. СПб.: Е.Д. Кускова, 1905. 208 с.
57. Прокофьев С.И. Из пережитого // На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников Московского рабочего союза (1893–95 гг.) и документы / Собрал и подготовил к печати С.И.Мицкевич. М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. С.101–105. С.101–113.
58. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.VI. №3578.
59. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1982. 459 с.
60. Рашевский Н.Н. О положении рабочих на сахарных заводах. Киев: Тип. 1-й Киев. артели печ. дела, 1907. 26 с.
61. Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. / Под ред. и с вступ. ст. Н.Евреинова. М.: ВЦСПС, 1930. XIX, 171 с.
62. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1958. 623 с.
63. Ромашова В.И. Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы // Рабочий класс... С.152–162.
64. Рума Р.Н. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияние его работ на здоровье рабочих // Сб. работ Перм. зем. санитар. ст. Пермь: Типография губернской земской управы, 1891. Вып.2. С.1–240.
65. Сборник области войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск: Обл. Войска Дон. стат. ком., 1908. Вып.8. 95 с.
66. Свод мнений уездных комитетов // Труды местных комитетов. Т.19. Курская губерния. С.45.
67. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1903. XXV, 202 с.
68. Серый Ю.И. К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: Сравнительный порайонный анализ. Ростов-на-Дону: Б.и., 1972. С.22–29.
69. Серый Ю.И. Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1971. 211 с.
70. Слуховский И. Муниципальные вопросы. II. Безработные в Москве // Русская мысль. 1908. №10. Отд.2. С.192–200.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ

71. Смирнов А. Земледелие и земледелец Центральной промышленной губернии // Русская мысль. 1901. Кн.7. С.173–186.
72. Смирнов А. Рабочие в строительных промыслах // Промышленность и здоровье. 1903. Кн.6. Март. С.1–12.
73. Смирнов А. Фабрика и фабричный рабочий // Русская мысль. 1902. №5. С.152–167.
74. Стейнберг М.Д. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России. С.96–113.
75. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 267 с.
76. Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб.: Редакция журнала «Русское Богатство», 1906. 117 с.
77. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978. 208 с.
78. Фабричные инспектора о рабочем вопросе // Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. СПб., 1905. №4. С.126–142.
79. Трифанков Ю.Т. Массовое сознание рабочих от зарождения до 1917 года в курсе истории России. Брянск: Издательство БГТУ, 2000. 41 с.
80. Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России. С.28–54.
81. Хитров П.И. О масштабах и характере рабочего движения на Урале в период империализма // Из истории рабочего класса Урала: Сборник статей. Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. С.224–242.
82. ЦГИА СПб.
83. Черемухин Н.М. Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в пос. Юзовке // Врачебно-Санитарная Хроника Екатеринославской губернии. Екатеринослав: Екатеринославская губернская земская управа. Санитарное отделение, 1910. №1. С.1–20.
84. Шагушина А.В. Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX – XX вв. (на материалах Владимирской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 23 с.
85. Шаповалов А.С. В борьбе за социализм: воспоминания старого большевика-подпольщика. М.: Госполитиздат, 1957. 310 с.
86. Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. Статистическое исследование. М.: Товарищество типографий А.И. Мамонтова, 1900. 92 с., 16 л.
87. Ungern-Sterberg R. von. Über die wirtschaftlich und rechtliche Lage der St. Petersburger Arbeiterchaft. Berlin: Puttkammer & Mühlbrecht, 1909. 90 s.

Татьяна Савина

**«ПРОЛЕТАРИИ»
И «БУРЖУИ»:**

**ИНОЯЗЫЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА В КРЕСТЬЯНСКИХ
«ПИСЬМАХ ВО ВЛАСТЬ»
1920-х ГОДОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)«1920–1929»

В статье рассматривается процесс изменения семантического поля единиц иноязычной политической лексики в крестьянской среде в 1920-е годы. На примере пары «буржуазия» и «пролетариат» исследуется вопрос о трансформации идеологической компоненты политических понятий под воздействием внеязыковых факторов. Крестьянские «письма во власть» представляют особый интерес для изучения подвижности семантики политической лексики в революционной и постреволюционной России, поскольку крестьяне являлись самой малограмотной и политически не просвещенной группой населения. Использование крестьянами новой иноязычной политической лексики рассматривается как базовая модель усвоения простым населением основ советского «новояза».

The article examines the process of changing the semantic field of the units of borrowed political vocabulary in peasant environment in the 1920s. The pair "bourgeoisie" and "proletariat" sets the example of transforming the ideological component of political concepts under the influence of extralinguistic factors. Peasants' "letters to power" are of particular interest for studying the flexibility of the semantics of political vocabulary in revolutionary and post-revolutionary Russia, since the peasants were the most illiterate and politically unaware group of the population. The way the peasants used the new borrowed political vocabulary is viewed as the basic model of how the common people acquired the essentials of the Soviet "newspeak".

Ключевые слова: Lingua Sovietica; «письма во власть»; политическая лексика; иноязычные заимствования; пролетариат; буржуазия.

Key words: Lingua Sovietica; "letters to power"; political vocabulary; foreign borrowings; the proletariat; the bourgeoisie.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

В своей статье «Марксизм и вопросы языкознания» И.В. Сталин, оглядываясь на тридцатилетний опыт советской власти, уверенно заявил: «[...] русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота», особенно настаивая на неизменности инструментальной функции языка: «[...] русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества» [13].

Однако сам сталинский текст как продукт языкового творчества говорит об обратном. Старательно избегая слов «лингвистика», «лингвисты» и заменяя их русскими по происхождению словами «языкознание» и «языковеды», Сталин широко использует другие иностранные заимствования. Предполагалось, что не только такие слова, как «пролетариат» и «буржуазия», но и «базис», «конгломерат», «концентрация диалектов», «абстрагируясь» и т.п. уже давно знакомы и понятны любому читателю газеты «Правда», даже не связанному с партийно-административным аппаратом или с системой среднего / высшего образования.

Широкое использование иностранных слов являлось неотъемлемой чертой *Lingua Sovietica* как наследия трансформации русского языка времен революции и гражданской войны. В этот период единицы политической лексики иноязычного происхождения стали употребляться не только в прямом, присущем им словарном значении, но и с измененной семантикой слова и широчайшим коннотативным шлейфом значений.

Эксперименты с идеологической компонентой семантики слова свойственны любому авторитарному режиму. Наблюдения немецкого филолога Виктора Клемперера за языком национал-социалистов в фашистской Германии дали возможность говорить о механизмах манипулирования значением слов, изначально направленных сверху вниз, от власти к народу [6]. Американский философ русского происхождения Алексей Юрчак, исследуя «поздний социализм», описывает механизм, направленный в противоположную сторону, снизу вверх, от населения к власти, называя его «перформативным сдвигом» нормы идеологического высказывания [14]. В лингвистических исследованиях политической лексики русского языка последнего десятилетия поднимается вопрос об экстралингвистических факторах, влияющих на динамику изменения семантического значения слова [1, 3]. Как показывают исследования, в переломные моменты жизни общества семантические поля политической лексики оказываются наиболее подвижными [15].

Коренная политическая и социальная ломка российского общества стала причиной невероятного и искусственно созданного ускорения естественного процесса расширения словарного состава языка путем заимствования новых слов. Основной корпус иностранных слов политической лексики уже вошел в тезаурус русского языка на рубеже веков и закрепился в словаре образованного общества [1]. Начиная с 1917 г. происходит движение заимствованной лексики в другие сферы жизни и социальные слои, в частности – огромную крестьянскую массу, составлявшую на тот момент около 80 процентов населения России. В языке свершился настоящий «революционный взрыв», когда иностранные слова и понятия «пошли в народ» с помощью разных форм коммуникации (газеты, плакаты, агитки) и возвращались бумерангом в обращения населения во власть. Среди писем во власть всех групп населения особый интерес для изучения подвижности семантики политической лексики в революционной и постреволюционной России представляют крестьянские письма. Крестьяне являлись самой малограмотной и политически не просвещенной группой населения, таким образом, использование ими новой иноязычной политической лексики может рассматриваться как базовая модель усвоения простым населением основ советского «новояза».

**«Язык революции»
и «революция языка»**

Обилие новшеств в русском языке привлекло внимание лингвистов уже в 1920-е годы. С.И.Карцевский в брошюре «Язык, война и революция» (1923) отмечал «демократизацию» слов иностранного происхождения, однако подчеркивал, что

«можно а priori утверждать, что пока что эти формальные элементы иностранного происхождения не являются продуктивными за пределами узкого круга интеллигенции и, пожалуй, соприкасающихся с ними отдельных групп городских рабочих» [5]. Это наблюдение можно считать справедливым, особенно если учитывать социальный состав профессиональных революционеров, которые в первые постреволюционные годы составляли основную массу административных кадров. Большинство из них были выходцами из разночинной интеллигенции и учились по крайней мере в гимназии, при этом владение иностранным языком (хотя бы на начальном уровне) было маркером определенного уровня образованности. Крестьянское население, малообразованное или неграмотное, на иностранных языках не говорило по определению, более

того – настороженно относилось к иностранным словам в русском языке, считая их употребление одним из признаков городской культуры. Тот минимум слов иностранного происхождения, который уже бытовал в крестьянской среде к началу революции, был обусловлен техническим прогрессом в ведении сельского хозяйства, который дал толчок к проникновению в крестьянскую среду некоторого количества иностранных терминов.

Стихийный приток в деревню в первые постреволюционные годы новых политических понятий, которые несли возвращавшиеся с фронта мировой войны солдаты, агитаторы, собиравшие деревенские митинги, листовки и агитки новой власти, потоком шедшие из города, постепенно оформлялся и упорядочивался с помощью средств массовой информации новой власти. Уже в 1920-е годы идет целенаправленное внедрение в среду крестьянского населения политической лексики иностранного происхождения. Об этом свидетельствует, например, «Революционный рабоче-крестьянский букварь для взрослых» (1920) В.В.Смушкова, в котором слова «буржуазия», «империалисты», «эксплоататор» предлагаются в качестве исходных слов для обучения чтению [12]. Закрепление слов в словаре крестьян шло с помощью тенденциозно подобранного контекста, когда происходило или изменение семантического значения слова с доминированием идеологического компонента, или трансформация нейтрального по значению слова в единицу политической лексики. Слово также могло полностью утратить изначальное лексическое значение, когда простое воспроизведение превращалось в сигнал политической грамотности и благонадежности.

Хотя в 1920-е годы приток новых заимствованных иностранных слов резко сужается, общество

Обложка «Рабоче-крестьянского революционного букваря для взрослых» В.В.Смушкова, 1920 г.

активно осваивает и переосмысливает уже имеющуюся в словаре иноязычную политическую лексику. В этом смысле процесс переосмысления значения иностранных слов политической лексики в крестьянской среде стал одной из точек напряжения политической борьбы в деревне.

Кампания по ликвидации безграмотности как инструмент манипулирования семантикой политического понятия

В повести «Коридор», написанной в жанре семейной хроники, Сергей Каледин описывает, как бабушка наставляла внука о пользе иностранных языков и вспоминала о своем участии в кампании по ликвидации

безграмотности: «Нас посылали объяснять неграмотным людям, что такое, например, демократия. Мне очень помогло, что я кончила гимназию и знала латынь. Я объясняла: демос – народ, крафт – сила. Советская власть. Понял?» [4, с.127].

В «Революционном рабоче-крестьянском букваре для взрослых» В.В.Смушкова слова «демократия» нет, зато есть слово «диктатура»:

Страница из «Рабоче-крестьянского революционного букваря для взрослых» В.В.Смушкова, 1920 г.

«Для того, чтобы окончательно победить врагов и укрепиться, новая власть должна быть сильной, неограниченной и единой» [12, с.22]. Кампания по ликвидации неграмотности, когда власть требовала «привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности всё грамотное население страны», привела к тому, что знакомство с иностранным словом шло через посредника (учителя), который сам решал, какое значение должно иметь то или иное слово, а многозначность слова сводилась к объяснению одного, политически контролируемого значения, обеспеченного положительной или отрицательной коннотацией. Непривычность фонетики, сложность понятия – все упрощалось и адаптировалось к более легкому восприятию неподготовленного слушателя [15]. Так, например, слово «буржуазия» утрачивало все многообразие исторически сложившихся значений и получало резко отрицательные коннотации. Слово «диктатура» в виде ассоциативной пары «диктатура пролетариата» стало означать высшую форму демократии, превращаясь, по сути, в ее синоним. «Коммуна» и «коммунист» имели только положительное коннотации и напрямую связывались с понятием «Советская власть».

Еще одним пособием по обучению грамоте были средства массовой информации, в частности газеты. В небольшом рассказе «Как Степа деревню грамоте учил», написанном в 1925 г., автор дает лаконичную характеристику одного из уроков по ликвидации безграмотности: сначала газету прочитал, потом про Ленина рассказал, потом «стопочку книг разобрал. Здесь и сельское хозяйство, и про машины, и про скотину – как за ней ходить надо» [9]. Газеты для деревенской целевой аудитории, такие как «Беднота» (издававшаяся с 1918 г.) и «Крестьянская газета» (издававшаяся с 1923 г.), структурно соответствуют этой нехитрой формуле: сначала много о политике, потом чуть-чуть о земледелии. Иноязычная политическая лексика закреплялась в словаре читателя-крестьянина в том значении и контексте, которого требовали поставленные партией политические задачи. В результате крестьяне не только не понимали иноязычных слов – они зачастую не понимали сути обозначаемых понятий. Вот, например, что писал крестьянин, бывший красноармеец в письме от 1925 г.: «Вот они начали, эти делегаты, собирать митинг. Я даже не знал, что это за слово "митинг", а после уже начал принимать во внимание все эти политические названия» [2, с.25]. Другой крестьянин жаловался: «[...] быть может, мы, темные крестьяне, глубоко ошибаемся, но все-

Обложка «Как Степа деревню грамоте учил» Н.Манасеиной, 1925 г.

таки я не могу определить, где этот самый социализм [...] а в особенности это нерусское слово социализм» [2, с.249].

Крестьяне писали в газеты, местные и центральные органы власти, политическим лидерам, пытаясь разобраться в «текущем моменте», задавали вопросы, при этом пользуясь всем доступным им «революционным» словарем, пытаясь не только освоить новую терминологию, но и определить свое личное место в политической жизни государства в соответствии с новыми понятиями. Попадая в активный крестьянский словарь в закреплённом толковании, политическое понятие неизбежно подвергалось семантической неологизации как в грамматическом, так и в прагматическом аспектах, обусловленных рядом внеязыковых факто-

ров. Так, например, это произошло с ключевыми понятиями революции 1917 г.: «буржуазия» и «пролетариат».

«Буржуи» и «пролетарии»

Интересно, что «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля уже содержит такие языковые единицы, как «пролетарий», «пролетариат» и «пролетарство», в которых, однако, доминантной семой является «отсутствие чего-либо» – дома (бесприютный), семьи (бобыль), земли (безземельный), работы (захребетник). По сути, изначально это понятие было вполне применимо и к крестьянину, если он был безземельным или бессемейным. Есть в словаре Даля и «буржуазия» в значении горожанин, среднее сословие, торговый и ремесленный люд, т.е. не крестьяне.

Первая глава «Манифеста коммунистической партии», появившегося в русском переводе к концу 1870-х годов, уже фиксирует оппозицию

«буржуа» – «пролетариат», причем семантические поля слов пересекаются в области общей доминанты «наемный труд», а прагматика, намеренно суженная авторами, ограничивается номинацией участников экономических отношений.

Активное освоение иностранных слов «пролетариат» и «буржуазия» в крестьянской среде началось сразу же после революции 1917 г. и шло с позиции «третий – лишний». В соответствии с толкованием этих понятий основоположниками марксизма крестьянство не было ни пролетариатом, ни буржуазией. Навязанная социально-экономическими учениями оппозиция трактовалась как дуальная: «хорошо–плохо», «трудящийся–эксплуататор», «имущий–неимущий» – и была лишена нейтральной аксиологической зоны. Кем в этом случае оказывался крестьянин? В письме в «Крестьянскую газету» от 13 июня 1926 г. крестьянин из села Терновки Тираспольского района просит разъяснений: «Мы знаем, что рабочие и крестьяне, не имеющие ни кола, ни двора, кроме рабочих рук, это есть пролетариат, а имеющий крестьянин маленькое имущество – что, уже не пролетариат, а мелкий собственник, крестьянин, хотя он и бедняк?» [2, с.127]. Этот вопрос примечателен прежде всего осознанной попыткой крестьянина найти себе имя, а с ним – определить свое место в новом мире. Здесь значимо каждое слово: «мы знаем» – откуда? «Мы знаем» – это значит, что «нам так говорят» – газеты, агитаторы, партактив. Исходя из общих идеологических постулатов Советской власти, для крестьянина любой, не имеющий ничего, «кроме рабочих рук», – это пролетарий, независимо от социальной принадлежности, даже и крестьянин, «беднота». Значит, если у крестьянина есть собственность и земля (ее дала декретом Советская власть), то он не пролетариат. Тогда, в соответствии с марксистской социальной стратификацией общества, крестьянин – буржуазия? Но крестьянство, конечно, не хотело быть буржуазией. В письме алтайского крестьянина от 1927 г. звучит обида: «Еще у нас в селе Сусловском 19 человек лишены голосу. За что? За то, что они имеют хозяйство среднее и работают день и ночь. Эти люди настоящие строители государства. От таких людей идет хлеб, мясо, масло, кожи, овчины, волокно, шерсть. А титул имеют якобы буржуй» [2, с.115]. Где место крестьян в новом мире и полагается ли им хотя бы часть власти? Несомненно, крестьянство было третьей силой внутри пары «пролетариат» – «буржуазия», только двухвалентной, которую можно присоединить и к буржуазии, и к пролетариату в зависимости от того, как толковать значение этих слов.

«Пролетарий» или «бедняк»? Уже в письмах начала 1920-х годов отчетливо наблюдается столкновение знакомого крестьянам понятия «бедняк» и достаточно новой для них единицы политического словаря «пролетарий», а именно – тенденция к неразличению крестьянами этих понятий. Часть беднейшего крестьянства охотно называет себя «пролетариатом». «Домашности не имею никакой и поэтому числюсь пролетаркой», – писала в 1924 г. крестьянка в заявлении о вступлении в партию и обещала «с гордостью и распростертыми объятиями пойти навстречу пролетарии» [2, с.157]. Доминирующая семантика здесь – «у меня нечего взять, я – бедняк». «Пролетарскую революцию» такие крестьяне считают своей, они за нее боролись, и, как пишет в 1924 г. бедняк-незаможник из Украины, «мы вам пальцы в рот не положим, мы сорганизованы и тесно [...] в ряды пролетариата и идем дружными рядами за советскую рабоче-крестьянскую власть» [2, с.177].

Интересно, что беднейшее крестьянство, называя себя «пролетариями», естественно, не обозначает себя как «рабочий класс». Здесь достаточно четко прослеживается доминирование политической семантики: «пролетариат» – это понятие, скорее, идеологическое, в то время как «рабочий класс» является термином социально-экономических теорий.

Если бедный крестьянин стремился назвать себя «пролетарием», чтобы идентифицировать себя как неимущего, то середняк, а тем более зажиточный крестьянин, по этой же причине не называл себя таковым, потому что считал, что государство является «пролетарским» не потому, что власть в нем принадлежит пролетариату, а потому, что оно бедное государство. Таким образом, доминирующая сема «неимущий» получает негативную коннотацию, с добавочным переносом значения из политической сферы в область экономики. «Хотите жить богато – дайте крестьянам зажиточным полную свободу, тогда в стране Советов не будет бедняков, а называться будет не "пролетарское государство", а "народная республика" [...]» [2, с.245], – пишет в 1927 г. крестьянин, судя по всему, – явный кандидат на будущее раскулачивание.

В то же время появляется лексико-семантический вариант слова «пролетариат» – «пролетария», который, видимо, по аналогии со словом «буржуазия», употребляется в женском грамматическом роде и получает чаще всего крайне негативную коннотацию. Знаменитая частушка времен «военного коммунизма» так описывает ключевые фигуры политической жизни страны и основной вопрос экономики:

«ПРОЛЕТАРИИ» И «БУРЖУИ»

*Ленин Троцкому сказал:
«Пойдем, Троцкий, на базар,
Купим кобылу карею,
Накормим пролетарию» [2, с.55].*

Нажим со стороны власти в области продовольственной политики, суровые административные меры привели к тому, что крестьянство стало видеть в «пролетариате», который нужно кормить, корень своих бед. «... сколько существует крестьянство, оно еще не имело такой вражды, какую оно имеет к рабочим вообще и к коммунистам в особенности, и причина этой вражды [...] выходит из самого сердца коммунистической партии, ибо ее святой лозунг – диктатура пролетариата – и есть корень вражды» [2, с.128], – пишет крестьянин из Амурской области в 1925 г. «А пролетария лежит ничево не делает норовит нахалом пользоваться чужим трудом еще и говорит власть наша» [2, с.133], – автор анонимного письма от 1928 г. обижен тем, что крестьянин, чьим трудом основано экономическое благополучие страны, не имеет той власти, которая пролетариату достается, по его мнению, даром. «Нам, крестьянам, желательно гордиться словами [...] рабоче-крестьянская диктатура, а не только одного пролетариата» – в письме крестьянина от 1926 г. [2, с.127].

Таким образом, к середине 1920-х годов в крестьянской среде в значении слова «пролетариат» происходит новое движение: в семантическом поле появляется отчетливая сема «имеющий» (т.е. та же сема, что и в слове «буржуазия»), но не собственность, а власть, не только политическую, но и административную. Газеты, декреты Советской власти, даже «Революционный рабоче-крестьянский букварь» – все твердят крестьянину о том, что пролетариат – движущая сила революции, в России – диктатура пролетариата и власть принадлежит ему. Тот же крестьянин из Тираспольского района пишет: «Если мы не ошибаемся, то нам это кажется так, что пролетариат (рабочий) диктует по-своему, а крестьянин подчиняется и исполняет, хотя бы крестьянин желал бы или нет» [2, с.127]. Политические и административные кадры, пришедшие в деревню из города, являются, по мнению крестьян, «пролетарскими», так же как и деревенские кадры, вышедшие из гуши бедноты и причислившие себя к «пролетариям». «Пролетарское» происхождение – верный пропуск во власть, хотя бы на уровне деревни или села, поэтому стремление некоторой части крестьянства называть себя «пролетариатом» говорит об их самоидентификации как части того населения, от лица которого осуществляется власть.

Кроме того, к концу 1920-х годов употребление слова «пролетариат» в крестьянских письмах получает функцию сигнала о политической благонадежности. Выступая с резкой критикой политики государства в деревне, крестьянин спешит уточнить: «Прошу не обращать внимание как на контра власти. Я чистый пролетариат, которого не поддерживают, а хуже закабаляют в кооперации» (письмо от 1928 г.) [2, с.256]. Называя себя «пролетариатом», крестьяне пытались дать понять, что они не против новой власти как таковой, но не согласны с ее политикой в деревне, а также с ее представителями в виде партийных и административных кадров.

Очевидно, что в постреволюционной деревне освоение политического термина «пролетариат» и производных понятий было детерминировано внеязыковыми факторами. Сознательное манипулирование политической терминологией привело к конфликту в сознании крестьянства: твердя, как заклинание, «мы – пролетариат», потому что мы поддерживаем новую власть, крестьяне, с другой стороны, не могли согласиться с тем, что для этого обязательно нужно быть бедняком. Как пишет тот же анонимный будущий кандидат на раскулачивание, «(государство) оно больше любит бедняка, чем зажиточного, потому что по газетам и называют "пролетарское государство" [...] и неужели оно будет беднеть и беднеть, а заобогатеть никогда и не думает» [2, с.245].

«Буржуй» или «кулак»?

Параллельно в крестьянской среде происходит семантический сдвиг в значении слова «буржуазия». В начале 1920-х годов крестьяне называли «буржуазией» бывших помещиков и фабрикантов, в полном соответствии с бинарным делением окружающей действительности времен гражданской войны. Лексико-семантический вариант «буржуй/буржуи» функционирует как номинация отдельного человека, так и всего социального класса, как и фонетически непривычное слово «буржуазия», наряду с производными прилагательными «буржуйский» и «буржуазный» соответственно. В письмах крестьян – бывших красноармейцев – часто встречается номинация «буржуазия», которая включает в себя белогвардейцев, казачьих офицеров, атаманов, предводителей банд, а сема «враг» является доминирующей. Наиболее частое словосочетание «борьба с буржуазией» описывает перипетии недавней гражданской войны: «Мы отдали все для борьбы с буржуазией, мы отдали своих сынов, отдали скот, инвентарь, хлеб, все что имели, разорили до основания» (из коллективного письма крестьян от 1924 г.) [2, с.89].

Кроме того, для крестьянина все, что находилось за границами СССР, было «буржуазным»: государственный строй, идеология, достижения науки и культуры – и имело только негативные коннотации: «[...] сильно ужаснулись неслыханному чуду, которое совершает заграничная буржуазия своею изобретательностью способов для уничтожения рабочих и крестьян» [2, с.227]. «Буржуазия» совместно с «гидрой капитализма» из советских газет сформировали в крестьянском сознании устойчивый образ грозящей извне силы. Кроме того, интересна образность некоторых высказываний крестьян о «буржуазии», в которых причудливо перемешивались живая деревенская повседневная речь и агитационные газетные штампы. В письме крестьянина от 1926 г. живо рисуется картинка стреноженного коня, каковым автору представляется рабочий класс: «И эта буржуазия веками держала и строго путала, стреножила и взнуздавала и ставила защиты от переда и до хвоста». Особенно эмоционально звучат проклятия в адрес «мировой буржуазии»: «И я подтверждаю, что свободный рабочий путь перешибет буржуазной технике [и] теории хвост» [2, с.122].

Однако к середине 1920-х годов, в связи с обострением социального расслоения в деревне, при сохранении доминантного значения «классовый враг», происходит переориентация номинации и семантическое поле слова расширяется: «буржуями» теперь называют крестьян, которые, в отличие от «пролетариев», имеют какую-то собственность.

Здесь совершенно очевидно присутствует эхо опосредованного знакомства крестьян с теоретическими основами экономики по-ленински. Именно Ленин назвал крестьян «мелкой буржуазией», утверждая, что «[...] основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат» [8]. Крестьянство, таким образом, оказывалось совсем не «пролетариатом».

Вряд ли неграмотная масса крестьян была знакома с теоретическими трудами политического лидера революции. Пропагандисты и городские агитаторы скорее всего могли ссылаться на обращение В.И.Ленина к питерским рабочим об организации продовольственных отрядов от 1918 г., в котором от помещиков и крупных хлеботорговцев времен царской России проведена прямая линия к «деревенской буржуазии» в советской деревне, т.е. к крестьянам [7]. Таким образом, под понятие «буржуи» подпадали и середняки, и даже бедняки, если имели какую-то собственность. В уже процитированном письме алтайского крестьянина Дубровина трудящиеся «день и ночь» крестьяне-середняки против того, чтобы их называли «бур-

жуями», потому что они – «настоящие строители государства». А какой крестьянин не хотел бы улучшить свое хозяйство?

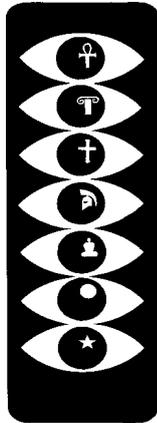
Выражение «сельская буржуазия» в контексте социалистического строительства в деревне не кажется оксюмороном, если принять во внимание, что второй доминантой значения слова является сема «имуций»: зажиточный крестьянин не считает себя «пролетариатом», однако быть «сельской буржуазией» опасно, политически неблагонадежно. При этом во многих письмах крестьян-середняков и даже бедняков видна растерянность. «Если крестьянину удастся улучшить свое хозяйство и выкарабкаться с бедноты, то его клеймят кулаком и считают врагом Советской власти», – пишет в 1925 г. крестьянин из Амурской области [2, с.129]. Ему вторит крестьянин из Актюбинской губернии в письме от 1928 г.: «Сказано прямо: "Не надо укреплять аппетиты сельской буржуазии на наживы индивидуального капитала". А спрашивается, какие аппетиты? [...] Побольше посеять да получше обработать землю, чтобы лучше получить урожай» [2, с.259].

С конца 1920-х годов, с началом кампании по раскулачиванию, когда сталинская власть наконец-то определилась с тем, кого и как называть в советской деревне, номинация «буржуй» по отношению к зажиточным крестьянам практически полностью уступает место уже закрепившемуся до революции наименованию, хорошо знакомому крестьянам, – «кулак», при этом сохранялась неоднозначность критериев номинации. Точно так же из крестьянского словаря постепенно уходит самонаименование «пролетарий» в значении «неимуций», вытесняясь также законодательно закрепленными понятиями «бедняк», «середняк» или расплывчатым «труженик». Оппозиция «пролетариат» – «буржуазия» практически перестала иметь характер личного противостояния богатых и бедных в деревне, вернувшись в рамки семантического поля политического противостояния на мировой арене двух идеологий. «Ушедшие во власть» крестьяне перестали называть себя «пролетариями», поскольку превратились в «коммунистов». Судя по всему, к концу постреволюционного десятилетия крестьянство наконец-то усвоило неприличные иноязычные политические термины именно в том значении, в каком их использовала газетная пропаганда: Советская власть (пролетариат) против внешних врагов (буржуазия). В крестьянских письмах слова «пролетариат/пролетарский» и «буржуазия/буржуазный» стали звучать в закрепленных газетными штампами словосочетаниях «пролетарская революция/власть/сознательность» и «происки/деспотия буржуазии».

Давая уроки политической грамотности деревне, власть утверждала приоритет имени над сущностью. Прагматический фактор, лежавший в основе номинации, становился ведущим, а коммуникативно-инструментальная функция языка была детерминирована политическими задачами постреволюционного десятилетия. Крестьянству пришлось осваивать не столько иноязычную политическую терминологию, сколько ее подвижный идеологизированный компонент. В годы «революции сверху» сталинский режим создавал свой политический понятийный аппарат общения с крестьянством, ограничивая амбивалентность политической лексики времен революции и гражданской войны.

Библиографический список

1. Бессонова Л.Е. Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века // Политическая лингвистика. 2014. №3. С.103–108.
2. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 328 с.
3. Загоровская О.В., Есмаеел С.А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. С.74–82.
4. Каледин Сергей. Коридор. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. С.127.
5. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. 72 с.
6. Клемперер Виктор. ЛТН. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция. 1998. 381 с.
7. Ленин В.И. О голоде (письмо питерским рабочим) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд. Т. 36. С. 357-364.
8. Ленин В.И. С. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд. Т.39. С.272.
9. Манасеина Н.И. Как Степа деревню грамоте учил. М.: Издание Г.Ф. Мириманова, 1925. С.28.
10. Общество и власть. 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1998. 352 с.
11. Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 428 с.
12. Смушков В.В. Революционный рабоче-крестьянский букварь для взрослых. М.: Гос. изд. 1920. 23 с.
13. Сталин И.В. Марксизм и языкознание. Относительно марксизма в языкознании. М.: Государственное издательство политической литературы. 1951. 222 с.
14. Юрчак Алексей. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
15. Dobrenko E. Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe / Ed. by P. Petrov and L. Ryazanova-Clarke. London; New York, 2014. P.19–39.

Андрей Савин, Виктор Деннингхаус

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» КАК МОДУС РЕЛИГИОЗНОГО ДИССИДЕНТСТВА В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭПОХУ

УДК

322.172.3

94(47) "1964–1982"

Статья посвящена изучению феномена коммуникации между религиозным диссидентским движением российских протестантов во главе с Советом церквей евангельских христиан-баптистов и властью в брежневскую эпоху. На основании «писем во власть» верующих и документов Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1964–1982 гг. сделан вывод о формировании новой модели взаимоотношений между советской властью и протестантскими организациями. Протестанты остро реагировали на любые ограничения религиозных свобод, используя для этого коллективные письменные обращения, адресованные как советским властям, так и международным организациям. В результате «письма во власть» превратились в эффективный инструмент публичной защиты прав верующих. Власть в свою очередь внимательно отслеживала апелляции верующих и реагировала на них в целях определенной коррекции государственной религиозной политики.

The article examines the phenomenon of communication between the religious dissident movement of Russian Protestants led by the Evangelical Christian-Baptist Churches Council and power in the Brezhnev era. "Letters to power" of believers and documents of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR for 1964-1982 reflect the formation of a new model of interaction between the Soviet authorities and Protestant organizations. Protestants reacted sharply to any restrictions of religious freedoms addressing collective written appeals to both the Soviet authorities and international organizations. As a result, "letters to power" have turned into an effective tool for public protection of the rights of believers. The authorities in turn closely monitored appeals of believers and reacted to them in order to correct state religious policy in a certain way.

Ключевые слова: протестантизм; религиозные диссиденты; «письма во власть»; Совет по делам религий; КГБ, брежневская эпоха.

Key words: Protestantism; religious dissidents; "letters to power"; Council for the Affairs of Religious Cults; KGB; Brezhnev era.

E-mail: a_savin_2004@mail.ru; v.doenninghaus@ikgn.de

Политическая коммуникация между властью и обществом в Советском Союзе изучалась и продолжает широко изучаться преимущественно только в одной ее ипостаси: «письмах во власть». Такое внимание, уделяемое апелляциям во власть, вполне закономерно, поскольку они являлись основным способом вербальной коммуникации между народом и государством. В результате «письма во власть» успешно используются для изучения советской повседневности, социальных отношений, менталитета и идентичности различных слоев советского общества. Однако их потенциал как исторического источника явно недооценен. Так, исследователи зачастую не задаются вопросом о том, какую роль в трансформации государственной политики на разных этапах играли «сигналы снизу», а также существовали ли какие-либо специальные инструменты считывания такого рода «сигналов», их дальнейшей обработки и трансляции на самый верх государственной пирамиды? Кроме того, имеются серьезные диспропорции и пробелы в историографии вопроса. Лучше всего изучены обращения периода революции, гражданской войны и раннего сталинизма [10, 12, 13, 15, 16], «белым пятном» остается период позднего сталинизма, хрущевская «оттепель», брежневский «застой» и перестройка. В качестве исключения здесь можно привести подвергшиеся критике монографии Е.С.Суровцевой, посвященные «жанру писем вождю» [19, 20].

Настоящая статья посвящена «письмам во власть» 1960-х – 1980-х годов представителей специфической группы советского общества. Речь идет о верующих, преимущественно немецкого происхождения, являвшихся сторонниками нелегальной религиозной организации – Совета церковью евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ). «Контрразведывательный словарь», изданный в Москве в 1972 г. исключительно для служебного пользования сотрудников КГБ, сообщал о СЦ ЕХБ следующее: «В 1960 г. в секте ЕХБ образовалась группа реакционно настроенных проповедников, так называемых "инициативников", недовольных лояльной по отношению к советскому правительству позицией руководства В[сесоюзного] С[овета] ЕХБ. Эта группа начала борьбу за руководящее положение в секте, что привело к расколу секты. Преследуя по существу политические цели, "инициативники" стремятся добиться для секты и ее приверженцев дополнительных прав, сверх тех, которые предусмотрены советским законодательством о культах. Не получив поддержки большинства верующих, главари этой группы и их сравнительно немногочисленные последователи отделились от ВСЕХБ и создали свою организацию, именуемую с сентября 1965 г. Советом церковью ЕХБ. В

религиозных кругах их называют "баптистами-раскольниками". В настоящее время руководители Совета церковью ведут нелегальную деятельность, опираясь на незарегистрированные общины» [8, с.293]. К середине 1960-х годов Совет церковью поддерживали уже около 10 тысяч верующих по всей стране [11, с.173–215], к 1970 г. – около 20 тыс. человек [3, д.38, л.203].

Религиозные диссиденты (советский антирелигиозный дискурс предусматривал целый ряд терминов для их обозначения, таких как «раскольники», «инициативники», «религиозные экстремисты», «сектанты-экстремисты» и т.п.) на протяжении последних тридцати лет существования СССР бескомпромиссно выступали против партийно-государственного вмешательства в жизнь религиозных организаций. Этот радикальный неконформизм колоссально отличался от ставшего давно привычным приспособленчества подавляющего большинства конфессий. Поскольку советский вариант секуляризации не только не эмансипировал религию от сферы политического, но и, напротив, еще теснее связал все без исключения формы проявления религиозности с политикой, деятельность СЦ ЕХБ стала объектом пристального нелюбопытного внимания партийно-советских и государственных органов, в первую очередь Комитета государственной безопасности и Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Противостояние религиозных диссидентов и власти является одной из наиболее захватывающих и неординарных страниц истории СССР брежневского периода.

Парадоксально, но, несмотря на неконформистскую позицию верующих, с одной стороны, и жесткую, зачастую репрессивную позицию власти, с другой стороны, на всем протяжении брежневского периода между ними фактически не прерывалась коммуникация в форме «писем во власть». «Инициативники» настойчиво стремились донести свои требования до партийно-государственного руководства СССР, последнее в свою очередь тщательно отслеживало апелляции верующих, стараясь отреагировать на каждую из них. В результате письменные обращения верующих являются не только источником по истории российского протестантизма, выступая в роли своеобразного «окна», позволяющего получить информацию о повседневной жизни религиозных общин «из первых рук», но и представляют собой комплекс материалов, изучение которого дает возможность сформировать адекватное представление о трансформации модели церковно-государственных отношений в брежневском СССР. Для того, чтобы оценить всю специфику обращений религиозных диссидентов к руководству СССР в 1960-е –

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» КАК МОДУС РЕЛИГИОЗНОГО ДИССИДЕНТСТВА

1980-е годы, необходимо в первую очередь понять, чем они отличались и в чем были схожи с «письмами во власть» других групп населения советского государства.

«Письма во власть»: базовые характеристики в советский период

На всем протяжении многовековой истории России «письмам во власть» были свойственны две базовых взаимосвязанных характеристики: персонифицированное восприятие государства и острое недоверие к его бюрократическим институтам. Если учесть, что население, в первую очередь крестьянство, традиционно и небезосновательно не доверяло агентам власти местного уровня и боялось их, то нет ничего удивительного в том, что «простые люди» всегда предпочитали «искать правду» на самом верху государственной пирамиды, обращаясь напрямую к царям или «вождям». Таким образом, «письма во власть» были действенным инструментом формирования структур патронажа и клиентелы.

В первые два десятилетия советской власти процесс складывания патерналистских структур только усилился. Революция, гражданская война и военно-коммунистический эксперимент, а затем коллективизация, раскулачивание и репрессии привели к дискриминации сотен тысяч человек, которым фактически не оставалось ничего другого, как добиваться справедливости, а нередко и спасения собственной жизни и жизни близких с помощью обращений «наверх» через головы местного руководства. Этим письмам была зачастую также свойственна крайняя эмоциональность. Само собой разумеется, эмоции отражали в первую очередь тяжелейшие экстремальные условия и неподдельный трагизм ситуации, в которых оказались авторы писем – раскулаченные, «лишенцы», репрессированные и т.п. Однако эмоциональность, как справедливо отмечается в историографии, являлась также выражением личностных отношений между просителем и патроном. Как утверждает Алексей Тихомиров, обращения во власть советских граждан отражали «стремление придать миру большой и жестокой политики человеческое измерение: "поговорить по душам" или "излить душу", то есть поделиться самыми сокровенными эмоциональными переживаниями» [15]. Без высокого накала эмоций эффективная персонификация государства была бы просто невозможной.

В свою очередь советская власть сознательно инструментализировала персонификацию государства и стойкую патерналистскую традицию,

уходящие корнями в глубь российской истории. Для этого эффективно использовался феномен так называемого «перегиба», когда власть сознательно поощряла наиболее ретивых местных работников, закрывая глаза на их противоправные действия, эксцессы и насилие. С одной стороны, с помощью «перегибов» власть целенаправленно добивалась выполнения задач очередной кампании, будь то хлебозаготовки, ликвидация церквей или уничтожение «бывших», с другой стороны, «перегиб» позволял власти тестировать границы возможного, не рискуя своей собственной легитимностью. Вслед за окончанием очередной кампании следовало наказание «перегибщиков» (как правило относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и восстановления центральной властью «социалистической законности». В этой схеме обращения населения в центральные партийно-государственные органы и непосредственно к руководителям государства отводилась важная функциональная роль импульса восстановления нарушенного доверия между обществом и властью. Важным моментом было установление границ критики – она должна была ограничиваться «перегибом» и фигурой «перегибщика», ни в коем случае не подвергая сомнению ценности и нормы социализма.

Содержание и целевые установки обращений «наверх» протестантов (баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов и др.) в 1920-е – 1940-е годы укладывались, как правило, в рамки патерналистской парадигмы. Так, письма 1920-х годов главным образом преследовали цель доказать властям лояльность верующих. В результате в это время основными типами «писем во власть» стали различные приветствия религиозных органов и съездов, а также заверения в «демократичности» культа и готовности принять активное участие в социалистическом переустройстве жизни. В 1930-е – 1940-е годы содержание писем протестантов изменилось: теперь в них превалировали жалобы на местных «перегибщиков» и «перегибы», сводившиеся главным образом к закрытию или неправомерному использованию молитвенных домов, а также чрезмерному налогообложению пресвитеров, проповедников и культовых зданий [16].

Письма протестантов «во власть» в постсталинский период, особенно до возникновения СЦ ЕХБ, сохранили ключевые черты традиционных обращений «наверх» патерналистского типа: они, как правило, адресовались высшим руководителям СССР, главным сюжетом по-прежнему являлся поиск управы на местных «перегибщиков». Так, в своем письме на имя председателя Президиума Верховного Совета

СССР К.Е.Ворошилова житель пос. Хороший Табунского района Алтайского края Андрей Гизбрехт жаловался в августе 1957 г. на самоуправство второго секретаря Табунского райкома КПСС, по приказу которого милиция произвела в доме у Гизбрехта обыск и изъяла Евангелие [1, д.43, л.4]. С аналогичной жалобой в феврале 1958 г. в высшие инстанции обратился житель пос. Николаевка Табунского района Яков Фаст [1, д.43, л.5].

**Обратная связь: реакция
брежневской власти на письма
верующих**

Реакция центра на жалобы в отношении местных «перегибщиков» часто была положительной, что стало особенно характерным в рамках сворачивания хрущевской антирелигиозной

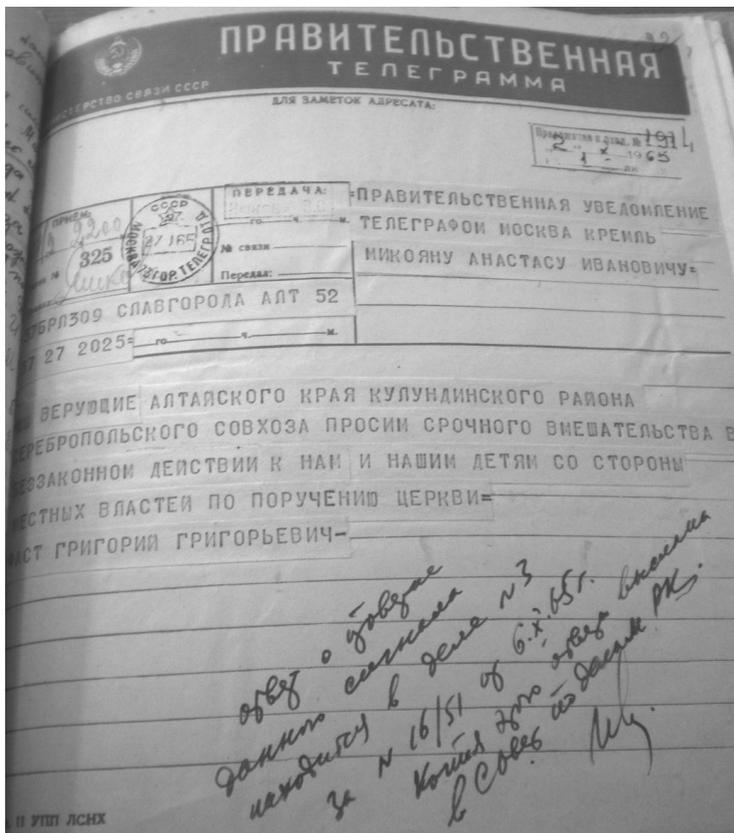
кампании. Свою готовность добиться восстановления консенсуса с «рядовыми верующими» власть наглядно продемонстрировала в случае с инцидентом, связанным с действиями Барнаульской общины «инициативников» в 1964 г., которая состояла в основном из лиц немецкой национальности. После того, как «размножение и распространение различных воззваний, писем, жалоб» на притеснения со стороны местных властей не принесло результата, группа «инициативников» из г. Барнаула в составе 21 человека «самовольно оставила работу» и отправилась в мае 1964 г. в Москву, где добилась приема в Верховном Совете СССР и Совете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и смогла вручить свои жалобы. Причем эти встречи состоялись задолго до знаменитого приема «инициативников» Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И.Микояном в сентябре 1965 года.

В результате в июле 1964 г. атеистическую работу в Алтайском крае проверяла специальная комиссия ЦК КПСС, а в сентябре 1964 г. в Совете по делам религиозных культов при Совете Министров СССР был заслушан отчет Уполномоченного Совета «О мерах по ликвидации административных перегибов в отношении верующих и религиозных объединений, допускаемых местными органами власти Алтайского края». Участники поездки в Москву, из которых девять человек «за длительный прогул» ранее уволили с работы, а остальных подвергли «строгим административным взысканиям», были практически поголовно все реабилитированы [1, д.185, л.1–20].

Брежневский «либеральный зигзаг» 1964–1965 гг. в государственной вероисповедной политике [17] сделал «обратную связь» в случаях с жалобами верующих еще более эффективной и оперативной. В этом

Страницы истории

позволяет убедиться реакция властей на коллективное заявление верующих общины СЦ ЕХБ Кулундинского района Алтайского края о незаконных действиях местных органов власти, поступившее в октябре 1965 г. в Приемную Президиума Верховного Совета СССР. В своем письме на имя А.И.Микояна «инициативники» из числа меннонитов сообщали о том, что правление Серебрянопольского совхоза (с. Хорошее) не выдало заработанный хлеб, корм для скота и топливо группе рабочих во главе с Г.Г.Фастом, К.Ф.Фастом, Г.Г.Фризенем, А.И.Фризенем «по причине, что они верующие», кроме того, этих рабочих отправили на «штрафные» лесозаготовительные работы» в другой район края [1, д.43, л.30–31].

Коллективное заявление верующих общины СЦ ЕХБ Кулундинского района Алтайского края

Заявление верующих было взято на «особый контроль» Приемной Президиума Верховного Совета СССР. Уже 10 ноября 1965 г. заместитель Председателя Совета по делам религиозных культов В.Ф.Рязанов обратился с требованием к Уполномоченному Совета по Алтайскому краю Л.Ф.Иванову «рассмотреть настоящее заявление и в случае необходимости уведомить краевые организации для принятия необходимых мер», а также срочно сообщить о результатах в Москву. В начале декабря 1965 г. Иванов лично выехал в Кулундинский район, чтобы разобратся с жалобой.

В ходе поездки Уполномоченный Совета выяснил, что директор совхоза М.И.Даев действительно лишил заработанного хлеба «наиболее активных сектантов» за организацию группового обучения детей религии и за проведение молитвенных собраний без разрешения органов власти. «Экономический метод» борьбы с религией директор совхоза решил применить после того, как верующие проигнорировали его неоднократные требования прекратить религиозную деятельность. В своих действиях Даев опирался на поддержку партийной и профсоюзной организаций совхоза.

В результате действий Уполномоченного Совета Иванова, поддержанного секретарем местного райкома КПСС Н.Н.Поповым, руководители совхоза «как будто согласились с нашими разъяснениями, обещали ошибки поправить и изменить свои методы работы с верующими» [1, д.43, л.23–26]. Об этом Иванов незамедлительно проинформировал руководство Совета по делам религиозных культов, а также Алтайский крайисполком и крайком КПСС.

Таким образом, власть была готова одергивать местных «перегибщиков», которые уже плохо «вписывались» в постсталинскую советскую действительность, но которых еще достаточно много насчитывалось в органах власти. Их лозунгом борьбы с религией по-прежнему оставались репрессии, они не были готовы согласиться с тем, что верующий, тем более «сектант», может в то же время быть «честным советским человеком» [17]. Дуальному восприятию верующих, которое стало доминировать к концу хрущевского правления, они противопоставляли сталинскую однозначность образца 1930-х годов. Как писал в мае 1963 г. Уполномоченный Совета по Алтайскому краю Л.Ф.Иванов, «некоторые наши руководящие работники на местах, призванные заниматься воспитательной деятельностью среди трудящихся, все еще пытаются подменить воспитательную работу среди верующих одними административными методами борьбы с религиозными предрассудками». В

качестве примера Иванов приводил заведующего отделом культуры Славгородского сельского райисполкома А.А.Кучера, который считал «достаточным ограничить борьбу с религией принятием закона, дающего право "ссылать всех сектантов на Север, как в свое время сослали кулаков"». «Тов. Кучер, – писал Иванов, – отождествляет рядовых верующих, подавляющее большинство которых честные советские граждане, труженики, попавшие в сети религии, оказавшиеся в большой беде, с классовым врагом нашего общества, не понимая, что произвол и голое администрирование по отношению к религиозно-верующим, оскорбление чувств верующих сектантские проповедники и духовенство используют для разжигания религиозного фанатизма, активизации верующих и усиления своего влияния на отсталую часть населения» [1, д.63, л.70–82].

Внимательно отслеживая жалобы верующих по поводу «перегибов» и реагируя на них, центральные партийно-государственные органы демонстрировали эффективность «обратной связи» между властью и авторами писем, а также свою готовность добиваться дисциплинирования местных «начальников» и восстановления прав верующих в рамках «социалистической законности». Становясь на сторону жалобщиков, Москва наглядно показывала исполнителям на местах, что главным в работе с верующими является «разъяснительно-воспитательный фактор», внимательное, товарищеское отношение атеиста к верующему.

Однако базис потенциального консенсуса между советским государством и верующими, основывавшийся на патернализме и эмоциональных отношениях патронажа и клиентелы, становился в брежневскую эпоху все уже и уже. Этому способствовала сама церковно-государственная политика, приводившая к постепенному уменьшению административных эксцессов на местах. В результате место «перегибщика» как главного гонителя верующих все в большей степени стало занимать само советское государство, уже в 1966 г. четко продемонстрировавшее границы либерализации религиозной политики и заявившее о своем нежелании вести конструктивный диалог с диссидентами и обсуждать проблемы, которые выходили за рамки старой парадигмы «административных перегибов» [17].

От жалобы до оружия борьбы за свои права: трансформация «писем во власть» в брежневскую эпоху

Брежневская эпоха знаменовалась коренным изменением самого модуля обращений верующих во власть. Во-первых, уже в конце 1950-х годов формируется новый дискурс. В

«письмах во власть» все чаще стали появляться слова, чуждые для советского «новояза», такие как «Библия», «Евангелие», «Бог», «вера», во множестве – цитаты из Св. Писания, зачастую в качестве эпитафий к письмам, но не только. Например, в обращении евангельских христиан-баптистов Алтайского края, сторонников Совета церковью ЕХБ, к председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину от 9 февраля 1966 г. говорилось: «Хочется напомнить Вам Слово Божие из Деяния Апостолов, 5 глава, 38 и 39 стихи: "отстаньте от людей сих и оставьте их, ибо, если это предприятие и это дело человек, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками"» [1, д.37, л.180–183]. Этот новый дискурс, в свою очередь, ставит вопрос, в какой мере авторы писем отождествляли себя с советским обществом и государством. Они как будто утрачивают ранее приобретенное умение «говорить по-большевистски», из их писем постепенно исчезают заявления в лояльности, в советском патриотизме, пропадает стремление продемонстрировать свою «советскую» идентичность, тон писем становится все более сухим и деловым, авторы все чаще начинают указывать на свои права, ссылаться на «социалистическую законность». В ходе хрущевской антирелигиозной кампании в письмах впервые появляются ходатайства освободить осужденных «баптистских главарей» [1, д.63, л.1–20]. Причем ходатайства все чаще трансформируются в требования. В телеграмме инициативников г. Барнаула А.И.Микояну от 20 сентября 1965 г. «О невыносимом положении в проведении молитвенных богослужений» авторы – «верующие евангельские христиане-баптисты» – вообще «просили свободу жить или умереть» [1, д.73, л.124].

Во-вторых, верующие сознательно инструментализировали «письма во власть», превратив их из редких жалоб в действенное оружие борьбы за свои права, когда любое нарушение религиозных прав и свобод вызывало настоящий поток писем во все инстанции. Очевидно, эта тактика «бомбардировки» письмами стала формироваться в начале 1960-х годов, когда сторонники «инициативного» движения в массовом порядке обращались «в различные краевые и центральные руководящие советские органы по вопросу разрешения съезда баптистов под руководством "Оргкомитета"». Так, за 1963 г. от общин Алтайского края «через центральные и краевые органы было получено семь групповых заявлений баптистов-раскольников, ходатайствующих о разрешении съезда» [1, д.63, л.1–20]. Власть оказалась явно не готова к «бомбардировке» письмами, поскольку обращения верующих сопровождали фактически каж-

дый инцидент. Например, наряду с обращением меннонитов Серебрянопольского совхоза с. Хорошее, о котором речь шла выше, «инициативники» Алтайского края только в ноябре 1965 г. адресовали в Верховный Совет СССР еще два письма: жалобу меннонитской общины Хабаровского района на неправомерное применение административных штрафов, а также жалобу Барнаульской общины на дискриминацию в школах детей верующих [1, д.66, л.4–5, д.73, л.120–123]. Всего же за 1965 г. от «сектантских» объединений одного лишь Алтайского края в органы власти поступило 65 заявлений, жалоб и телеграмм, из которых 61 обращение приходилось на баптистов-«инициативников», 44 из них «прошли через центральные руководящие инстанции» [1, д.70, л.1].

Первой реакцией Совета по делам религиозных культов при СМ СССР на стремительный рост количества обращений была подготовка некоего типового текста под названием «Ответ на письма верующих евангельских христиан-баптистов», который уполномоченные Совета должны были «объявлять» инициативникам. Однако верующие заявляли в ответ, что они хотят получить конкретный письменный ответ на свои требования непосредственно от Председателя Совета Министров СССР или секретарей ЦК КПСС, в то время как ответ Совета по делам религиозных культов их не устраивал, поскольку «мы ему (Совету) не писали» и «зачем нам ответ от того органа, на который мы намерены жаловаться правительству». В противном случае верующие заявляли, что готовы вновь и вновь добиваться личной встречи с представителями верховной власти в Москве [1, д.185, л.1–20].

Существенная трансформация писем «инициативников» «во власть» заключалась также в том, что благодаря нелегальному использованию множительной техники они превратились в важную составную часть религиозного «самиздата». Массовое использование протестантами множительной техники отмечалось в отчетах уполномоченных Совета уже в начале 1960-х годов. Сообщение Уполномоченного Совета по Алтайскому краю о том, что диссиденты «изготавливали и распространяли среди верующих различные тексты воззваний и указаний нелегально-баптистского центра страны, используя для этого специально приобретенную пишущую машинку, фотолабораторию, магнитофон и другие технические средства» [1, д.63, л. 1–19], можно рассматривать как типичное для всего брежневского периода. Практически сразу же, наряду с журналами «Вестник спасения» и «Братский листок», религиозной литературой, сборниками духовных песен, материалами процессов над верующими, «инициативники» стали активно тиражировать свои

«письма во власть». Так, согласно рапорту оперуполномоченного 2-го отделения 5-го отдела УКГБ по Алтайскому краю Головлева, во время обыска, проведенного 15 марта 1968 г. органами прокуратуры в квартире активиста Барнаульской общины СЦ ЕХБ А.Я.Дика, была обнаружена многочисленная литература, издаваемая СЦ ЕХБ и содержащая «призывы к несоблюдению законодательства о религиозных культах и свидетельствующая об этих нарушениях». Среди 18 наименований литературы, изъятой во время обыска, сотрудник КГБ перечислил также пять коллективных писем-обращений, «носивших клеветнический характер», в том числе обращение к «Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Брежневу Л.И. и др.» от Киевской церкви СЦ ЕХБ [1, д.73, л.195–198]. Что же касается обращений самих сибирских меннонитов, то только в «Собрании документов самиздата», представляющем из себя архив радиостанции «Свобода», хранится более 30 писем такого рода [14, с.113–115].

В-третьих, что очень важно, вместо индивидуальных писем одиночек, обращения во власть стали подписывать десятки, сотни, а зачастую и тысячи верующих. Например, вышеупомянутую жалобу меннонитов Хабарского района Алтайского края подписали 34 человека, жалобу Барнаульской общины – около 130 человек. К середине 1960-х годов коллективные письма были далеко не новым жанром коммуникации советской власти и общества. Подавляющее большинство писем, написанных в «коллективном» стиле, представляли собой, в отличие от писем-жалоб и писем-ходатайств, обращения во власть не отдельных индивидуумов, а коллективов трудящихся фабрик и заводов, общих собраний колхозников и рабочих совхозов и т.п. В этих письмах власть, как правило, слышала желаемое: их авторы, подражая публицистической лексике советских газет и речам партийно-советской элиты, клялись в верности коммунистической партии и советскому государству, заявляли о своей любви и преданности вождям лично, рапортовали о трудовых успехах, брали на себя повышенные обязательства, требовали жестокого наказания «врагов народа» и т.д. Стилистически этот специфический тип писем во власть был построен на использовании идеологических клише, прочно вошедших в официальный речевой обиход трудящихся. При этом чем ниже был образовательный ценз авторов писем, тем охотнее и чаще они прибегали к клишированной речи, которая помогала им точнее выразить желаемое, поскольку такая речь избавляла их от необходимости формулировать мысль самим, а главное, гарантировала, что все написанное абсолютно политически благонадежно и не содержит

какой-либо «крамолы». Следует также отметить доминирование в этих письмах безличных или неопределенно-личных предложений и практически полное отсутствие личного местоимения «я», они лишены индивидуальности, масса заменяет в них человека. В результате индивидуальность письмам такого рода придавали только стоявшие под ними фамилии, а также ошибки и дефекты стиля.

Классическим образчиком «писем во власть» такого типа от имени верующих может рассматриваться обращение съезда евангельских христиан-баптистов, состоявшегося 11–13 декабря 1974 г. в Москве. В телеграмме председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину делегаты съезда «единодушно приветствовали усилия Советского правительства в деле повышения жизненного уровня советского народа и процветания нашей страны» и заявляли, что «евангельские христиане-баптисты стремятся своим честным трудом содействовать мероприятиям правительства и всего советского народа» [5, д.115, л.239].

Что же касается религиозных диссидентов, то коллективные обращения во власть стали для них рычагом, с помощью которого они пытались воздействовать на советский режим в соответствии со своими представлениями и потребностями религиозных организаций. В брежневскую эпоху именно коллективные письма стали для верующих главным типом «писем во власть», при этом речь в них как правило шла о проблемах всего протестантского сообщества, а не какой-либо отдельной общины. Если же поднимался частный вопрос, то коллективные подписи означали, что этот вопрос имеет принципиальное значение для всех диссидентов. Так, письмо «матерей-христианок, проживающих на территории СССР», адресованное 3 июня 1977 г. высшему советскому руководству, в котором высказывалось требование отмены ограничений в религиозном воспитании несовершеннолетних, подписали около четырех тысяч женщин, а его объем вместе с подписями составил 166 листов [1, д.135, л.99–100]. География подписей охватывала 150 населенных пунктов СССР, в том числе Алма-Атинскую, Ворошиловградскую, Донецкую области, Киргизскую и Молдавскую ССР, города Белая Церковь, Горловка, Душанбе, Каскелен, Магнитогорск, Мариинск, Нижний Тагил, Рязань, Ростов-на-Дону, Смоленск, Тирасполь, Токмак, Тула, Фергана и Харьков [1, д.135, л.99–100].

В отношении количества подписей это коллективное письмо очевидно было уникальным, но случаи, когда свои подписи под письмами ставили сотни, а то и тысячи человек, были далеко не редкостью. Например, «Открытое письмо», адресованное в начале 1974 г. председателю

лю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину, содержащее информацию о нарушении прав сторонников СЦ ЕХБ «в различных местах СССР», в том числе в Таласском районе Киргизской ССР, в Таджикской ССР, городах Омске и Перми, подписало 1813 человек [2, д.639, л.11–12]. Свои подписи под «Чрезвычайным сообщением евангельских христиан-баптистов Омской, Кокчетавской, Целиноградской областей и г. Омска», адресованном Л.И.Брежневу, председателю Совета по делам религиозных культов В.А.Куроедову, первому секретарю Омского обкома КПСС С.И.Манякину, первому секретарю Исилькульского райкома КПСС Пирогову, а также Комитету по правам человека ООН, поставили 577 человек, преимущественно сибирские меннониты [2, д.1398, л.79–83].

Коллективные письма крайне раздражали власть, поскольку утверждение о свободе вероисповеданий и отсутствии дискриминации верующих в СССР ставилось под сомнение целыми коллективами людей. Расхожее объяснение феномена массовости предложил в 1964 г. уполномоченный Совета по делам религий Алтайского края Л.Ф.Иванов: «Используя неопытность и доверчивость некоторых верующих, руководство раскольнической группы баптистов мошенническим путем отбирало на чистых бланках их подписи, а затем от их имени сочиняло прошения, протесты, письма в адрес советских организаций» [1, д.63, л.1–20]. Иванов не был уникален, это объяснение, устраивавшее власть, фигурировало на всем протяжении брежневской эпохи. При этом уполномоченные Совета, местные партийные и советские работники в ходе профилактических бесед с верующими с маниакальной настойчивостью убеждали их писать (подписывать) только те письма, где речь шла о местных проблемах и не писать о людях, которых они не знают лично. Традиционным приемом было настоятельно попросить от «подписанта» письменное объяснение, по какому праву «он взял на себя всю ответственность подтверждать те необоснованные факты, приведенные в открытом письме». Эта практика, широко применявшаяся агентами власти, отражала стремление атомизировать движение религиозных диссидентов.

Коллективность являлась также определенным вызовом, перчаткой, брошенной режиму. Общественно-политический диалог с властью всегда заключал в себе определенный риск, однако теперь диссиденты демонстрировали отсутствие страха и готовность в случае необходимости ответить за свои убеждения. В результате в брежневское время из арсенала протестантов фактически исчез такой распространенный ранее вид письменной коммуникации, как анонимные письма религиозного

характера, характерный для послевоенного времени. В этих письмах, ходивших по рукам, речь шла о различного рода чудесах – обращении атеистов к богу, исцелении больных и т.п. Как отмечалось Уполномоченным Советом по Омской области в 1957 г., среди немцев «формой религиозной агитации являются также "святые письма", содержащие призывы к исповеданию религии, за что сулился счастье, а неверующим и тем, кто не выполнит требования о размножении и рассылке этого письма, предсказываются различные бедствия».

В-четвертых, что самое важное, хотя «перегибы» по-прежнему оставались одной из постоянных тем обращений, их авторы все больше и больше выходили за рамки допустимой критики или инициативы, их требования стали носить системный общественно-политический характер, а общие проблемы совести стали превалировать над частными случаями ущемления прав верующих. Это новшество первыми «отследили» уполномоченные Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. В декабре 1964 г. Л.Ф.Иванов отмечал: «Сторонники оргкомитета гор. Барнаула продолжают посылать письма в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с требованиями, которые *нельзя отнести к чисто религиозным* (курсив наш. – А.С., В.Д.), например, требования разрешения всесоюзного съезда ЕХБ под руководством "оргкомитета", освобождения всех узников на территории Советского Союза, верующих ЕХБ, "незаконно посаженных" и т.д.» [1, д.185, л.1–20]. На всем протяжении брежневской эпохи религиозные диссиденты также требовали разрешения беспрепятственного обучения детей религии, настаивали на отмене постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., изменении ст. 124 Конституции СССР и внесении в нее более конкретного пункта о свободе совести и свободе религиозной пропаганды, освобождении религиозных организаций от контроля органов власти, требовали разрешить издавать Библию, вернуть конфискованные молитвенные дома и религиозную литературу, не препятствовать деятельности издательства СЦ ЕХБ «Христианин» и т.п.

**Письма верующих
и их заграничные адресаты**

Еще одна новация заключалась в том, что письма верующих адресовались теперь не только руководителям СССР, но и таким авторитетным международным организациям, как ООН, «Международная амнистия» и другие. Иногда в числе адресатов фигурировали также «все главы правительств мира» или «все христиане

и люди доброй воли». Возникновение третьей стороны в традиционной бинарной системе коммуникации означало окончательный крах системы отношений патронажа и клиентелы. Кроме того, появление коллективных обращений на Западе являлось в глазах советского государства тяжелейшим криминалом политического свойства, поскольку подрывало всю деятельность религиозных организаций, лояльных власти, нацеленную на коренное улучшение имиджа СССР за рубежом.

Как утверждалось в отчете о деятельности Совета по делам религий при СМ СССР за 1969 г., «зарубежная работа» Совета имела особое значение: «Выполняя постановления ЦК КПСС, Совет привлекает религиозные организации и их деятелей к борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами, к разоблачению антисоветской пропаганды, ведущейся в зарубежных странах, к разъяснению там советского законодательства о культурах и положении религии в СССР. Вся международная деятельность церковей СССР регламентируется планами зарубежных мероприятий Совета, утверждаемых директивными органами». Как отмечал В.А. Куроедов, широкий взаимообмен делегациями осуществлялся с 70 странами «по всем религиям», только в 1969 г. за границу из СССР выезжало около 50 делегаций, включавших около 220 религиозных деятелей, примерно столько же приезжало в СССР из-за границы [3, д.37, л.37–38].

На этом фоне тиражирование на Западе средствами массовой информации коллективных обращений «инициативников» было огромной ложкой дегтя. Докладная записка первого заместителя председателя Совета по делам религий при СМ СССР А.И.Барменкова, адресованная 21 февраля 1972 г. в Отдел пропаганды ЦК КПСС, дает наглядное представление, насколько широкий резонанс имели обращения сторонников СЦ ЕХБ в «различные антикоммунистические организации». Эти обращения, как правило, передавались за границу в багаже западных общественных или религиозных деятелей, посещавших СССР по туристической визе. Например, через датчанина Неерскофа «инициативники» переправили на Запад открытое письмо, адресованное Генеральному секретарю ООН У Тану. Органы КГБ зарегистрировали ко времени написания этой записки контакты иностранцев и «баптистов-раскольников» в Петрозаводске, Риге, Новосибирске, Ростове, Бресте, Сухуми, Киеве, Алма-Ате, Оржоникидзе, Ленинграде и ряде других городов. Наряду с обращением в ООН, на начало 1972 г. за рубежом распространение также получили «Открытое письмо бывшему президенту Всемирного Совета баптистов У.Толберту», сообщение «Всем

евангельским христианам-баптистам», содержащее информацию об аресте Лидии Винс – председателя Совета родственников узников ЕХБ и матери Георгия Винса, обращение «Ко всем христианам мира» о поддержке борьбы СЦ ЕХБ за свободу веры и освобождении «узников совести», письмо в адрес Международной ассоциации юристов (The International Bar Association) и другие документы [4, д.75, л.1–7]. Причем по данным Совета по делам религий на 1971 г., «наиболее значительная часть клеветнических обращений и писем от имени "семей узников" поступала за границу и в центральные инстанции [СССР] из городов и районов Алтайского края» [1, д. 221, л.27–51].

Ответной реакцией Запада стала не только широкая моральная поддержка, оказанная «инициативникам», но и попытки организовать переправку в СССР религиозной литературы в больших количествах. В уже упоминавшейся записке А.И.Барменкова приводится информация о том, что только в течение 7–8 июля 1971 г. советские пограничники выловили в прибрежных водах в районе Таллина около трех тысяч пластиковых пакетов с религиозной литературой на русском языке и языках народов СССР [4, д.75, л.5]. Библии ввозились также контрабандой группами туристов. Первая поездка в СССР известного в будущем английского физика-теоретика Стивена Хокинга была связана с нелегальной перевозкой Библий в составе группы студентов-баптистов. Как Хокинг рассказывал в одном из интервью, они благополучно ввезли Библии, но на обратном пути были на несколько часов задержаны властями, однако обвинение в контрабанде религиозной литературы им так и не было предъявлено.

Дополнительный политический резонанс коллективным обращениям «инициативников», переданным на Запад, придавало их использование в программах радиостанций, вещавших на СССР на русском языке, таких как «Свобода», «Би-Би-Си», «Голос Америки», «Свободная Европа» и другими. Кроме того, повышенную тревогу органов госбезопасности вызывали зарубежные радиостанции клерикального толка, вещание которых на языках народов СССР составляло в 1970 г. около пятнадцати часов в сутки. 15 сентября 1970 г. с запиской в ЦК КПСС, посвященной анализу деятельности евангелических радиостанций под руководством созданного в США «Объединения национальных религиозных радиовещателей», обратился председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов. В частности, Андропов отмечал «увеличение корреспонденции, направляемой из СССР в радиоцентры», а также попытки ряда советских верующих переслать «тенденциозную информацию о положении верую-

щих в Советском Союзе». Председатель КГБ также акцентировал внимание ЦК КПСС на том, что «официальные радиовещательные органы», такие как «Голос Америки», «Немецкая волна», «Рим», «Канада», «Би-Би-Си», также стали более активно вводить в свои передачи рубрики «О преследовании в СССР баптистов», «О жестоком притеснении протестантов в Советском Союзе», «Борьба женщин в СССР за свободу веры» и другие, которые «носят ярко выраженную антисоветскую окраску». В заключение записки Андропов сообщил, что органами госбезопасности принимаются меры «по недопущению активизации под влиянием извне церковников и сектантов внутри страны» и призвал ЦК КПСС «усилить нашу контрпропаганду против религиозных радиочастот» [3, д.37, л.182–184].

Действия «инициативников» по «оповещению» международной общественности были достаточно эффективными. Центральные органы советского государства регулярно получали от «Международной амнистии» и других зарубежных организаций обращения с ходатайствами об освобождении осужденных протестантов. Крупным достижением движения в защиту «узников совести» стало освобождение из заключения лидера СЦ ЕХБ Георгия Винса, арестованного в 1974 г. и осужденного на 10 лет лагерей. С момента ареста Винса фактически каждое обращение протестантов во власть включало в себя требование освободить его, кроме того, в защиту баптиста выступили «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» и академик А.Д.Сахаров, дело получило широкую международную огласку. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 16 ноября 1978 г., КГБ выдворил 27 апреля 1979 г. «уголовных преступников Винса, Кузнецова, Дымщица, Мороза, Гинзбурга», лишенных советского гражданства, обменяв их «на осужденных американскими властями советских разведчиков тт. Черняева и Энгера» [6, д.38, л.1–3].

**«Письма во власть»
в повседневных практиках
религиозных диссидентов:
история одного конфликта**

Классическим примером того, насколько важное место «письма во власть» стали занимать в повседневных практиках религиозных диссидентов в брежневскую эпоху, а также

какую трансформацию претерпели сами обращения, превратившиеся из «челобитных» в инструмент борьбы за свободу совести, является история конфликта между Барнаульской общиной СЦ ЕХБ и органами власти, который тянулся целых три года. Первоначальной причиной кон-

фликта стал арест в ноябре 1971 г. пресвитера общины и одного из лидеров СЦ ЕХБ Дмитрия Минякова. 25 ноября 1971 г., через несколько дней после ареста пресвитера, когда серьезность выдвинутых против него обвинений стала очевидной, члены Барнаульской общины, главным образом немцы, собрали 92 паспорта гражданина СССР и 21 военный билет и отправили их почтой в приемную Президиума Верховного Совета СССР, требуя освобождения Минякова и прекращения уголовного дела. Информировав 15 декабря 1971 г. об инциденте отдел пропаганды и агитации Алтайского крайкома КПСС, Уполномоченный Совета, в частности, писал: «Поступили непроверенные сведения, что активисты откольников сумели аналогичные документы передать за границу и якобы содержание их транслировалось оттуда по радио» [1, д.115, л.117].

Арест Минякова и акт гражданского неповиновения членов Барнаульской общины СЦ ЕХБ вызвал целый поток «писем во власть». География писем была широкой, начиная от Средней Азии и Казахстана и заканчивая европейской частью СССР, столь же широким был список адресатов. Одно такое послание из города Фрунзе поступило даже на имя председателя Сибирского отделения Академии наук СССР М.А.Лаврентьева. В этом письме внимание академика и его коллег обращалось на то, что они работают «по соседству с гонителями христиан, где власти арестовывают, обыскивают и изымают собственность верующих христиан». Авторы письма просили ученых «ради научных, культурных и моральных ценностей, которые дало человечеству христианство», содействовать освобождению из-под стражи Минякова, вернуть конфискованные у Барнаульской общины духовой оркестр и религиозную литературу [1, д.115, л.1–41]. В свою очередь меннониты с. Орлово Хабарского района Алтайского края призывали в феврале 1972 г. Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного освободить Минякова и избежать участи гонителей церкви. В частности, в письме говорилось: «Церковь бодрствует, молится и трудится. Мы, Христиане, не желали бы, чтобы и Вы покрыли себя бесчестьем [...] Пока не поздно, можно остановить это позорное судилище, сделайте это во имя справедливости, уважения и любви к человеку, во имя Вашей чести» [1, д.217, л.14–14 об.].

В итоге Миняков был освобожден из-под стражи, но уголовное дело в его отношении прекращено не было. Кроме того, последовал арест, а затем и осуждение «за распространение клеветнических материалов» активиста Барнаульской общины Ю.И.Михалькова. В знак протеста

верующие продолжали отказываться получить обратно свои документы, что привело к дальнейшей эскалации конфликта, поскольку «беспаспортным» верующим перестали выплачивать пенсии, выдавать денежные переводы и посылки, их стали задерживать органы милиции на 24 часа для установления личности и т.п.

Для того, чтобы привлечь к своим проблемам внимание мировой общественности, верующие пошли на такой экстраординарный шаг, как попытка тринадцати немцев – членов Барнаульской общины СЦ ЕХБ – проникнуть 9 мая 1972 г. в посольство США в Москве [1, д.119, л.35–36]. Десяти баптистам удалось попасть на территорию посольства, трех человек задержала на входе милиция. При каждом из задержанных при обыске было обнаружено обращение следующего содержания: «Более 10 лет верующие города Барнаула и других мест лишены свободного права вероисповедания. За воспитание детей по слову Божию переносим гонения, обыски, штрафы, аресты, суды, разгоны молитвенных собраний, допросы детей в школах. Куда ни обращались и чем ни протестовали, все бесполезно. Вынуждены обратиться к Вам, чтобы Вы ходатайствовали о предоставлении полной свободы совести для нас и для всех в стране. Если такой письменной гарантии наше правительство не даст, то представьте нам выезд в вашу страну». Под посланием стояли подписи Артура Прицкау, Гертруды Прицкау, Линды Радке, Елены Резнер, Елены Классен, Давида Дризнер, Артура Штерцера, Федора Прицкау, Лидии Нейфельд, Александра Штерцера, Петра Гиберта, Генриха Дорна и Рейнгольда Радке. К этому заявлению были также приложены фотокопии открытого письма девяносто трех «баптистов–откольников» г. Барнаула в Президиум Верховного Совета СССР (к которому в свое время они приложили паспорта и военные билеты), копии телеграммы и письма на имя Полномочного представителя СССР в ООН Я.А.Малика (от сорока двух и ста тридцати авторов соответственно), а также копии телеграмм – А.А.Штерцера и С.П.Дешевых – в Президиум Верховного Совета СССР и Г.М.Шульца – в ЦК КПСС [1, д.119, л.35–36].

В течение 1972 г. конфликт продолжал обостряться. 27 августа 1972 г., во время визита в Барнаул Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнев, группа «инициативников» передала письмо на его имя, в котором, в частности, заявила, что ввиду отсутствия изменений в «детском вопросе» они вынуждены в этом учебном году не пускать детей в школу. После того, как общественность Барнаула осудила родителей, забравших детей из школ, 80 баптистов обратились с «Обращением в международные организации». В этом обращении они еще раз описали

историю сдачи своих паспортов, рассказали о дискриминации детей верующих в школах и просили ознакомить с текстом письма западные средства массовой информации [1, д.221, л.13–25].

Спустя еще год, 12 декабря 1973 г., 48 «инициативников»-немцев из Барнаульской общины обратились с письменной просьбой к Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму. Просьба заключалась в том, чтобы ООН в качестве посредника передала советскому правительству, а также международным организациям, «для поддержки нашего ходатайства перед Правительством», прилагавшееся письмо на имя Л.И.Брежнева, Н.В.Подгорного и А.Н.Косыгина, содержавшее ходатайство о предоставлении верующим беспрепятственного выезда за границу. Свой шаг диссиденты объясняли молчанием советских лидеров, которым они отправили в общей сложности «свыше десяти писем и телеграмм», а также тяжелейшими условиями жизни без документов. Паспорта, которые им навязывали почти насильно, верующие отказывались получать вплоть до удовлетворения их «законных требований» [2, д.640, л.18–19]. Распространение на Западе этих обращений, а также еще ряда писем на имя Курта Вальдхайма – в частности, 30 января 1974 г. им была посвящена специальная передача радио «Свобода» – вынудило власти попытаться ликвидировать конфликт. Для этого 25 февраля 1974 г. была организована встреча «подписантов» и представителей органов власти во главе с заместителем председателя Барнаульского горисполкома А.С.Кузмичевым и помощником прокурора Алтайского края Б.Д. Красноярецевым. В ходе беседы верующим было настоятельно рекомендовано получить обратно свои паспорта и военные билеты, прекратить практику коллективных писем и обращаться с вопросом об эмиграции в индивидуальном порядке. Общую позицию верующих высказал в своем выступлении пресвитер общины Г.И.Шульц, заявивший, что гонения на верующих продолжаются, поэтому они будут «и впредь писать в международные организации и протестовать всем, чем можем. Если и это не подействует, найдутся верующие, могущие засвидетельствовать нашу правоту самосожжением» [2, д.640, л.16]. После этого радикального заявления «инициативники» покинули место встречи.

К осени 1974 г. из первоначальной группы немцев, отославших свои документы в Президиум Верховного Совета СССР, по-прежнему отказывались получить обратно свои паспорта 48 человек. В октябре 1974 г. они приняли решение прекратить акцию гражданского протеста. Причины они объяснили в открытом письме на имя Н.В.Подгорного: из

заклучения были освобождены Д.В.Миняков и Ю.И.Михальков, местные власти стали возвращать верующим имущество, изъятое в течение последних лет при обысках и арестах, в частности духовную литературу, инструменты духового оркестра, деньги [2, д. 640, л. 30]. 14 октября 1974 г. 48 верующих явились в паспортный отдел УВД Алтайского края, где им были возвращены паспорта. «Таким образом, – констатировал Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Алтайскому краю И.Я.Коробейщиков, – экстремистская акция с паспортами, длившаяся в течение около трех лет, ликвидирована» [2, д.640, л.30].

**Письменная коммуникация
как базис несостоявшегося
компромисса**

По мере того, как государство и диссиденты отдалялись во времени от точки бифуркации 1964–1965 гг., знаменовавшей определенной либерализацией советской религиоз-

ной политики, «обратная связь» в случае с «письмами во власть» становилась все менее эффективной, превращаясь для органов государственной власти в бюрократическую рутину. Каждый раз вершился один и тот же ритуал: авторов писем вызывали в местный райисполком, где им зачитывали стандартный ответ. Вслед за этим со всеми «подписантами» в обязательном порядке проводилась «терпеливая и последовательная работа», им давались «исчерпывающие ответы по всем затронутым в их письмах и заявлениях вопросам» и «подробные разъяснения по всем их несостоятельным доводам и неправомерным требованиям». Однако эффект таких встреч был, как правило, минимальным – верующие оставались «при своих мнениях». Подписанты также должны были быть готовы к тому, что по месту их работы и жительства в порядке профилактики будут проведены собрания, антирелигиозные лекции и доклады, организованы вечера вопросов и ответов.

При этом власть все время четко демонстрировала границы своей «либеральности», а именно готовность одернуть излишне ретивых местных администраторов, но не более того. Так, рассмотрев коллективное письмо сторонников СЦ ЕХБ, меннонитов рабочего поселка Благовещенка Благовещенского района Алтайского края Л.И.Брежневу, А.Н.Косыгину и Н.В. Подгорному от 25 мая 1971 г., в котором верующие требовали прекратить практику применения местными властями административных штрафов за проведение молитвенных собраний, Алтайский крайисполком конфиденциально «пожурил» районные вла-

сти, указав им на то, «что подвергать на максимальный размер штрафа всех нарушителей, без учета их семейного положения и месячного дохода, ошибочно и вредно». Авторам же письма было жестко объявлено, что единственный путь «избежать административных наказаний [...] – не нарушать законов, в том числе и тех, которые регулируют деятельность религиозных культов» [1, д.216, л.1–2].

Тем не менее протестанты вплоть до перестройки не исключали возможности донести до власти свою точку зрения и добиться приемлемого компромисса, в первую очередь по проблеме легализации деятельности СЦ ЕХБ. Поэтому поток «писем во власть» не иссякал. В 1978 г. в Совет по делам религий при СМ СССР от «инициативников» поступило 132 письма, а в 1979 г. – 106, за первые девять месяцев 1980 г. Совет получил через различные центральные органы и ведомства 59 коллективных писем и заявлений от сторонников СЦ ЕХБ, действовавших в 38 населенных пунктах 32 областей, краев и автономных республик СССР [7, с.308].

«Письма во власть» баптистов-инициативников стали в период брежневского правления универсальной формой гражданского протеста, целью которого были прежде всего гласность и свобода. В этом отношении задачи религиозных и светских диссидентов фактически совпадали, а «письма во власть» верующих можно рассматривать как элемент формировавшегося гражданского общества, как средство, благодаря которому «безмолвное большинство» (Карло Гинзбург) обрело голос и эффективно отстаивало свои религиозные свободы.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края. Ф.1692. Оп.1.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф.6991. Оп.6.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.62.
4. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.64.
5. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.5. Оп.67.
6. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.89. Оп.25.
7. Белякова Н. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4 (30). С.284–314.
8. Контрразведывательный словарь. М.: Научно-издательский отдел ВШ КГБ им. Ф.Э. Дзержинского, 1972. 371 с.

«ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ» КАК МОДУС РЕЛИГИОЗНОГО ДИССИДЕНТСТВА

9. Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Самарский университет. 2001. С.250–328.
10. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
11. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. 356 с.
12. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / Сост. А.Я.Лившин, И.Б.Орлов, О.В.Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
13. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (май 1917 – май 1921 г.). Сб. документов / Под редакцией В.И.Шишкина. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.
14. Савенко Е.Н. На пути к свободе слова. Очерки истории самиздата Сибири. Новосибирск: издательство ГПНТБ СО РАН, 2008. 200 с.
15. Тихомиров А. А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 годы // Неприкосновенный запас. 2013. №6 (92). С.98–117.
16. Савин А.И. Евангельские верующие в 1930-е годы: практики политической адаптации // Жизнь в терроре: социальные аспекты репрессий. Материалы V Международной научной конференции по истории сталинизма. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. Сост. А.Сорокин, А.Кобак, О.Кувалдина. М.: РОССПЭН, 2013. С.317–324.
17. Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. №4. С.59–75.
18. Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советского населения (1930-е гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Том 15, выпуск 8: История. С.133–145.
19. Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО–XXI, 2010. 128 с.
20. Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). М.: АИРО–XXI, 2008. 168 с.

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

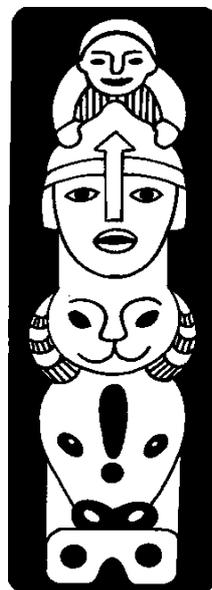
Мифы – это коллективные
сновидения,
а сновидения –
индивидуальные мифы.

Джозеф Кемпбелл

РОССИЯ XXI 06. 2017

Миф, в который верят,
постепенно становится
правдой.

Джордж Оруэлл

Ольга Заиченко

**СТОЛИЦА
КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ИМПЕРИИ И МИФА
О «САМОДЕРЖЦЕ-
РЕФОРМАТОРЕ»**

**«ПЕТЕРБУРГСКИЙ» НАРРАТИВ
В НЕМЕЦКОМ КОНСЕРВАТИВНОМ
ДИСКУРСЕ О РОССИИ
В 30–40-е ГОДЫ XIX ВЕКА**

УДК
94[430:47]”1830–1848”
329[11+12](430):327.5
32.019.51:070.15(430)

На основе анализа немецкой литературы 30–40-х гг. XIX в. автор рассматривает процесс формирования «Петербургского» нарратива в контексте консервативного дискурса о России как амбивалентный конструкт, основанный на личных впечатлениях очевидцев, с одной стороны, и на политических мифах и идеологиях, с другой.

Analyzing German literature of the thirties–forties of the 19th century, the author examines the process of formation of “Petersburg” narrative in the context of conservative discourse on Russia as an ambivalent construct based on personal impressions of eyewitnesses, on the one hand, and on political myths and ideologies on the other.

Ключевые слова: Россия; Германия; Петербург; император; миф; либералы; консерваторы.

Key words: Russia; Germany; St. Petersburg; emperor; myth; liberals; conservators.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

I.

Особенности формирования «Петербургского» нарратива

После завершения наполеоновских войн, а затем окончательного утверждения в Европе принципов политики Реставрации, созданный в немецкой литературе образ России постепенно начал трансформироваться в идеологему, все чаще выступая в качестве абстрактного символа, аргумента в общественно-политических дискуссиях между либералами и консерваторами о будущем Германии [4,5,6]. Став в 30-е гг. XIX в. частью противоборствующих идеологий и основой для создания различных утопий и антиутопий, миф о России в 30–40-е гг. приобрел исключительную значимость для процесса формирования мировоззренческой системы аристократических групп общества. Именно в этот период сильнейших политических потрясений был брошен главный вызов немецкому консервативному сознанию. Быстрое формирование либеральной идеологии и негативного образа контрреволюционной России как составной ее части вынудило консервативных мыслителей к созданию собственной политической системы. В период, начавшийся с Июльской революции 1830 г. и завершившийся революционными волнениями в марте 1848 г., консервативный образ России получил свое наиболее полное оформление, заняв важное место в идеологии правящих групп немецкого общества.

Важнейшей частью консервативного дискурса о России являлся миф о «самодержце-реформаторе» как просвещенном правителе, гаранте легитимности и сохранения устоев монархического строя в Европе. Фигура императора, часто обезличенная, втиснутая в соответствии с европейской средневековой традицией в определенную схему стереотипных представлений об «идеальном монархе», как правило, являлась определяющим элементом консервативного нарратива о Петербурге. «Петербургский текст», в свою очередь, распадался на две части: с одной стороны, на *повествование очевидцев о столице как месте пребывания императора*, с другой, – на *миф о столице как воплощении империи и монаршей воли*. Кроме того, в путевых зарисовках немецких путешественников образ Петербурга как царской резиденции часто используется в качестве репрезентации России в целом, символа мощного военно-монархического государства и как наиболее наглядный пример воплощения личной воли российских самодержцев, начиная с Петра Великого. Именно образ столицы, тесно связанный с правящей дина-

стей, занимал важнейшее место по значимости и частоте упоминаний при формировании восприятия России у немецких читателей.

И это не удивительно. Из-за сурового климата, огромных расстояний, незнания языка и отсутствия бытовых удобств большая часть европейских путешественников не рисковала без особой нужды предпринимать длительные поездки по стране. Они предпочитали проводить время в новой и старой столицах российского государства – Петербурге и Москве. При этом большинство немецких авторов отдавало предпочтение Петербургу. Почти все они начинали и завершали свои поездки по России в этом городе, ставшем морскими воротами огромной континентальной империи. Будучи принятыми при дворе, многие из немецких аристократов его и вовсе не покидали. Соответственно в «северной» столице и ее окрестностях заезжие иностранцы проводили значительно больше времени, чем в других крупных городах Российской империи. Количество и яркость впечатлений, полученных в Петербурге, часто затмевали все остальные переживания, связанные с пребыванием в России. Немецкие авторы посвящали этому городу самостоятельные сочинения [34, 37, 28, 51], а также переносили в Петербург действие авантурных и нравоучительных романов [12, 35]. Неудивительно, что образ России в значительной степени сливался с изображением Санкт-Петербурга. При этом образ русской столицы как бы разбивался на несколько слоев, различавшихся по «глубине залегания». Первый, основной слой составляли связанные с городом мифологемы, стереотипы, а также разнообразные идеологические конструкции, прочно вошедшие в европейское массовое сознание уже с середины XVIII в. и оказавшие превентивное воздействие на восприятие Петербурга. Второй, образный слой позднее наслаивался поверх первого, формируясь уже на основе индивидуальных впечатлений автора при личном знакомстве с городом. Индивидуальное восприятие, в силу своей природы, всегда было менее цельным, более субъективным и более противоречивым, так как заложенные ранее общие установки не всегда совпадали с конкретным, лично пережитым опытом. Особенности формирующегося образа Петербурга в каждом отдельном случае зависели не только от общепринятых клише, но в значительной степени от ментальных, социальных и идеологических установок наблюдателя, а также его политических пристрастий. При этом оба образа русской столицы, которые можно условно обозначить как массовый и индивидуальный, накладываясь друг на друга, формировали «Петербургский» нарратив, создаваемый в немец-

кой, прежде всего, консервативной публицистической литературе первой половины XIX в. как единое целое.

Доказательством популярности темы российской столицы в немецкой литературе первой половины XIX в. является довольно большой массив сочинений с многообразными описаниями Санкт-Петербурга, собранный в коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки. Помимо художественных произведений, это – предназначенные для массового читателя путевые зарисовки и мемуары уроженцев Германии, посетивших Россию в эпоху «блестящих» царствований Александра I [44, 43, 48] и Николая I [15, 47, 20]. Особое место занимают насыщенные личными впечатлениями многочисленные путеводители по российской столице, написанные специально для немецких путешественников «из образованных сословий» [38, 36, 42]. Таким образом, усилиями авторов перечисленных выше жанров к началу 30-х гг. XIX в. в немецкой, прежде всего, консервативной литературе сформировались основные детерминанты, определявшие образ Санкт-Петербурга как репрезентации российской империи. Прежде всего, это восприятие столицы сквозь призму образа носителя абсолютной власти и формирование на его основе нескольких взаимосвязанных между собой нарративов. Мы остановимся лишь на нескольких, наиболее часто встречающихся составляющих «Петербургского» нарратива, а именно на мифах об «идеальном монархе», о «единстве народа и самодержца», о Петербурге как о «новом Риме» и о городе и империи как воплощении «преобразующей воли императора», в основе которых лежали личные впечатления очевидцев.

Большая часть авторов сочинений о Петербурге принадлежала к германской элите, прежде всего, к прусской аристократии. Это были государственные сановники и дипломаты¹, военные² и писатели³, часто

¹ Например: Карл Отто Людвиг фон Арним (1779–1861) – прусский дипломат, писатель; Георг Вильгельм фон Людеманн (1796–1863) – чиновник высокого ранга Министерства образования Пруссии, а затем – Министерства внутренних дел, писатель, путешественник.

² Например: граф Фридрих Вильгельм фон Бисмарк (1783–1860) – вюртембергский дипломат, генерал-лейтенант кавалерии, военный писатель; Фридрих Балдуин Гагерн (1794–1848) – полковник кавалерии, дипломат, представлявший герцогство Нассау при дворе принца Оранского; Вольфганг Венцель Гаффнер (1806–1892) – лейтенант военно-морских сил королевства Пруссии, адъютант и воспитатель наследного принца Швеции Оскара Фридриха.

соединявшие в себе все ипостаси сразу. Кроме того, к числу авторов можно отнести так называемых «профессионалов», представителей «образованного сословия», востребованных в различных сферах общественной деятельности: врачей⁴, художников⁵, издателей⁶, юристов⁷, а также актеров⁸, чья успешная карьера в России была связана с очень популярным у столичной публики Петербургским немецким театром.

Так как литература, посвященная России, создавалась во времена жесткого противостояния либеральной и консервативной идеологий, неудивительно, что эти сочинения несли на себе отпечаток политической борьбы, а созданный в них образ России являлся, прежде всего, частью политического дискурса. Большинство этих текстов было написано как полемический отклик на уже существующие сочинения. Так, например, довольно много консервативных авторов взяли за перо [40, 33, 9] после публикации пасквиля «Россия в 1839 году» французского маркиза Астольфа де Кюстина [22]. С другой стороны, такую же волну, но уже антирусских сочинений либеральных авторов [29, 41, 27, 39] вызвало написанное с прорусских позиций скандальное сочинение прусского публициста Карла-Эдуарда Гольдмана «Европейская пентархия» [8]. В целом, с 30-х гг. в общественном мнении Германии начала преобладать негативная оценка России, получившая распространение благодаря критическим публикациям либеральных авторов, поэтому значительная часть сочинений консервативно настроенных литераторов была написана только с одной целью – противопоставить правдивую, с точки зрения их создателей, информацию господствующим в публицистике предрассудкам относительно России. Именно путевые заметки консервативных путешественников, содержавшие личные наблюдения,

³ Например: Иоганн Шпоршиль (1800–1863) – прусский писатель и историк; Иоганн Георг Коль (1808–1878) – писатель и юрист из Бремена.

⁴ Например: Максимилиан Гейне (1807–1849) – брат Генриха Гейне, военный врач, с 1830 г. лейб-медик императорской семьи, жил в Петербурге.

⁵ Например: Петер Гесс (1792–1871) и Эуген Гесс (1824–1862) – баварские художники-баталисты, посетившие Петербург в 1839 г. по приглашению Николая I.

⁶ Например: Троймунд Вельп (1800–1876) – публицист и издатель.

⁷ Например: Фридрих Иоганн Лоренц Мейер (1760–1844) – адвокат из Гамбурга, историк права.

⁸ Например: Эдуард Йеррман (1798–1859) – прусский актер, режиссер, руководитель труппы Петербургского немецкого театра в 1842–1848 гг.; Фридрих Титц (1803–1879) – прусский драматург, писатель, театральный постановщик.

впечатления и переживания авторов, имели наибольшее значение для формирования массового интереса к России в Европе, ее положительно-го образа и, в частности, нарратива о Петербурге [4].

II.

Столица как место пребывания российского императора: впечатления очевидцев

Резиденции императора как прошлое европейских империй

На страницах русофильской литературы Петербург представал как морская, административная и военная столица. Но прежде всего город ассоциировался с правящей династией

и воспринимался именно как резиденция императора, поэтому описание местопребывания монарха и его окружения занимает в исследуемой литературе центральное место. Особенности придворного церемониала, повседневная жизнь двора и высшей знати, которая вращалась вокруг царя и его семьи, также приобретают большое значение для восприятия города.

Незримое присутствие самодержца в столице и ее окрестностях отмечалось практически всеми иностранцами вне зависимости от того, были ли они представлены при дворе или нет. «Вы хотите знать наверняка, что в этом величественном городе достойно вашего внимания? – вопрошал прусский драматург Фридрих Титц в сочинении, специально посвященном описанию жизни петербургского двора. И сам же отвечал на собственный вопрос. – Император, его местопребывание, его планы – вот единственный предмет, занимающий здесь мысли всех тех, кто умеет мыслить» [50, S.12]. Любое появление августейших особ на улицах города – проезд императорской коляски, прибытие императрицы из Петергофа, посещение членами монаршей семьи одной из своих летних резиденций и тому подобные события – тотчас же собирали восторженные толпы народа, к которым охотно присоединялись и иностранные гости столицы. Как поэтично описал один из них свое впечатление от проезда императорского кортежа, «явление императора или императрицы на улицах Петербурга оставляло после себя такой след, какой оставляет в море большое судно. Бурлящее человеческое море было похоже на волны, продолжающие пениться позади мощного военного корабля уже после того, как корабль, гордо мчащийся на всех парусах вперед, достигнет гавани» [47, S.46].

Далеко не всем из прибывавших в Петербург иностранцев посчастливилось быть принятыми при дворе и лично представленными императору. Большинство из них судило о российском монархе и его окружении по косвенным признакам, прежде всего, по дворцам и дворцовым комплексам, как местам обитания носителей высшей власти в России. Поэтому не удивительно, что практически во всех описаниях Петербурга важнейшее место занимают императорские резиденции, расположенные в столице, а также Петергофе, Царском селе и других окрестностях города, которые по особому разрешению время от времени становились доступными для посещений избранной публики. Каждая из таких резиденций символизировала определенную историческую эпоху и несла в себе множество скрытых смыслов, связанных с их венценосными обитателями.

Петергофский и Царскосельский дворцы, будучи самыми популярными загородными резиденциями, как правило, ассоциировались с прошлым не только России, но и Европы в целом. В восприятии немецких путешественников они были связаны со становлением империи и утверждением ее в Европе, то есть с блестящими царствованиями Петра I и Екатерины II. В этот пантеон великих монархов прошлого входил и Александр I, который наряду со своими предшественниками уже к началу 40-х годов почти полностью отошел в историю. Кроме того, для большинства немецких путешественников загородные резиденции и связанные с ними царствования являлись ностальгическим напоминанием о «золотом веке» их собственных монархий, расцвете и гибели Великой Римской империи германской нации и навсегда утраченном после европейских революций имперском величии. И хотя многие авторы отмечали некоторую старомодность и тяжеловесность фасадов, украшенных многочисленными «колоннами и пилястрами», позолоченными скульптурами, «арабесками и фестонами», они видели в них продолжение «блеска и роскоши старых французских дворцов» времен Людовика XIV [20, S.162]. Так, например, полковник Ф.Б.Гагерн в своих воспоминаниях неоднократно называл Царское село русским Версалем [2, ч.2, с.321].

Еще больше ассоциаций с ушедшей безвозвратно в прошлое «великой эпохой» европейских дворов вызывало внутреннее убранство комнат, которое резко контрастировало с отличавшимися сдержанностью и скромностью интерьерами европейских резиденций эпохи «Бидермайер». «Великолепие императорских покоев превосходит всякое описание, – делился своими впечатлениями о Царскосельском дворце Фридрих

Гагерн. – Лестница построена из каррарского мрамора, одна из комнат со всеми украшениями из янтаря, другая – из перламутра, третья отделана китайскими лакированными пластинками. Мебель, украшения, картины – превосходного вкуса и такой роскоши, которая поражает нашего брата, бедных западных соседей. Поддержание некоторых дворцов в порядке стоит здесь довольно дорого, дороже, чем содержание нашей скромной королевской резиденции» [2, ч.2, с.321].

Так как все увиденное очень мало напоминало немецким путешественникам привычные им реалии жизни высшей аристократии Германии, в их восприятии императорских резиденций ощущалась некоторая двойственность. С одной стороны, архитектура и декор дворцов напоминали о «безвозвратно утраченном блеске великих европейских империй прошлого» [2, ч.2, с.322]. С другой стороны, дворцовые комплексы Петергофа и Царского села не были памятниками «прошлому величию», а продолжали оставаться действующими резиденциями Николая I и его семьи, то есть средой обитания современного европейского монарха. Но непривычная для немца первой половины XIX в. демонстративная роскошь царских апартаментов казалась многим авторам явным анахронизмом. В их восприятии подобное великолепие было присуще либо погибшим «в горниле европейской революции» империям, либо экзотическому Востоку, но не современному буржуазному прагматичному Западу. Не случайно в своих описаниях немецкие авторы часто сравнивают императорские резиденции с «волшебными дворцами Аладдина из «Арабских ночей».

Резиденция императора как отражение трансформации мифа об «идеальном монархе» и «величии империи»

Еще один момент, который бросается в глаза в сочинениях европейских путешественников, посетивших дворцовые комплексы Петербурга и его окрестностей, это попытка по внешним косвенным признакам воссоздать внутренний облик их прежних венценосных обитателей. Речь идет, прежде всего, об использовании описаний интерьеров жилых комнат августейших особ для характеристики личных качеств их владельцев, которые должны были вписываться в контекст меняющегося с течением времени мифа об «идеальном монархе». В случае Царского села речь шла об уже покойных самодержцах: Екатерине II и Александре I. Все авторы подчеркивали, что на момент посещения ими загородных резиденций в апартаментах августейшей бабушки и ее царственного внука вся обстановка и личные

вещи сохранялись в том же состоянии, как при жизни их владельцев. Описывая Царскосельский дворец, один из немецких авторов отмечал, что «комнаты, в которых жила императрица Екатерина II, поддерживаются в точно таком же виде, как были при ней. Я не видел ничего более великолепного. Драгоценные вазы из порфира, фарфора, хрустальные чаши, малахитовые каминные столы мозаичной работы. Паркет в одной из комнат был инкрустирован перламутром, а удивительная и редкостная коллекция янтаря просто изумляет» [34, S.152]. Барочная избыточная роскошь апартаментов покойной императрицы напоминала немецким путешественникам о дореволюционном прошлом, о тех временах, когда европейские монархи позиционировались как наследники великого Рима, как античные боги-триумфаторы, носители высшего разума, красоты и власти. Окружавшая обстановка должна была подчеркивать ее сакральный характер.

Но вот на смену избыточности барокко приходит простота и строгость классицизма. После Французской революции в Европе резко ускорился процесс десакрализации образа монарха. Вместо «просвещенной государыни» в образе античных богинь Минервы или Фелиции, на русский трон взошел благочестивый рыцарь, полководец, доказывающий свое право на абсолютную власть не в дворцовых залах, а на полях сражений. Скромный военный мундир заменил расшитый золотом камзол. И немецкие авторы не могли не заметить, как с роскошными интерьерами парадных комнат Царскосельского дворца резко контрастируют своей сдержанностью апартаменты Александра, склонного к замкнутому образу жизни и личному уединению: «Мы видели спальню Александра. Видели его скромное платье, потертую шляпу, сапоги с заплатками, его кровать – очень узкую и неудобную, его туалет с множеством ножниц, кабинет с небольшой библиотекой, иконами и портретами забытых красавиц. Трудно представить себе комнату менее роскошную» [2, ч.2, с.322]. Вся обстановка рисует нам трогательный и человечный образ Александра как простого смертного, живущего одной жизнью со своими подданными. Чтобы подчеркнуть аскетизм, нетребовательность и набожность монарха, у ног которого совсем недавно лежала вся Европа, часто упоминаются его залатанная одежда и обувь, потертые молитвенники и небольшие иконы, которые он всегда возил с собой. Покойный государь представляется как благочестивый затворник, смыслом жизни которого являлось «высокое служение Господу и России». Упомянутый уже полковник Фридрих Гагерн, подводя итог всему увиденному им в Царском селе, пытается втиснуть образ Александра в стан-

СТОЛИЦА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРИИ

дартную схему мифа об «идеальном государе»: «Александр был сверхчеловеческой личностью, способной каждый день, не думая о себе, без устали заботиться о пользе своих подданных...» [2, ч.2, с.322]. Способность смирять гордыню, отказаться в повседневной жизни от праздности и внешней роскоши, снизить до уровня своих подданных, чтобы лучше понимать их чаяния, – таковы проявления высшей добродетели русских императоров, полностью подчиненных следованию «долгу бескорыстного служения отчизне» [2, ч.2, с.323].

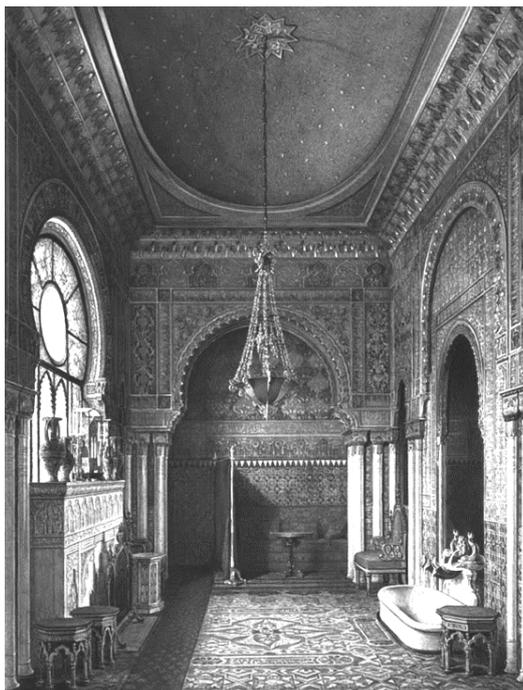
Контраст между внешним блеском и величием первого лица государства и его скромностью и неприхотливостью в частной жизни, а также между роскошью и комфортом апартаментов императриц и аскетизмом комнат монархов в той или иной степени был свойственен большинству рассмотренных нами иностранных описаний царских резиденций [15, Bd.1.,31; 34, S.27ff; 38, S.52].

Кабинет императора Николая I в Зимнем дворце с походной кроватью

Однако на первом месте среди дворцовых комплексов стоял Зимний дворец. Если загородные резиденции ассоциировались, в основном, с прошлыми царствованиями, то Зимний дворец стал символом величия современной России и был связан с личностью здравствующего импе-

ратора Николая I. Как и все столичные дворцы, он был знаменит своими размерами и архитектурным великолепием: «Прежде всего, мы попытались обойти величественные фасады Зимнего дворца, который так огромен, что в нем легко заблудиться» [34, S.32]. Счастливицы, представленные при дворе, с восторгом описывали богатство внутреннего убранства, колоссальные размеры парадных залов и галерей, щедро украшенных многочисленными произведениями искусства. Особое внимание уделялось описанию личных апартаментов императорской семьи. Почти все наблюдатели отмечали «незатейливость убранства» комнат Николая I, расположенных на третьем этаже дворца, оклеенных «простыми бумажными обоями» [20, S.9]. Так же скромно был отделан его кабинет на первом этаже с узкой складной походной кроватью в углу, в «освещенных окнах которого жители столицы могли до поздней ночи видеть фигуру монарха, склоненную над письменным столом» [20, S.10].

Ванная комната императрицы Александры Федоровны, декорированная в мавританском стиле

С аскетизмом комнат царя контрастировали изысканность и изящество апартаментов императрицы. Массу восторгов вызывали своей сказочной роскошью Малахитовая гостиная, ведущая в покои Александры Федоровны; столовая, расписанная по мотивам фресок, раскопанных в Помпеях; романтический зимний сад с фонтаном и с резными деревянными перегородками, по которым круглый год вился живой плющ, а также ванная комната, декорированная в мавританском стиле. Образцами для проекта «купальни» императрицы, входившей в число парадных дворцовых помещений, послужили интерьеры дворца Альгамбра в Испании. Во время придворных балов, носивших протокольный характер, внутренние покои Александры Федоровны были открыты для посетителей. И опять, описывая отделку дворцовых помещений, многие авторы отмечают «азиатскую роскошь» и «восточное великолепие» убранства, сопоставимое лишь с «чудесами из сказок "Тысяча и одной ночи"».

Особенно сильное впечатление на иностранных посетителей производил зимний сад, находившийся над манежем дворца: «Это так странно и удивительно: подниматься на высоту восьмидесяти ступеней и вдруг очутиться в большом саду, с деревьями и кустами довольно значительных размеров, широкими дорожками, усыпанными песком, клумбами с цветами, бассейном с фонтанами, где плавают рыбы, а над головой летает множество чижей и других птиц» [20, S.12; 1, ч.1, с.31]. Ничего подобного они себе и представить не могли у себя на родине. Все увиденное казалось им «волшебным сном», слишком экзотическим для реальности современной Европы, а, следовательно, во многом уже чуждым европейским эстетическим стандартам первой половины XIX века. Повторим, что мода на показную роскошь давно отошла в прошлое вместе с падением в конце XVIII в. ее законодателя – французской династии Бурбонов. Но тем не менее вся эта избыточность и экзотика являлись частью вполне продуманной политики, а реакция зрителей была полностью просчитана. Именно российские императрицы, их туалеты и драгоценности, апартаменты и экипажи, поражая иностранцев вкусом, изысканностью и демонстративной роскошью, со времени Петра Великого должны были играть роль «главной витрины» русского двора, а следовательно, и столицы, символизируя богатство, величие и просвещенность Империи. В то же время уделом императора были демонстративный аскетизм, чувство долга и забота о благополучии подданных. Самоотверженное служение общему благу российского самодержца, что подтверждали даже декор и обстановка его личных апартаментов, в глазах иностранных наблюдателей во многом компенсировало

и легитимировало его абсолютную власть над подданными, также давно ставшую анахронизмом в Европе. Таков был российский вариант сценария европейского мифа о «идеальном монархе», нашедший одно из своих воплощений в дворцовых комплексах Петербурга.

***Резиденция императора
и миф о «единении народа
и самодержца»***

Как уже ранее отмечалось, все посвященные России сочинения в той или иной степени являлись частью общественно-политической полемики внутри Германии. В частности,

росту оппозиционных настроений, приведших к глубокому расколу в немецком обществе, противопоставлялись созданные консервативными авторами картины «подлинного единения народа и власти» в России, которые им «посчастливилось» наблюдать в ее столице. Несмотря на то, что круг общения большинства немецких путешественников, не говоривших по-русски, был ограничен местной аристократией, они умудрялись находить многочисленные подтверждения этого «единения» даже в насыщенной балами и увеселениями жизни петербургского двора. Олицетворением «слияния самодержавия и нации» для большинства немецких консерваторов, не покидавших столицы, служили так называемые «народные» балы – большие придворные празднества с участием специально отобранных представителей всех сословий русского общества. Прежде всего, это ежегодный Новогодний бал, который ассоциировался с Зимним дворцом, и проводимый в Петергофе каждое лето грандиозный праздник в честь дня рождения императрицы Александры Федоровны.

Согласно традиции, идущей еще со времен Елизаветы Петровны, в первый день нового года в Зимнем дворце устраивались большие костюмированные балы «для всех желающих: не только дворянского и военного сословия, но также и для купцов, разодетых в кафтаны, простых обывателей, лавочников, ремесленников, и даже для бородатых крепостных крестьян в национальных костюмах» [42, S.17]. Доступ в императорские апартаменты также был открыт для всех «прилично одетых» посетителей. Как писали очевидцы, на новогодний бал собиралось более трех тысяч представителей всех слоев общества при полном отсутствии полиции, и «император приветливо, без всяких мер предосторожности общался с ними. Людская волна растекалась по сверкающим покоем дворца. Все вели себя чинно, скромно, благоговейно, без толкотни и давки. Праздник вообще был очень трогательный, почти семейный и в

то же время торжественный, полный глубокого смысла. Монарх и народ сливались воедино в общем ликовании» [15, Bd.1, S.31]. В этом описании ключевым является определение «семейный». Образ Николая I как заботливого и радушного хозяина дома [15, Bd.2, S.321; 31, S.142f] занимал важное место в консервативном восприятии России благодаря распространенной в русофильской литературе аналогии с патриархальным главой государства, который управляет своим незрелым народом как глава семьи: «Император, глава церкви и государства, почитается своими подданными как отец, как патриарх; они преданы ему благоговейно и искренне» [20, S.70]. Аналогия автократического государства с большим патриархальным семейством, с одной стороны, в значительной степени оправдывала неограниченную власть императора над подданными, приравнивая ее к власти любящего заботливого отца над послушными, но несмышленими детьми, нуждающимися в постоянном контроле, а с другой, – придавала особый смысл и ощущение стабильности всей государственной конструкции российской империи.

Еще чаще в сочинениях немецких авторов встречается подробное описание большого летнего праздника в Петергофе, любимой резиденции Николая I, который ежегодно проводился 1 июля. В этот день, чтобы принять участие в грандиозном бале в честь дня рождения императрицы, к семи часам вечера к Петергофскому дворцу стекались толпы народа. Как пишет один из очевидцев, «всех попеременно – придворных, дипломатов, приглашенных иностранцев и людей из народа, допущенных на праздник, – вводили в главные покои.... А после бала все эти люди – офицеры и солдаты, знать и торговцы, господа и крепостные – вместе бродили по ярко освещенным рощам, откуда двести пятьдесят тысяч разноцветных ламп изгнали ночную тьму» [31, S.24]. Это «волшебное действо» с многократно описанной иллюминацией, «огненной лавой», простиравшейся от стен заднего фасада Петергофского дворца «до волн Финского залива», представлялось иностранным зрителям удивительной смесью пышного дворцового приема, военного парада и народного праздника, где «простой народ», как хорошо воспитанный ребенок, вел себя «чинно» и «благодарно».

Развивая тему единения отца-императора со своими детьми-подданными, многие авторы подробно останавливались на том, как до и после бала государь и государыня, объезжая парк, запросто и без всякой охраны беседовали с «народом», заполнившим аллеи вокруг дворца, принимали трогательные подарки и прошения. В.Гаффнер, присутствовавший на Петергофском празднике в 1846 г., писал, что подобную

сцену нельзя было наблюдать без умиления, так как «император и его преданные подданные составляли одну, тесно связанную между собой семью» [3, с.261].

Вопрос о взаимоотношениях самодержавия, символом которого был император, и русского общества долгое время оставался одним из ключевых в полемике либералов и консерваторов относительно политического устройства России и Европы. Оппозиционно настроенные немецкие путешественники также не могли проигнорировать такие значимые события в жизни Петербурга, как ежегодные зимние и летние костюмированные балы. Попытки консерваторов представить эти мероприятия как пример «единения» самодержца и общества естественно вызывали острую критику со стороны их политических оппонентов. «Можно ли в большей степени обманывать себя, а заодно и весь свет, – иронично спрашивал автор «Писем североамериканца из России и о России», – чем так, как это делают описывающие Россию иностранные сочинители, которые сейчас сбежали в Петербург со всех концов Европы, дабы умилиться трогательной близости, что царит между российским императором и его народом?» [11, S.114]. Эти упреки либералов сегодня не кажутся нам вполне справедливыми. Немецкие аристократы, присутствовавшие на этих балах, безусловно, не могли не чувствовать некоторой фальши происходящего. Постановочный характер продемонстрированного им «единения самодержца и народа» произвольно отражался во многих описаниях ежегодных торжеств. Например, давая высокие оценки увиденному, многие внимательные наблюдатели часто сравнивали происходящее со спектаклем [13, S.28; 34, S.155]. На неестественный характер происходящего указывали также и «чрезвычайное благообразие», «благоговение» и «чинность» приглашенного «простого народа», который «к буфетам даже не подходил» и вел себя «столь почтительно, словно он всю жизнь провел при дворе.... Хотя в любой другой стране от такого громадного скопления людей обязательно возникла бы невообразимая толчея и давка» [49, Vd.1, S.111].

Но не это было главным в восприятии консервативными наблюдателями подобных мероприятий. Эти «народные» балы для них являлись еще и демонстрацией прочности устоев монархического государства, а также стабильности добуржуазного общественного устройства, которое уже давно было поколеблено в Германии наступлением капитализма. Весьма характерен горький комментарий графа Фридриха Вильгельма фон Бисмарка, немецкого аристократа, который воспринимает различие двух систем общественного устройства как различие двух исторических

эпох: «Современная эпоха не может предоставить нам ничего, что можно было бы сравнить с праздником в Петергофе, так как меркантильная тенденция нашего века не хочет нести никаких расходов, чтобы доставить удовольствие народу» [20, S.162]. Эта цитата очень показательна для консервативного мировоззрения в целом. Для большинства немецких охранителей Россия – это не чуждое европейским ценностям отсталое государственное образование, а докапиталистическое прошлое Европы, которое уже утрачено на их родине. И пока сильная абсолютистская империя во всем своем блеске продолжает сохраняться в России, остается надежда на ее возрождение в Европе.

III.

Миф о столице: поиск идеологических смыслов и конструирование политических символов

Столица европейской империи или азиатской деспотии: дискуссия о «Новом Риме»

Несмотря на тесную связь с правящей династией, Петербург для иностранных наблюдателей никогда не был просто живописным фоном для эпических картин из жизни монарха

или помпезной декорацией для военных «спектаклей» и придворных церемоний. Этот город сам по себе в восприятии иностранцев являлся культурным и политическим символом, обремененным множеством смыслов и значений, сквозь призму которых они воспринимали все увиденное ими в Петербурге. Одной из наиболее популярных тем «Петербургского» нарратива, ставшей продолжением мифа об «идеальном монархе», была европеизация России, связанная с деятельностью Петра I. Уже вскоре после своего основания Петербург для всего просвещенного мира стал эмблемой европейского периода российской истории. Перенесение столицы волевым решением Петра на Невские берега воспринималось общественным мнением Европы как завершение истории автохтонного «варварского» Московского царства, что открыло дорогу для рождения Российской империи, декларировавшей новую систему политических и культурных ценностей. Их источником стала Западная Европа, воспринятая как единое цивилизационное пространство, имперским субстратом которой, символом цивилизационного единства служил миф об античном Риме в интерпретации европейских абсолютных монархий XVII–XVIII вв. Античная традиция была перенесена на русскую почву не в виде конкретных исторических реалий жизни

древних Греции и Рима, а как часть «культурного бытия» Западной Европы Нового времени, в контексте ее адаптации для политических нужд европейских монархий. В этот период концепция абсолютной власти во многом опиралась на исторические аналогии и преемственность с великими империями античного мира. Пытаясь встроить новое российское государство в общий контекст западноевропейской истории и обозначить ее преемственную связь со «старыми империями», Петр в 1700 г. ввел Юлианский календарь, в 1721 г. принял римский титул императора, а в 1724 г. – римское звание «Отца Отечества». Столицу новой империи, построенную по регулярному принципу, соотносённому с геометрическим планом римских городов, он назвал городом Святого Петра, то есть «вторым Римом», выстроив, таким образом, аналогию с Римом первым, и за очень короткое время внешний облик Петербурга стремительно наполнился традиционными символами и эмблемами императорской власти. Таким образом, параллель с Древним Римом – столицей Римской империи и Римом сакральным, католическим – центром христианского мира, который культивировался в европейском сознании так же, как город святого Петра, была очевидна для всех иностранцев, прибывавших в Петербург, что породило массу дискуссий о ее правомерности. Уже на стадии своего формирования «Петербургский» нарратив был включен в европейский дискурс о том, является ли Россия частью цивилизованного мира и, следовательно, имеет ли она право играть ведущую роль в политике Европы. Восприятие новой столицы как репрезентации российской империи привело к тому, что значительную часть «Петербургского» нарратива в первой половине XIX в. составляет полемика между либералами и консерваторами на тему, что же представляет собой Петербург в заданной дихотомией «цивилизация–варварство» системе координат? Является ли он «Новым Римом», наследником античной традиции, то есть столицей европейской империи, или это всего лишь имитация, декоративный фасад, за которым скрывается прежняя варварская азиатская деспотия?

Каждый из приезжавших в Петербург немецких путешественников по-своему искал ответы на эти вечные для европейцев вопросы. Не зная русского языка, не будучи знакомыми с национальными традициями, они, как всегда, предпочитали рассуждать о том, что было понятно, привычно и наглядно: о внешнем облике Петербурга, об органичности римских колоннад для северного города или соответствии античной символики и классического стиля в архитектуре загадочной «внутренней сущности нации». Таким образом, архитектура города в восприятии

иностранных наблюдателей приобретала самостоятельное символическое значение. Далее все зависело от вкусовых пристрастий и политических настроений европейских путешественников.

Большинство немецких аристократов, приезжавших в Петербург, воспринимали его как, безусловно, европейский город, часто восторженно: как первую столицу из всех европейских столиц, преемницу Великого Рима, вершину европейского градостроения. «Мы прибыли в Петербург, самый прекрасный город Европы, а может быть и мира, – писал анонимный прусский офицер в 1834 г. – Вид его великолепен. Размеры и античное величие общественных зданий напоминает Рим времен расцвета империи, смелый стиль архитектурных конструкций, почти полное отсутствие тупиков и переулков приводят наблюдателя в изумление» [13, S.24]. «Ни один город Европы не представляет зрелища столь разнообразного и столь величественного... Петербург блестит свежестью и красотой, он первый среди европейских столиц по обширности размеров, по правильности расположения, по чистоте, стройности и великолепию зданий» [10, S.31] – таково первое впечатление от города другого анонимного автора, посетившего Петербург в составе делегации прусских военных по случаю торжественного открытия Александровской колонны в августе 1834 г. Плановая, строго геометрическая застройка в глазах многих консервативно настроенных авторов превращала Петербург в живое воплощение устойчивости власти построивших его монархов, символ государственного разума, порядка и военной дисциплины, выраженные в архитектурном принципе регулярности и классического равновесия. Но самое главное – внешний облик Петербурга, построенный на использовании традиционной греко-римской символики, демонстрировал распространение европейских эстетических канонов и ценностных систем в повседневной жизни города, общественном устройстве и нормах поведения его жителей. Построенный в лучших традициях европейского градостроения, Петербург должен был стать для большинства иностранцев главным подтверждением цивилизованности русских, превращения их в подлинных европейцев, а России – в европейскую империю.

Не случайно тема внешнего подражания в архитектуре столицы, которое выражалось, по мнению критиков русского самодержавия, в массовом переносе на российскую почву атрибутов античной героики в виде триумфальных арок, обелисков, колонн и монументов, «бездумно заимствованных» из греко-римского наследия, искусственном насаждении классической эстетики при застройке города, что свидетельствовало о поверхностном налете европейской цивилизации в России, была глав-

ной в либеральной литературе периода Реставрации, посвященной Петербургу. В этом отношении весьма типично мнение немецкого публициста Эдуарда Пельца, автора уже цитированных нами анонимно изданных «Писем североамериканца из России и о России», утверждавшего, что «русские, со всеми своими античными памятниками полагающие, что следуют за древними римлянами, на самом деле лишь неумело им подражают ...» [11, S.174].

Со временем тема, связанная с архитектурой Петербурга, становится частью немецкого политического дискурса. Полемика между либералами и консерваторами обостряется к началу 30-х гг. и ведется разнообразными средствами с использованием не только идеологических аргументов, но и элементов мифических, знаково-метафорических систем. Причем в качестве метафоры в политической дискуссии довольно часто по-прежнему используется внешний облик Петербурга. Русская столица в начале 40-х гг. XIX в. с ее ампирной архитектурой и уже выглядящей архаичной стилизацией под классицизм, в либеральной европейской литературе предстает как, прежде всего, официальный фасад абсолютистского режима, который, по мнению большинства авторов, угрожал прогрессивной Европе, а следовательно, должен был быть выведен за ее рамки. То есть рассуждения об архитектуре города из сферы эстетики были перенесены в область идеологии, превратившись в пропагандистскую метафору, в аргумент политической дискуссии между непримиримыми оппонентами. В русле либеральной парадигмы русская столица больше не имела общих с Европой исторических и культурных традиций. Как утверждал автор «Петербургских зарисовок» Троймунд Вельп, «хотя строители Петербурга брали за образец римский форум, город этот вызывает в памяти лишь азиатские степи» [51, S.175].

И даже авторы, не ставившие под сомнение ни целостность архитектурного замысла, ни правомерность использования античных традиций при строительстве города, в целом, считали Петербург во многом «искусственным образованием», не очень уместным на русской почве. Сквозь регулярную римско-античную поверхность новой имперской столицы заметно пробивался придавленный, но неистребимый национальный субстрат, выраженный в топонимике, в повседневной жизни города, в бытовых привычках его небогатых обитателей. Явная амбивалентность Петербурга заставляла немецких, прежде всего консервативных, авторов вступать в некоторое противоречие с самими собой. Делая главный акцент на соответствии внешнего облика города античной традиции и европейской культуре, они тем не менее не могли не замечать

проявлений национальной самобытности на улицах Петербурга, которые «резали глаз» просвещенному европейцу и воспринимались как «варварские» и «азиатские». Очень типична, например, такая зарисовка, сделанная лояльным русскому правительству немецким художником Эугеном Хессом на улицах Петербурга в 1839 г.: «Недалеко от великолепного Невского проспекта, застроенного прекрасными дворцами, находится Апраксин двор. Внутри него – пресловутый толкучий рынок. Торговля – чисто русская. На этом вшивом рынке, заполненном кишасей массой крикливых бородатых оборванцев, для нас все было отвратительно» [29, S.68]. Показательно, как внутри одного небольшого абзаца полярно меняются интонации и лексика – от возвышенного пафоса до полного уничтожения и брезгливости, причем негативные коннотации связаны не только с наблюдением за низшими слоями общества, но и с проявлением чуждых европейцу национальных особенностей поведения. Маркиз де Кюстин в своих записках оказался менее эмоционален и более точен в попытке передать амбивалентный характер города, противопоставляя «цивилизованные» и «варварские» элементы образа столицы в рамках дихотомии «Европа–Азия»: «Невыносимая грязь на постоялом дворе и сказочно роскошные дворцы и памятники – вот Петербург. В этом городе, где Европа показывает себя Азии, а Азия – Европе, нет недостатка в контрастах» [22, S.150]. Так в создаваемом в европейской литературе «Петербургском» нарративе проступает еще одна важная тема: нераздельность и слияние двух цивилизационных полюсов, культурно-историческая диалектика «единства и противоположности» искусственно привитого антично-европейского элемента и исконного, национально-почвенного начала. Как изящно сформулировал свою компромиссную позицию по сложной теме амбивалентности русской столицы прусский историк Йоганн Шпоршиль, «бесспорно, великолепный, волшебный, чудесный Петербург – это Рим, но Рим, который давным-давно захватили варвары» [46, S.184].

***Столица и империя
как олицетворение
абсолютной воли самодержца:
победа над хаосом***

Как отмечалось выше, для большинства приезжающих иностранцев Петербург был тесно связан с мифом об «идеальном монархе» и являлся воплощением торжества Петровских реформ, давших начало новой «цивилизованной» истории России. Чтобы подчеркнуть масштаб личности Петра, как «петербургского Энея», в немецкой, прежде всего консервативной, литературе было принято срав-

нивать его с Цезарем или Карлом Великим, ставя в один ряд с величайшими деятелями европейской истории [18, Bd.8, S.408ff]. Но даже эти сравнения казались некоторым авторам недостаточными, и они шли еще дальше, утверждая, что «Петр Великий так же возвышается над всеми выдающимися деятелями истории, как небо возвышается над землей» [19, S.18]. Для обоснования этой позиции неоднократно отмечалось, что, если Цезарь в своей деятельности использовал интеллектуальный подъем античной эпохи, а Карл Великий – европейские культурные традиции, Петр I исключительно своей волей начал новое развитие страны, полностью перечеркнув ее предыдущую историю: «Император, как подлинный создатель, не останавливаясь ни перед чем, вопреки всем предварительным условиям и состоянию собственного народа, опираясь исключительно на свою силу, свою волю и освещенную Богом полноту личной власти, из ничего создал новый мир» [45, S.10]. Петр воспринимается как «подлинный создатель современной России», который вдохнул в нее новую жизнь: «Для России Петр Великий стал тем, чем для Европы были крестовые походы, книгопечатание, открытие Америки и другие источники ее образования» [32, S.153]. Таким образом, в немецкой консервативной историографии первой половины XIX в. на основе средневекового европейского мифа об «идеальном монархе» и идей просветителей XVIII в. на российской почве продолжает развиваться нарратив о самодержцереформаторе, который, будучи единственным носителем прогресса, насаждает своей единоличной волей основы европейской цивилизации в полудикой азиатской стране. Заимствованный у просветителей культ Петра как императора-преобразователя также определил особенности создававшегося в европейской литературе «Петербургского» нарратива, включавшего в себя помимо темы европеизации России идею абсолютной власти, как единственной носительницы божественного порядка, побеждающей «хаос» – природную и человеческую стихии.

Петербург воспринимался европейскими авторами как живое олицетворение воли самодержца и беспрекословного подчинения ей не только людей, но и природы. Обстоятельства основания столицы Петром I в кратчайшие сроки среди непроходимых болот ценою жизни сотен тысяч его подданных стали частью «Петербургского» нарратива, приобретая временами эпический, сверхъестественный характер, где такие иррациональные понятия, как «чудесная воля одного человека», «провидение» и «волшебство», соседствовали с реалистическим описанием ужасных условий существования строителей города: «Человек, своею волей приводивший в движение миллионы других людей, заставил непроходимые

болота стать основанием для роскошных памятников, заложив огромный город, где, словно по волшебству, из хаоса возник божественный порядок, и всего за сто лет на месте смертоносной трясины выросло множество великолепных зданий и прекрасных дворцов» [20, S.189].

Символическим воплощением трансформации дикого края в разумно организованное пространство по воле просвещенного самодержца немецкие авторы практически единодушно считали конный монумент Петру I Этьена Фальконе на Сенатской площади, запечатлевший императора в образе преобразователя варварства, вознесенного над дикой, едва обтесанной скалой. Этот же памятник стал в немецкой литературе символом преемственности, продолжения при последующих царствованиях преобразовательного вектора, заданного волей Петра: «После того, как великий Петр вознесся над дикой скалой, укротив непокорную стихию, его наследники продолжают творчески шлифовать неотесанный гранит под копытами коня основателя Петербурга» [31, S.156].

Каждый новый монарх, начиная с Екатерины II, рассматривался как наследник и продолжатель дела Петра, который, опираясь на неограниченную власть, устанавливает европейский порядок среди хаоса и варварства, воплощенного как в дикой природе, так и в национальном характере народа. И с каждым новым царствованием героический миф о противостоянии воли и хаоса, фоном для которого часто служил Петербург, возрождался вновь. Так, например, частью «Петербургского» нарратива была распространенная точка зрения, что Петербург, «не имеющий корней ни в истории, ни в почве», не только возник, но и продолжает существовать исключительно благодаря воле русских самодержцев, которая одна сверхъестественным образом может противостоять природным стихиям, прежде всего, бурям и наводнениям. «Существует поверье, – утверждал маркиз де Кюстин, – что стоит монарху на один день забыть эту столицу... и обратить свой взор в иную сторону, как сдерживающий реку гранит раскрошится, низины вновь покроются водой и вся эта безлюдная местность вернется в первобытное состояние» [22, S.146]. В первой половине XIX в. все еще было памятно знаменитое предсказание 1720 г. о наводнении, которое смоеет Петербург с лица земли и на его месте вновь воцарится первозданный хаос. Поэтому неудивительно, что из сочинения в сочинение передавался миф о том, что только молитва, созидательная воля и личная жертва Александра I спасли город от полного разрушения во время страшного наводнения 1824 г.: «Разбушевавшаяся водная стихия покорилась воле императора, – писал в своих воспоминаниях прусский генерал Фридрих фон Барфус.

– После вознесенной им молитвы воды Невы быстро вернулись в свои естественные пределы.... Не думая о себе, Государь лично заботился обо всех несчастных и, в том нет сомнения, много сделал для спасения города и его жителей; я сам был тому свидетелем... Более миллиона рублей из своих личных средств были пожертвованы им уже на следующий день на помощь пострадавшим горожанам» [16, S.279].

Наводнение в Петербурге в 1824 г.

Тема наводнений вообще была мистическим образом связана с судьбами царствующих монархов, прежде всего, Екатерины II и Александра I, бабушки и внука, по общему мнению повинных в царубийствах. Большое наводнение 1777 г. в немецкой литературе описывалось как Божья кара за грехи Екатерины, обвиняемой в убийстве мужа и узурпации престола [24, S.304ff], а наводнение 1824 г., которое современники сравнивали с апокалипсисом, воспринималось как Господнее наказание лично Александру I, повинному в убийстве отца [17, Bd.1, S.182ff]. Более того, существовало поверье, задним числом пересказываемое многими немецкими авторами, что император, родившийся в 1777 г., через три месяца после самого грандиозного наводнения в Петербурге, должен будет умереть после следующего «вселенского потоп» [17, Bd.1, S.186], поэтому ноябрьское наводнение 1824 г. рассматривалось также как предзнаменование новых стихийных катастроф, грозящих в ближайшем будущем как

городу, так и всему императорскому дому. «Я провел большую часть жизни в Петербурге, потому с ужасом и скорбью узнал о страшном наводнении. Уже тогда это событие представлялось всем нам предвестником других, еще более несчастных бедствий», – вспоминал много лет спустя генерал от инфантерии Генрих фон Брандт [21, Vd.1, S.201]. И события не заставили себя ждать. В декабре 1825 г., через год после «мятежа невской стихии», Петербург и Сенатская площадь с монументом Петру I, вокруг которого недавно бушевали волны, символическим образом оказались ареной для еще одного, более страшного мятежа. Казалось, что стихия, на этот раз не природная, а человеческая, бросает Петру и его городу еще один страшный вызов, а Декабрьское восстание 1825 г. подтверждало самые мрачные предсказания. Оно было воспринято многими европейскими современниками событий как попытка уничтожения наследия Петра с целью, как писал прусский генерал Леопольд фон Герлах (1790–1861), «навсегда отделить Россию от Европы и вернуть ее к прежнему варварству и хаосу» [23, Vd.1, S.13]. Логическим завершением окончательного отхода России от Европы, по мнению Герлаха, должно было стать уничтожение правящей династии, так как она являлась не только главной носительницей гуманистических и европейских ценностей, но и, будучи немецкой по крови, сама была частью Европы [23, Vd.1, S.10–17]. Леопольд фон Герлах в своих ощущениях был не одинок. Большинство сторонников монархического правления оценивали декабрьский мятеж на Сенатской площади как часть апокалипсического пророчества, как проявление нарастающей угрозы «вселенского хаоса» [37, S.221ff; 28, S.50ff; 47, S.174ff], которому опять противостояла воля императора, на этот раз Николая I.

В первой половине XIX в. вселенский хаос для многих консерваторов был связан с революцией и служил метафорой для описания грядущих революционных потрясений. Видя слабость собственных правящих домов, немецкое юнкерство возлагало последние надежды на страну, которую либералы не без оснований считали главным врагом революционных преобразований в Европе, и на самодержца, который был готов в случае революции преградить ей путь силой оружия. После Июльских волнений 1830 г. в общественном мнении Германии фигуре Николая I отводилась уже роль некоего демиурга – всемогущего и непримиримого борца с революционными силами, ставшего «злым гением» для либералов и «носителем божественной миссии» для консерваторов. Неудивительно, что в 30-е годы тема непреклонной воли императора и

беспрекословного подчинения ей, как лейтмотив «Петербургского» нарратива обрела новое звучание.

Тем более, что царствование Николая I с самого начала давало для этого немало поводов. Помимо подавления восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г., отметившего вступление Николая на престол, в немецкой литературе был очень популярен также сюжет, связанный с холерными беспорядками в Петербурге во время эпидемии 1831 г. По одной из версий, речь шла о массовых волнениях на Сенной площади 23 июня, вызванных непопулярными карантинными мерами. Император один вышел к толпе, сбросил шинель, приказал бунтовщикам стать на колени и перекреститься. По другой, также очень популярной версии, император вмешался в ход событий, когда обезумевшая толпа штурмовала холерный госпиталь [13, S.38; 38, S.199f; 25, Bd.1, S.63]. Будучи уверенными, что больные были специально отравлены врачами-немцами, бунтовщики пытались выбросить последних из окон. В этой ситуации, как ее описывает прусский актер и режиссер Эдуард Йеррманн, Николай один подъехал к обезумевшей толпе в открытой коляске – «похожий на рассерженного полубога» – и потребовал послушания от подданных: «И десять тысяч яростных варваров пали на колени, перекрестились и спокойно разошлись» [31, S.134]. И опять мы видим очередную вариацию на тему противостояния порядка и хаоса, победы воли просвещенного монарха над варварством, а также дальнейшее развитие мифа о самодержце-просветителе, в одиночку укрощающем дикую стихию.

Но поводом для современников поставить Николая в один ряд с Петром I как носителя абсолютной власти, единственно способной противостоять «вселенскому хаосу», стал беспрецедентный по степени разрушения пожар в Зимнем дворце в декабре 1837 г., который не могли потушить в течение трех дней. В результате полностью выгорели второй и третий этажи императорской резиденции. Как сообщали очевидцы, накануне вечером император с семьей был в театре. Прибыв на место пожара, он тотчас взял командование тушением в свои руки. Практически все немецкие авторы, затрагивавшие в своих сочинениях эту тему, писали о том, как император, подобно эпическим героям, один противостоял разбушевавшейся стихии. «Государь был повсюду, – писал Максимилиан Гейне, служивший тогда лейб-медиком царской семьи, со слов одного из свидетелей. – К нему одному были устремлены глаза, исполненные доверия. Он сам всем руководил и направлял помощь туда, где еще можно было сопротивляться огню. Николай везде являлся первым и уходил только тогда, когда уже не оставалось никакой

СТОЛИЦА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРИИ

возможности противостоять расвирепевшей стихии. Видя перед собой самоотверженный пример государя, так же мужественно вели себя и все остальные – от генерала до простого солдата» [28, S.54]. Впоследствии многократно растиражированные описания героического поведения Николая при тушении пожара в Зимнем дворце также стали частью «Петербургского» нарратива, дополнив сюжетную линию о «вездесущем» императоре, который в одиночку защищает город от самых разрушительных стихий.

Пожар в Зимнем дворце в декабре 1837 г.

И действительно, пожар 17 декабря 1837 г. стал одним из самых грандиозных и разрушительных по своим последствиям пожаров за всю историю России. Помимо многочисленных человеческих жертв в огне погибли знаменитые интерьеры Растрелли, Кваренги, Монферрана, Росси, множество произведений искусства и предметов быта. По воспоминаниям очевидцев, огненное зарево было настолько велико, что его можно было наблюдать за 50–70 верст от столицы [32, Vd.1, S.180]. Неудивительно, что полное восстановление Зимнего дворца почти в том же самом виде за невероятно короткое время – уже к лету 1839 г. – воспринималось современниками как чудо, осуществленное по воле императора, как «вызов, брошенный одним человеком стихии, осмелившейся разрушить это великолепное здание» [38, S.43].

Тему, связанную с восстановлением Зимнего дворца в 1838/39 гг., в той или иной степени затронули все немецкие авторы, писавшие о России в тот период. Отражение этого сюжета в германской публицистике дает нам яркое свидетельство того, как одно и то же событие получило полностью противоположные интерпретации и оценки в зависимости от политических взглядов иностранных наблюдателей. И консерваторы, и либералы использовали историю с быстрым восстановлением Зимнего дворца в качестве одного из аргументов в собственном общественно-политическом споре, традиционно связав это событие с личностью императора. Для прорусской литературы весьма типично следующее высказывание: «Я увидел фасад нового Зимнего дворца – еще один чудесный плод воли великого человека, подвигающего других людей на борьбу с законами природы. Борьба эта увенчалась полным успехом, ибо за один год Зимний дворец – пожалуй, крупнейший из всех в мире, ибо он равен Лувру и Тюильри вместе взятым, – возродился из пепла» [31, S.24ff]. Консерваторы видели в этом факте еще одно подтверждение преимущества монархической формы правления над парламентско-конституционной системой, за которую выступали либералы. Только не ограниченная ничем воля русского императора была способна завершить это, казалось бы, невозможное дело в течение одного года: «В то время как мы уже три года спорим о том, как перестроить театральную залу, Николай за один год поднял из руин величайший дворец мира» [15, Bd.1, S.35].

С другой стороны, либеральные критики России использовали это событие, чтобы на его примере показать пагубность абсолютной монархии для Европы. Сравнивая проведение аналогичных строительных работ в Европе (например, в Версале или в Мюнхене) и в России, они писали, что если в первом случае тысячи бедняков смогли заработать себе на хлеб, то в Петербурге они тысячами гибли от непосильного труда, подобно рабам в Древнем Риме. В центре рассуждений либеральных авторов стояли многочисленные описания того, как по вине самодержавного произвола большое число рабочих нашло смерть во время поспешного восстановления дворца. «Для того чтобы закончить этот труд в срок, определенный императором, – писал публицист Троймунд Вельп, автор «Петербургских зарисовок», явно находясь под влиянием сочинения маркиза де Кюстина, – потребовались неимоверные усилия. Работы велись во время страшных морозов. Каждый день уносил с собой множество жертв, но на их место тотчас вставали новые борцы с природой, так что потери не были заметны. Меж тем единственной целью стольких жертв было удовлетворение прихоти одного человека!» [51, S.91].

Общим моментом в оценке этого события и либералами, и консерваторами стало сопоставление фигур Петра I и Николая I. Многие наблюдатели проводили параллель между восстановлением Зимнего дворца и строительством Петербурга, который также был воздвигнут вопреки всем природным и климатическим явлениям в кратчайшие сроки и «по воле одного человека, бросившего вызов стихии», ценой «колоссальных человеческих жертв». В связи с этим тема преемственности получила новое, часто полностью противоположное звучание. Так, например, либералы видели преемственность политики русских императоров, прежде всего, в самодержавном произволе и неоправданной, бессмысленной жестокости по отношению к собственному народу, утверждая, что «в России пример Петра Великого оказался пагубным для большинства монархов!» [14, Bd.1, S.51]. Отвечая на подобные нападки, немецкие консерваторы, в свою очередь, вспоминали, что «во все века ничего подлинно великого и колоссального не создавалось без труда, без жертв и крайнего напряжения сил» [46, S.209]. И возведение заново грандиозного дворца, как и возведение веком ранее грандиозного города при аналогичных обстоятельствах, дает современникам доказательство эффективности единоличной формы правления, а также еще один наглядный пример материализации личной воли абсолютного монарха, которого так не достает современной Европе. Многочисленные параллели между двумя самодержавцами дали основание не только немецким либералам, но и консерваторам увидеть в Николае репрезентацию Петра, его истинного наследника и преемника: «Одно столетие лежит между обоими правлениями, столетие периода обучения России. Новое время началось для России со строительством Петербурга, когда святая Москва принесла себя в жертву на алтарь отечества. И теперь Николай может закончить то, что начал Петр Великий» [8, S.409]. Таким образом, «Петербургский» нарратив, превратившись в «миф о столице», окончательно замкнул цепь преемственности между прадедом-основателем города и правнуком-завершителем строительства новой идеальной столицы, символизирующей триумф воли самодержавного правителя и не имеющей аналогов в Европе.

Библиографический список

1. Гагерн Ф.Б. Дневник путешествия по России в 1839 году. В отрывках / Пер. с нем. Н.К. Шильдер //Русская старина. Т.51. №7. СПб: печатня Головина, 1886. С.21–54.
2. Гагерн Ф.Б. Россия и русский двор в 1839 году. Ч.2 / Пер. с нем. Н.К. Шильдер //Русская старина. Т.65. №2. СПб: печатня Головина. 1890. С.321–339; Ч.3//Русская старина. 1891. Т.69. №1. С.1–38.

3. Гаффнер В.В. Три недели в России // Исторический вестник. СПб, 1914. Т.135, №1. С.258–282.
4. Заиченко О.В. „Biedermeier“ и „Vormärz“: Россия как конституирующий «Другой» в период Реставрации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. №32. С.94–122.
5. Заиченко О.В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. №3, май – июнь. С.18–47.
6. Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Вып.2./ Отв. ред. Б.М.Туполев. М., 2001. С.92–110.
7. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2-х тт. / Пер. с фр. В.Мильчиной и И.Стаф. – М: Изд-во имени Сабашниковых, 1996.
8. (Аноним). Die europäische Pentarchie. Leipzig: O. Wigand Verl., 1839. 442 S.
9. (Аноним). Russland im Jahre 1839, wie es der Marquis von Custine träumte oder Briefe über dieses Werk. Leipzig: Theodor Thomas, 1844. 108 S.
10. (Аноним). Tagebuch eines preußischen Offiziers während Seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexandersäule. Berlin: Druck v. Fr.W. Streit, 1836. 184 S.
11. (Аноним). Briefe eines Nordamerikaners aus und über Russland. Mannheim: J.P. Grohe Verl., 1829. 240 S.
12. (Аноним). Die Geheimnisse von St. Petersburg. 3 Bde. Leipzig: G.I. Manz Verl., 1844. 196 S.
13. (Аноним.) Die Preußen als Gäste zu St. Petersburg im Jahre 1834. Liegnitz: Aderholz Verl., 1835. 158 S.
14. (Аноним.) Leben Russlands inneres: Drei und dreißigjährige Erfahrungen eines Deutschen in Russland. 3 Bde. Braunschweig: Verl. V. F.A. Julien, 1846.
15. Arnim C. V. Reise ins Russische Reich im Sommer 1846. 2 Bde. Berlin: Verl. V. Alexander Duncker, 1850. 222 S.
16. Barfus Fr. von. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie. Berlin, Bruxelles: Auguste Wahlen Libraires, 1834. 334 S.
17. Bartold F. W. Alexander Kaiser von Russland. 2 Bde. Leipzig: Bjorkmann Verl., 1829.
18. Becker K. Fr. Weltgeschichte. 7. AuSg./HrSg. von Loebell J.W. 14 Bde. Berlin: Woltmann und K., 1841.
19. Binder W. Peter der Große Alexjewitsch und seine Zeit. Nach den vorzüglichsten Quellen bearbeitet. Reutlingen: Kalbfell-Kurtz, 1844. 336 S.
20. Bismark F.W. v. Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe: Creuzbauer, 1836. 265 S.
21. Brandt H. von. Aus dem Leben des Generals der Infanterie z. D. Dr. Heinrich von Brandt. 3 Bde. Berlin: Verl. Von Alexander Duncker, 1858.
22. Custine A. Russland im Jahre 1839. Bde. 1–4. Leipzig: Theodor Thomas Verl., 1847.
23. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs./Hrsg. Von seiner Tochter Agnes von Gerlach. 2 Bde. Berlin: Hertz Verl., 1891/92.
24. Döring H. Katharina II. Kaiserin von Russland und ihre Zeit. Karlsruhe: Creuzbauer, 1836. 402 S.
25. Ehrenkreutz Fr. Geographisch-statistisch- und historischer Überblick des Kaiserreiches Russland. 2 Bde. Wien, 1939.
26. Gagern F.B. Journal meiner Reise nach Russland im Jahre 1839. // Gagern H. v. Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. 3 Bde. Leipzig und Heidelberg: C. F. Winter, 1856. Bd.2. S.542–600.

СТОЛИЦА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРИИ

27. Giehne Fr. Glossen zu den Schrift über die europäische Pentarchie. Stuttgart: Verl. Der J.G. Cottaschen Buchhandlung, 1840. 270 S.
28. Heine M. Briefe aus St. Petersburg. Leipzig, 1839.
29. Hess E. Meine Reise von München nach St. Petersburg im Jahre 1839. München: M.R. Schuh Verl., 1852. 402 S.
30. Hess M. Die europäische Triarchie. Leipzig: O. Wigand Verl., 1841. 187 S.
31. Jermann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin: Allgemeine Deutsche Verlags-Anstalt, 1852. 282 S.
32. Kohl J.G. Petersburg in Bildern und Skizzen. 2 Bde. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchh., 1841.
33. Labensky X. Ein Wort über Marquis von Custines „Russland im Jahre 1839“. Berlin: Verl. V. Alexander Duncker. 1844. 176 S.
34. Lüdemann W. v. Petersburg wie es ist. Dresden, 1830 (1. Aufl.); Leipzig: Adolph Reimann, 1836 (2. Aufl.) 240 S.
35. Meinzwolf R. Sankt-Petersburger Chronik. München: Ohne Verl., 1849. 128 S.
36. Meyer F. J. L. Petropolis. Russische Denkmäler. In den Jahren 1828 – 1835 gesammelt. 2 Bde. Hamburg: Nestler, 1837. 227 S.
37. Meyer F.I.L. Darstellungen aus Russlands Kaiserstadt und ihrer Umgegend im Sommer 1828. Hamburg: Nestler, 1829. 500 S.
38. Possart P. Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg: Verlagshandlung von Joseph Engelmann, 1842. 250 S.
39. Rechenberg-Linden E. von. West-Europa und Russland in Beziehung auf die Verschiedenheit ihrer Verhältnisse und die gegenwertigen Zeitereignisse. Leipzig: G.A. Reyhers Verl.-Buchh., 1843. 96 S.
40. Rudolphi Ed. Noch etwas über Russland in Beziehung auf Marquis Custine. Leipzig, 1844.
41. Ruge A. Gegenwart und Zukunft Europas. Leipzig: I.J. Weber, 1840. 81 S.
42. Schenkenberg C. v. Die kaiserlich russische Haupt und Residenzstadt St. Petersburg und deren Umgebungen. Leipzig: Verl. von W. Gref, 1839. 324 S.
43. Schlegel H. Reise aus Polen nach St. Petersburg. Erfurt und Gotha: In der Henningischen Buchhandlung, 1818. 282 S.
44. Schlippenbach U. Fr. von. Erinnerungen von einer Reise nach St. Petersburg im Jahre 1814. Hamburg: bey Perthes und Besser, 1818. 256 S.
45. Schneider L. Preußens und Rußlands Genius. Eine Festgabe zur Feier des 1/13 Juli 1842. Berlin: Ohne Verl., 1842. 27 S.
46. Schporschil J. Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig: Verl. V. I. Jakowitz, 1839. 248 S.
47. Schulze A. Ein Jahr aus meinem Leben in St. Petersburg. Nordhausen: Ohne Verl, 1834. 325 S.
48. Tamow F. Briefe aus einer Reise nach St. Petersburg an Freunde geschrieben. Berlin: bei Th. Christ. Friedr. Enslin, 1819. 292 S.
49. Tietz F. Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. 2 Bde. Coburg und Leipzig: Verlag der Dinnerischen Hof-Buchhandlung, 1836. 202 S.
50. Tietz F. Nicolaus I. Kaiser von Russland: Momente aus dem Monarchen Leben. Schwerin, 1831. 56 S.
51. Welp Tr. Petersburger Skizzen. 3 Bde. Leipzig: Verlag vom J. J. Weber, 1842.

И поистине всегда там,
где недостает разумных доводов,
там их заменяет крик,
что не случается с вещами
достоверными. Вот почему мы
скажем, что там, где кричат,
там истинной науки нет,
ибо истина имеет одно
единственное решение,
и когда оно оглашено,
спор прекращается навсегда.
И если спор возникает
снова и снова, то эта наука –
лживая и путаная,
а не возродившаяся достоверность.

Леонардо да Винчи

**Истина – это заблуждение,
которое длилось столетия.
Заблуждение – это истина,
просуществовавшая лишь минуту.**

Карл Людвиг Бёрне

Николай Митрофанов

**ЖИЗНЬ
В МАВЗОЛЯХ
МИФОВ**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
94(3)

Авторский текст состоит из двух частей, находящихся в определенном единстве как фрагменты мифологического характера и объекты пристального внимания многих читающих и пишущих людей. Их интерес понятен, ведь в мировой истории сюжеты и суждения, возникшие из былей и небылиц вокруг Вавилонской башни и библейского Ноева ковчега, отразились с притягательной разнообразностью. Поскольку число интерпретаций, связанных с подобными памятниками и реалиями культуры, растет, автор поставил своей задачей напомнить о пользе достигнутых исследовательских результатов и о специалистах, которые внесли свою лепту в прояснение событий прошлого, в практику археологии, расшифровки древних письмен.

The text consists of two parts that represent a certain unity of fragments of mythological character and points of attraction of the interested public. Such interest is understandable, as through the world history there appeared a fascinating variety of plots and guesses bourn out of facts and tall tales about the Tower of Babel and the biblical Noah's Ark. Since the number of interpretations related to cultural artifacts is growing, the author has set himself the task of recalling the importance of the research results in this area, and paying tribute to the experts who helped clarify the real course of the events of the past, contributed in archeological research and decoding of ancient scripts.

Ключевые слова: Вавилон; Вавилонская башня; Араратские горы; Роберт Колдевей; экспедиции по поиску следов Ноева ковчега; Большой и Малый Арарат, аэрофотосъемки НАТО.

Key words: Babylon; The Tower of Babel; Ararat mountains; Robert Koldewey; expedition to find the tracks of Noah's ark; Greater and Little Ararat, NATO aerial Photography.

E-mail: nikmitrofanov@yandex.ru

Мы и клинопись легенд

Кто-то из газетчиков, а может быть даже из историков, однажды многозначительно произнес в кругу коллег: «Нет такой избитой темы, которую нельзя было бы избить еще раз!» Заинтересованные лица, в чьих фигурах из-за глобального перенаселения всегда недостатка не было, постарались не пустить это откровение в широкую публику. Они сразу догадались: такие отменные, такие вкусные мудрости не для каждого. Пусть любители удивляться разным сенсациям и сюрпризам нисколько не сомневаются в свежести творческих продуктов, возникающих на их пути, сиречь идей, призывов, информации, смелых обобщений и т.п. Привычку видеть во всем только самобытность, несомненную оригинальность и игру немислимых прежде красок все должны хранить как драгоценную черту своей натуры, жаждущей приятных впечатлений от интеллектуальных изысканий ученой и пишущей братии.

Шли годы, сменялись императоры и главари, партии и хуралы. И чем дальше, становилось яснее, как это оказывается сложно обходиться скудным набором сведений, добыча которых все больше зависит от трудолюбия и лавирования между рисками. Капризное существо человек требовал все больше внимания и убедительных пассажей близких к нему наставников и проповедников. И вот тут стало происходить много непредсказуемого и непредвиденного. И в том числе размножение любопытных шустрых говорунов, которым не иначе как бес подсказал, в какую сторону им, неприкаянным, теперь надо податься. Как в шутку утверждал один из остроумнейших артистов кино и театра Лев Дуров, «когда тебе отовсюду напоминают: говори правду, говори правду, так и хочется соврать».

Вавилонский блеф

Один англичанин по имени Майкл Сандерс изучал некие древние тексты, разглядывал результаты космической фотосъемки и пришел к сногшибательному выводу. Оказывается, Вавилонская башня находилась вовсе не в Древней Месопотамии, то есть не в 70 километрах от Багдада – столицы Ирака, а на востоке современной Турции. И ее подножие чуть ли не омывали волны Черного моря [7].

Вот такое удивительное ученое открытие. Может быть, и обрадоваться надо, да почему-то неохота. Вера, что ли, иссякла в современного исследователя? Кстати, именно так был назван в кувейтской газете

«Аш-Шарх аль-Аусан» этот Шлиман-заочник. Странно, почему он скромно умолчал о подробностях своего открытия? А ведь очень хотелось бы прочесть, какие у него под рукою факты, какие аргументы.

Впрочем, в этом ли таится смысл? Тут, скорее, важен принцип. Порадивший всех мистер – несомненно часть корпорации ученых без надлежащего образования, которые предпочитают не распространяться перед темными гражданами о кухне своих талантов. Что характерно, эти следопыты древности особенно успешно эпатируют публику своими выкладками по поводу якобы обнаруженных ими перемещений в пространстве и во времени. А сюжетов с реалистической подоплекой тут хоть отбавляй.

На рубеже веков закрутилась позабытая-позаброшенная карусель «альтернативной хронологии». Стали обвинять в обманах бедолагу Клавдия Птолемея, чья датировка исторических событий будто бы не согласуется с положением звезд. А это значило, что запросто упразднялась история древнего мира. В лучшем случае ее событиям позволялось иметь место в Средних веках. Соглашаясь, что между Клеопатрой, царицей египетской, и римским полководцем Антонием действительно были чрезвычайно большие симпатии, отдельные великодушные «яйцеголовые» все же настаивали, что состоялась эта шекспировская эпопея

Остатки древнего укрепления в аравийской пустыне привлекают туристов как отзвук библейских времен

только при Владимире Мономахе. Бестрепетно «отменялись», даже несмотря ни на что, уцелевшие остатки азиатских цивилизаций (как ни странно, все же торчащие кое-где посреди именно азиатских джунглей и нагорий).

Попутно по той же логике выходило, что Золотая Орда изначально была русским регулярным войском. Хан Батый по одной версии – это нечто вроде Тараса Бульбы, по другой – Ярослав Мудрый и одновременно Иван Калита.

А Хорезм – вовсе и не Хорезм, а

Кострома. Так ее арабы называли на свой манер. Большие претензии есть к Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Наполеону. Утверждается, что и Куликовская битва произошла вовсе не там, где нашли последствия сечи, а на Кулишках, то есть совсем неподалеку от столич-

ного Политехнического музея. Словом, говорят: надо срочно сдвигать хронологическую ось в сторону современности.

На опровержение этой белиберды потратили массу усилий десятки научных авторитетов, замечания которых столпы новой хронологии А.Т.Фоменко и Г.В.Носовский не замечали, в силу чего их анекдотический по сути проект давно успешно существует. О разных гранях этого историографического казуса можно прочесть в критической книге известного историка академика Сигурда Отговича Шмидта (1922–2013) [9, с.38–43].

Вообще-то защищать престиж Вавилонского зиккурата (то есть той самой башни-храма – по-научному) как-то неловко. Уж больно известно это неформальное чудо света, не попавшее в классический набор-семерку и, к прискорбию, не доставшее свою свидетельскую вахту до наших дней. Сколько написано об этом колоссе древности! В частности, и о драматической истории его обнаружения, и о загадках, возникших перед европейскими учеными при его раскопках.

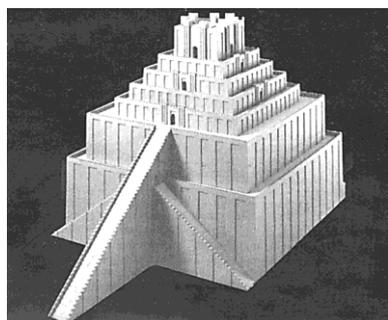
Ныне весьма уместно было бы упомянуть о самой башне и о трудах пионера вавилонской археологии Роберта Колдевея (Koldewey, родился 10 сентября 1855 года в Бланкенбурге (Гарц), умер 4 февраля 1925 года в Берлине). Это он, начав свою деятельность в составе немецкой экспедиции, наткнулся в течение первой же недели на гигантскую городскую стену, на которой и впрямь могли разехаться две колесницы, запряженные четверками лошадей, как утверждал историк Геродот. Вскоре же был открыт и второй, а затем и третий пояса стен Вавилона, которые тоже можно считать чудесами света. Первая стена была шириной 7 метров, вторая – 7,8, третья – 3,3 метра. Тут было 360 башен.

Колдевею принадлежит честь открытия основания Вавилонского зиккурата – Этеменанки («Дома основания Небес и Земли»). Так называли здание древние жители страны, верившие, что на его верхушке живет их всесильный бог Мардук.

Вечность безмолвно застыла
в древнем храме Луксора, известном
по множеству кинофильмов, снятых
режиссерами разных стран

Британец отменно поработал в Вавилоне девятнадцать лет. Он освободил его из тьмы библейских легенд и сделал его реальным фактом. Колдевей хорошо описал башню, воссоздав воображением ее облик. Ученики и последователи мэтра продолжили его дело, прояснив новыми раскопанными богатствами ряд важных моментов истории Вавилона. В XX веке изготовлено несколько макетов вавилонской пирамиды №1.

Вавилонская башня. Макет.
1990-е годы (ФРГ)

Наиболее тщательно выполненный попался мне в одном немецком издании.

Как следует из многолетних изысканий специалистов, Этеменанки вознеслась в центре города Вавилона на 90 метров во времена Хаммурапи – «совершеннейшего из царей» Вавилонии, «грозы четырех стран света, упрочителя славы Вавилона» (он правил им долго – с 1791 по 1749 год до н. э.). Именно в этот период разрушенный Вавилон отстраивается под руководством ассирийского зодчего

Арад-Аххешу и превращается в «пуп» большого царства. Предание говорит, что Хаммурапи повелел выбить на монолите из черного базальта слова: «Смирненным и покорным был он с великими богами» – в знак своей полной приверженности Мардуку, святилище которого на башне он ежедневно посещал. Поскольку сырцовый кирпич, асфальт да пальмовые ветви – материалы весьма нестойкие, а жаркий климат и землетрясения были достаточно постоянны в этом регионе, то и башня постоянно разрушалась и обваливалась. В течение ряда столетий ее неоднократно подновляли, а возможно, строили заново. Царь Новой Вавилонии Навуходоносор, воздвигший великолепный дворец с висячими садами в VI веке до н. э., создавший «дорогу священных процессий», придал и знаменитой башне лоск почитаемого представительного центра вавилонской культуры. Сила Вавилона была беспримерна. Именно во времена этого царя в 597 и 586 годах до н. э. им дважды захватывается Иерусалим. Город подвергается разграблению, храм Иерусалима превращен в развалины. Оба раза большое число иудеев было уведено в плен «к рекам вавилонским» [5].

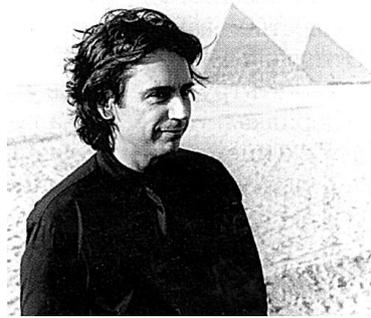
Моления, церемонии встречи нового года были в высшей степени торжественны и блистательны. Но и вне культовых ритуалов главная святыня царства продолжала быть местом благоговейного почитания

жителей. Знали ли они о словах пророка Исаяи, который предсказал гибель их царства, само название которого стало когда-то нарицательным для обозначения роскоши и богатства, греха и разврата? Имя Вавилона в одиозном смысле было закреплено в рассказанной Библией ветхозаветной легенде о строительстве Вавилонской башни и смещении языков тех, кто в нем участвовал [8, с.207]. Пророчество вскоре сбылось: в 538 году до н. э. Вавилон был повержен и на этих землях стали владычествовать персы.

На протяжении многих лет активной работы археологов на землях Ирака сделано много разных открытий. После уточнений определены впечатляющие размеры Этеменанки. Сторона ее основания равнялась 91,55 метра. Последняя ступень – храм Мардука площадью 504 кв. метра (24x21), высотой 15 метров, который был облицован голубым глазурованным кирпичом. Три мощные лестницы позволяли добраться до опоясывающих здание галерей. По их наклонному настилу пилигримы доходили до верхней площадки, откуда перед ними открывался прекрасный обзор.

Может быть, здесь и звучала чаще всего фраза, пережившая впоследствии долгие века, «Бабилу, маркас шамэ у ирситим», что означает: «Вавилон – пуп неба и земли».

В 1960 – 70-х годах археологи Ирака немало сделали для высвобождения из земли развалин Вавилона, приведения их в состояние, пригодное для осмотра туристами. Поговаривали и о масштабной реконструкции крепостных стен, дворцовых построек, висячих садов царицы Семирамиды. Проект был поддержан ООН. Однако военные конфликты, в которых участвовал Ирак, в конечном счете заблокировали возможности поступления инвестиций извне и охладили проявившееся было желание международной общественности способствовать воссозданию Вавилона в его музейном облике достойного качества.

Жан-Мишель Жарр (р.1948) – французский композитор, один из пионеров электронной музыки. Прославился как автор и продюсер грандиозных светомузыкальных постановок, к числу которых принадлежит знаменитое шоу встречи XXI века под Каиром на фоне египетских пирамид

Был ли легендарный небоскреб Востока единственным в своем роде? Нет, в Двуречье существовали и другие подобные семиступенчатые пирамиды. Например, в Агар-Гуфе, в 30 километрах от Багдада. Этот зиккурат иногда принимали за саму Вавилонскую башню. Построенный за 15 веков до н. э., он имел то же храмовое предназначение. Тройная лестница вела в жилище бога. Только размеры были намного меньше – против упомянутого вавилонского квадрата первой террасы здесь 69 на 67 метров. Английский археолог Леонард Вулли раскопал один неплохо сохранившийся зиккурат на юге Вавилонии. Его рисунок внешнего вида памятника совпал с реконструкцией Колдевея. Так что, как выглядело циклопическое сооружение древнего зодчества, увиденное повелителями народов Киром, Дарием, Ксерксом, самим Александром Македонским, намеревавшимся сделать Вавилон столицей своей империи и отстроить в нем еще более роскошную башню, сомнений уже давно нет.

**У пристани имени
дедушки Ноя**

В замечательном берлинском Музее древностей Ближнего Востока образы воспоминаний о Вавилоне и Ассирии, силуэты фактов их истории растворены во множестве экспонатов,

в том числе и в первую очередь воссоздающих обстановку торжественных шествий по дороге, которой следовали некогда паломники, идущие к знаменитой башне, на чьем верху своей таинственной жизнью жил священный храм вавилонского бога Мардука. Поразительные для любого человека, тем более историка, вещие чувства познания древности, всплывающие в сознании людей, пришедших в старый музей германской столицы, по-моему, требуют непременно возобновления, или, как сказали бы теперь, активации. И как жаль, что довелось только однажды войти в мир тех необычайных в высшей степени ощущений, узреть воочию счастливо уцелевшие благодаря археологам раритеты, которые были деталями элитарной обыденности во времена легендарных правителей уникального мегаполиса, навсегда оставшегося героем страниц Библии. Вернувшись после германской командировки, я не раз обращался к помощи специалистов по истории Древнего Востока, перелистывал сохранившиеся конспекты лекций профессоров В.В.Киселевой, читавшей этот курс в Московском историко-архивном институте, С.Л.Утченко – по истории Древнего мира, Ф.А.Коган-Бернштейн – по истории Средних веков.

Фаина Абрамовна жила на Арбате, и провожавшие ее до дома в Трубниковском переулке студенты, случалось, допытывались у нее, каково же было, по ее мнению, влияние массивов разнородных сведений о древнем Вавилоне и Египте на жизнь Европы средневековой, чем они были интересны ее религиозной и светской элитам. Уж больно хотелось нам, восхищавшимся лекциями нашей наставницы, научиться нестандартно проникать в мотивы и специфику движения процессов общественного сознания, динамику развития и обогащения человеческих знаний.

Вавилон дал людям многое. Именно вавилоняне изобрели календарь, семидневную неделю, деление часа на 60 минут, минуты на 60 секунд, астрологию, колесо. А главное – они создали первую в обозримой истории человечества систему письменности, клинопись [4;10]. Вавилонские, халдейские астрономы были пионерами идей, усвоенных потом греками и вслед за ними всеми европейцами. 12 месяцев, созвездия и многие знаки Зодиака получили свои имена и характеристики в Вавилонии. Из вавилонской литературы перешли в Библию и стали частью духовной культуры очень важные содержательные моменты (еще до того как в Месопотамии были найдены и расшифрованы глиняные таблички).

Одна из легенд, легенда о Всемирном потопе, а следовательно, и о Ноевом ковчеге, оказалась удивительно жизнеспособной. В библейской Книге Бытия ее достаточно подробное изложение завершается упоминанием, что построенный Ноем ковчег после семи месяцев скитания остановился «на горах Араратских». Удалив «развращенную» часть человечества с лица земли, Бог дал Ною и трем его сыновьям завет: плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней. Надо отметить библейский факт: после потопа Ной жил еще 350 лет, а всего к моменту его кончины возраст патриарха достиг 950 лет! Как показало время, эта легенда, воспламенившая сознание многих верующих людей и воображение ряда творцов, привлекла целые когорты экстраординарно любознательных. Кому удавалось узнать, что такое Араратские горы, те загорались стремлением использовать свои шансы и добраться до истины, обнаружить следы легендарного корабля. Они не могли взять в толк, что весть из священной книги может оказаться на поверку лишь художественным отражением древнего вымысла, как это ни огорчительно. Может быть, от веры во все, написанное в священных книгах, и включается с незапамятных времен загадочный механизм уверенности, что сам человек – существо из плоти и крови – вполне в

состоянии встретить в реальности вещественные свидетельства чуда, сенсации, откровения и т. д.

Аралатские горы – этот массив вулканического происхождения в Восточной Турции – протянулся на несколько десятков километров. Он приподнят на тысячу, а кое-где и на полторы тысячи метров над уровнем моря, по сей день его плоскогорья и склоны заняты, в основном, пастбищами. Над ним высятся два пика – Большой (5165 м) и Малый (3896 м) Арарат. Названия этих гор связаны с древним государством Урарту, существовавшим в этих местах вокруг озера Ван в верховьях реки Тигр за тысячу с лишним лет до нашей эры и неоднократно упоминаемым в ассиро-вавилонских источниках. Тут стоит отметить, что в наше время археологи и лингвисты завершили составление ассиро-вавилонского Словаря (28 тысяч слов). Языковые «раскопки» и анализ материалов заняли 90 лет! Уникальный труд, начатый в 1921 году, дал специалистам необычайные возможности познания древней жизни человечества. Не исключено, что с помощью этого словаря удастся подойти к непознанным еще тропинкам расшифровки некоторых древних загадок. Впрочем, может быть, ничего подобного ученому миру и не светит...

Древние персидские легенды гласили, что горы Араратские были родиной первых людей, а значит, и библейский Эдем находился тут же – поблизости от нынешнего ирано-азербайджанского города Тебриза. Тщательно изучавший древнюю географию Ближнего Востока оксфордский историк Давид Ролл пришел к выводу, что из Рая, как говорит Библия, вытекали четыре реки. Две историк сразу определил как Тигр и Евфрат, третью он посчитал рекой Араз (Арас), а название четвертой решил отдать богатой золотым песком реке Тебриз в иранском Азербайджане. На этом основании историк сделал вывод: Рай был в долине Тебриза. Любопытно, что две тысячи лет назад знаменитый еврейский историк и военачальник Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100 г. н. э.) писал, что население этих мест показывает путникам остатки Ноева ковчега. При этом, ссылаясь на халдейского историка Берозуса, он конкретно указывал, что пришельцам удавалось разжиться кусочками раскрошившейся обшивки судна, которые они превращали в амулеты. По слухам, части ковчега по прошествии значительного периода времени все еще находились там, где он причалил. Это известие дошло до нас тоже от самого Иосифа Флавия, который бесспорно любил подробности, но, очевидно, не видел тормозящей разницы между заслуживающими доверия источниками и современными ему байками.

За туманными намеками Флавия, явно не бывавшего в упоминаемых горных местностях, между прочим, укрывалась завлекательная информация. С давних времен добровольцы-путешественники добирались до места у некой деревни Узенгли, где их взорам открывалась на высоте около 1,5 тысяч метров неправдоподобная впадина или вмятина в теле горы. Взмолвленные путники в разные времена склонялись к мнению, что это, наверное, и есть искомый след от Ноева корабля. Впоследствии американские ученые, которые будут разглядывать на снимках натовских фотографов это обширное углубление, даже назовут его «кораблеобразной вмятиной». Стоявший у истоков распространения по свету этой стариннейшей молвы Иосиф Флавий, как видим, по-своему тоже присоединился к сторонникам «кораблеобразной» версии.

Христианские ученые указали, что ковчег не может находиться на вершине ни Большого, ни Малого Аарата, потому что два этих пика поднялись в ходе вулканических процессов и точно намного позднее так называемого Потопа [1].

А теперь вдумайтесь: разве познания этих сенсационных откровений могли происходить без конфликтов? Разве не последовали к таинственным ааратским местам толпы озабоченных спецов? И что из этого следовало, насколько в результате прояснилось дело? Можно ли было с чистой совестью утверждать, что некий корабль поднялся на бурных волнах Потопа на библейскую высоту и сохранил при посредстве мудрого Ноя жизнь на земле?

Первым оказался Иоганн Яков фон Паррот, который в сентябре 1829 года двинулся по каменистой стезе познания. За ним поспешили другие, снедаемые жаждой найти вещественные доказательства того, что здесь действительно бывал упомянутый библейский персонаж. Самым резонансным оказалось мнение одного турецкого капитана. Он изучил снимки, сделанные на этом месте географическим отделением

На руинах знаменитого Колизея.
Фото Б.Клепиницера (ТАСС)

НАТО, и возвестил, что ему безусловно ясно: он видит «кораблеобразную» вмятину. Конечно, известие было не совсем свежим, сформулированным многими подвижниками араратских маршрутов, которые верили, что только на них снизошла благодать высшей истины. В 1970 году журнал «Лайф» инициировал экспедицию, в которой были трое ученых из Штатов во главе с Артуром Бранденбургером, известным специалистом по фотограмметрии. Тот без тени сомнения заявил: «Вмятина сделана кораблем. За всю мою жизнь я не видел ничего подобного. Даже приблизительная длина объекта соответствует размерам очень большого корабля». Как можно было в этом усомниться?

Спутники Бранденбургера оказались, к счастью, менее доверчивы. Они изучали «вмятину» очень тщательно, решили поковыряться в земле, взорвали несколько динамитных шашек, перебрали выброшенный грунт и пришли к выводу, что объект (вмятина) – всего лишь «необычная геологическая формация». Один из участников экспедиции Рекс Ноорберген потом напишет книгу «Файл "Ковчег"». Что это за сочинение – у нас никто не знает, волонтеров-переводчиков не нашлось. На этом, казалось бы, истории с поисками могли прекратиться. Но нет, сомневающимся опять оказалось много!

Один из них, Рон Вайатт, на протяжении 15 лет – с 1987 по 2002 год – решал задачу «исследовательского бурения», чтобы найти что-то вещественное на территории обнаруженной природной аномалии. Его выводы заняли много страниц. Но главное, что он обнаружил какие-то металлические зерна и другие следы, после чего оповестил американское ученое сообщество: место действительно представляет собой засыпанные лавой и землей остатки Ноева ковчега [6]. «Ученые» результаты Вайатта пришлось кстати: турецкие власти «перепроверили» их и, убедившись в их полезности для бизнеса, построили на подходящем участке туристический центр, назвав его «Парк Ноева Ковчега». Это заведение функционирует доныне.

А потом – снова здорово. Прибыли оппоненты нашего Ливингстона и пошли по кругу. Их вердикт был неутешителен: выводы мистера Вайатта до чрезвычайности сомнительны. Сами они сошлись во мнении: впадина всего-навсего причудливое геологическое образование.

Не обошлось в этом соревновании умов и без российского участия. Наша экспедиция прошла по западному склону Арарата в 2004 году. Но ничего особенного не встретила. Тут бы и сказке конец. Ан, нет!

В 2006 году появились новые энтузиасты поиска следов ковчега. Некий Порчер Тэйлор, ассистент «Школы продолжающихся исследова-

ний», которая существует при Ричмондском университете, объявил, что он увидел в проблеме новые нюансы, опираясь на снимки спутника «Квик бёрд» и рассекреченные фотоматериалы американских ВВС. Новый следопыт стал объяснять, почему его все-таки заинтересовала аномалия, многократно зафиксированная предшественниками. Конечно, здесь были сказаны нужные слова о собственной персоне и ее авторитете среди гуру специальной аналитической службы Национального управления стратегической безопасности США. По Тэйлору выходило, что причаливший к горам араратским ковчег мог быть «поистине библейских размеров». Коллега Тэйлора Род Франц взял на себя труд определенно сказать – да, это было несомненно судно. Такой «аналитический взгляд», кажется, многих устроил. Но вдруг «соавтор» по открытию взял да и уточнил слова Тэйлора о «поистине библейских размерах». Род Франц добавил, что аномалия, которая представлена им как место пристани ковчега, имеет протяженность более 300 метров. А это ведь значительно превосходит размеры легендарного «Титаника»! Получается, что сюда запросто мог бы пришвартоваться самый крупный современный авианосец.

Мог ли труженик сухопутья построить этакий линкор в библейские времена? Конечно, не мог. Знатоки дела библейских толкований, как видим, не хотят расставаться со своим привычным занятием. Здесь пришла пора сказать о тех скромных параметрах изделия, которое должно было появиться на верфи дедушки Ноя. Будущему капитану Господь Бог назвал точные размеры, предписав построить трехпалубный ковчег для спасения семьи и отобранных животных из дерева гофер, похожего на сосну, а также из ливанского кедра или кипариса, весьма ходовых в древности. Длина ковчега составляла 300 локтей (113,5 метров), ширина – 50 локтей (22,5 м), высота – 30 локтей (13,35 м).

В кругах богословских сошлись во мнении, что ковчег не был построен в виде корабля. Скорее, он напоминал четырехугольный дом с дверью сбоку. Объем его мог достигать 3,6 млн футов, что позволяло уместить в нем 7000 видов животных с запасом пищи на год. Для опровержений разных сомнений на данный счет один богач по имени Петр Янсен в 1609 году построил ковчег, который по внешнему виду, возможно, был близок к тому, что позже изобразил знаменитый французский художник-иллюстратор Гюстав Доре (1833–1883) на своей гравюре «Ноев ковчег», издавна печатаемой в библиях и библейских словарях [2; 3].

* * *

... И вот он подоспел – последний, по-своему удивительный штрих к неторопливо дрящимся историям мифологических эпопей. В мае 2017 года некие удачливые исследователи (никаких имен и названий учреждений в прессе не упоминается) вышли на публику с небывалым заявлением: Ноев ковчег найден!! Новые гиганты поисков утверждали, что они на 99,9% могут утверждать: находка на горе Арарат станет сенсацией не только в мире науки, а и религии. Сообщившая об этом LIGAnews ссылалась в Интернете на некий украинский портал, который якобы отметил, что один из членов международной (!!) поисковой группы рассказал: им удалось обнаружить крупную деревянную конструкцию под слоем вулканического пепла на высоте 400 метров над уровнем моря, возраст находки – 4800 лет. Для креплений восьмидюймовых досок древние строители использовали деревянные шипы (как же их ущупали, когда саму конструкцию никому не показали?). И вообще, знал ли восторженный информатор, что в дюйме 2,54 см, догадывался ли, что его доски – это настоящие бревна толщиной более 20 сантиметров?!

Ну что ж, придется и эти бревна, подсунутые к нашим глазам, со смехом не замечать.

Библиографический список

1. Баландин Р.К. Тайны всемирного потопы. М.: Вече. 2003. 360 с.
2. Библиейская энциклопедия. Торонто, 1980.
3. Библиейский словарь. М.: Терра. 1991.
4. Варга Д. Древний Восток. У начал истории письменности. Будапешт: Корвина. 1985. 165 с.
5. Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М.: Издательство восточной литературы. 1963. 387 с.
6. Знание-сила. 2006. №9.
7. Информационный вестник ИТАР-ТАСС. Июль 2017.
8. Левин И. Вавилон / Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. 1987. Т.1. С.206–207.
9. Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного исторического сознания. М.: Наука. 2005. С.16–53.
10. Штоль Г. Боги и гиганты. М.: Наука. 1971. 445 с.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2017 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С. Е. Перезагрузка с обратным знаком. №3. С.6

Федорченко С. Н. К истории развития политических технологий в России. №4. С.6

Геоглобалистика

Александров О. Б. Российский подход к освоению Арктики: история и геополитика. №4. С.34

Алешковский И. А., Бочарова З. С. Беженцы: становление и эволюция статуса и развитие системы защиты. №2. С.6

Бялый Ю. В. Что происходит с мировой экономикой? №1. С.6

Дегоев В. В. Кавказ в XX веке. Итоги, уроки, намеки истории. №6. С.6

Марьина В. В. СССР – Словакия. Первый опыт дипломатических отношений. (1939–1941 годы). №6. С.32

Ресурсы нации

Лупанова Е. М. По следам отшумевших юбилеев. Развитие исторической памяти о М.В.Ломоносове. №3. С.68

Ярлыки и мифы

Корнеев В. В., Козлов Я. В. О финансовой стороне издания газеты «Правда» (март–май 1917 г.). №5. С.42

Ранчин А. М. «Повесть о Дракуле» и представления о добродетельном и «злом» государе в древнерусской книжности. №2. С.94; №3. С.88

Заиченко О. В. Столица как репрезентация империи и мифа о «самодержце-реформаторе». №6. С.144

Национальная доктрина

Исхаков С. М. «Мы работаем не только на благо всего мусульманского мира, но и всего человечества»: Мусульманское движение в Евразии в 1917 году. №5. С.6

Суханова Н. И. Что есть благо Отечества? Размышляя над страницами недавно изданной книги. №3. С.50

Современные утопии

Печатнов В. В. Традиционные ценности и их противники. №1. С.24

Россия в мире

Егоров А. Н. «...прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное». Евразийство в оценках русской эмиграции 1920–30-х гг. №6. С.56

Заиченко О. В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности»: Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны. №3. С.18

Розенталь И. С. «Браво, "старый" Вольский!» Письма А.В.Руманова Н.Валентинову (Н.В.Вольскому). 1947–1960 годы. №1. С.48

Европейские параллели

Келлер А. В. Терминология российского городского ремесла XVIII–XIX веков. №3. С.100; №4. С.126

Пути духовных исканий

Наумов О. Н. Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского

дворянства. №5. С.72

Юрганов А. Л. Первая мировая война и кризис русского модернизма. №1. С.76; №2. С.30

Страницы истории

Волков В. В. Русский рабочий в преддверии революции. Формирование пролетариата России во второй половине XIX – начале XX века. №6. С.72

Жбанкова Е. В. «Художественная пропаганда коммунистических идей...» Государственная политика России в сфере искусства первых постреволюционных лет. №2. С.76

Жбанкова Е. В. «Напряженная динамика эпохи»: танец – особая форма идеологического и физического воспитания первых послереволюционных лет. №5. С.148

Журавлев В. В. Революционные эпохи в контексте личного интереса. К столетию великой российской революции 1917 года. №3. С.126

Кириллов В. Л. Елизаветградское дело 1869 года. К вопросу о терроризме и радикализме в русском революционном движении конца 1860-х годов. №2. С.56

Киселев М. А. «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны. №5. С.98

Костырченко Г. В. Брежнев и еврейский вопрос. №4. С.102; №5. С.118

Любин В. П. «Неизвестная» конференция. Англо-американская дипломатия накануне Ялты. №3. С.146

Наумов О. Н. Генеалогия и вызовы XXI века. №1. С.106

Савин А. И., Деннингхаус В. «Письма во власть» как модус религиозного диссидентства в брежневскую эпоху. №6. С.118

Савина Т. В. «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов. №6. С.104

Сушков А. В. Десять месяцев Абрама Столяра: свердловское руководство в политических водоворотах 1937–1938 годов. №1. С.130

Фаизов А. В. Организационная структура Сената в 1730–1741 гг. №4. С.56

Хайлова Н. Б. «Лучшее средство избежать революции – это ее совершить»: по страницам дневника князя В.М.Голицына. №4. С. 82

Актуальный архив

Киянская О. И., Фельдман Д. М. «Вся моя сознательная жизнь принадлежала Партии и Родине...»: письмо журналиста А.Н.Гарри И.В.Сталину. №4. С.156

Лазарева Л. Н. Московская повседневность весны 1952 года: впечатления зарубежных гостей. №2. С.124

Митрофанов Н.Н. Гибель Духонина. №4. С.140

Ненароков А.П. «Сибирские марксисты» об экзамене революцией 1905 года. №2. С.154; №3. С.168; №4. С.164

Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников. №1. С.160

Филиппова Т.А. «... Для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя...»: женские образы революции 1917 года в отечественной журнальной сатире. №5. С.170

Редакционная почта

Митрофанов Н. Н. Жизнь в мавзолеях мифов. №6. С.176

THE LIST OF ALL PUBLISHED MATERIALS IN 2017

Theory and Practice of the Political Games

Fedorchenko S. To the History of Development of Political Technologies in Russia. №4. P.6

Kurginyan S. Reset with the Sign Reversed. №3. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Aleksandrov O. The Russian Approach to the Development of the Arctic: History and Geopolitics. №4. P.34

Aleshkovskiy I., Bocharova Z. Refugees. Formation and Evolution of the Status and Development System of Protection. №2. P.6

Byaly Yu. What's Going Down with the World Economy? №1. P.6

Degoev V. The Caucasus in the XXth Century: Lessons and Hints of History. №6. P.6

Mar'ina V. USSR – Slovakia. First Experience of Diplomatic Relations (1939–1941). №6. P.32

Resources of Nation

Lupanova E. In the Wake of Jubilees that Have Faded away. Development of Historical Memory about M.V.Lomonosov. №3. P.68

Labels and Myths

Korneev V., Kozlov Ya. On Financial Aspect of "The Pravda" Newspaper Publishing (March–May 1917). №5. P.42

Ranchin A. "Story of Dracula" and Ideas of Virtuous, Good and "Evil" Prince in the Old Russian Booklore. №2. P.94; №3. P.88

Zaichenko O. Capital as Representation of the Empire and the Myth "about the Self-Reformer". №6. P.144

National Doctrine

Iskhakov S. "We are Working not only for all Muslim World Sake but for Sake of all Humankind". №5. P.6

Sukhanova N. What is the Fatherland's Weal? Pondering over Pages of a Recently Published Book. №3. P.50

Modern Utopia

Pechatnov V.V. Traditonal Values and Their Opponents. №1. P.24

Russia in the World

Egorov A. "First and Foremost, an Emotional, Not Intellectual Direction": Eurasianism in the Eyes of Russian Emigres in the 1920s and 1930s. №6. P.56

Rosental' I. "Bravo, "old" Volski!" A.V.Rumanov's Letters to N.Valentinov (N.V.Volski), 1947–1960. №1. P.48

Zaichenko O. "Barbarian at the Gates" or "the Guarantor of the European Security": Russia in the German Foreign Policy Discourse on the Eve of the Crimean War. №3. P.18

European Parallels

Keller A. The Terminology of the Russian Urban Crafts in 18th and 19th Centuries. №3. P.100; №4. P.126

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Naumov O. *October, 1917, and the Genealogic Culture of the Russian Gentry*. №5. P.72

Yurganov A. *WWI and Crisis of the Russian Modernism*. №1. P.76; №2. P.30

Pages of History

Faizov A. *Organizational Structure of the Senate in 1730–1741*. №4. P.56

Khailova N. *"The Best Way to Evade Revolution is to Carry it out..."*. Flipping through Pages of Prince V.M.Golitsyn's Diary. №4. P.82

Kirillov V. *"The Yelysavetgrad affair" (1869): on terrorism and radicalism in Russian revolutionary movement in the late 1860s*. №2. P.56

Kiselev M. *"According to Rights of the Entire World". Legitimation of the 1741 Palace Coup and the Problem of Elizabeth Petrovna Accession's Legality*. №5. P.98

Kostyrchenko G. *Brezhnev and the Jewish Question*. №4. P.82; №5. P.118

Lyubin V. *"Unknown" conference. Anglo-American diplomacy on the eve of Yalta*. №3. P.146

Naumov O. *Genealogy and the Challenges of the XXI century*. №1. P.106

Savin A., Donninghaus V. *"Letters to power" as a Modus of Religious Dissidence in the Brezhnev Era*. №6. P.170

Savina T. *"Proletarii" and "burjui": foreign borrowings in political vocabulary in peasants' "letters to power" in the 1920s*. №6. P.104

Sushkov A. *Abram Stoljar's Ten Months: the Sverdlovsk Region Leadership in Political Vortexes of 1937–1938*. №1. P.130

Volkov V. *Russian Worker on the Eve of the Revolution. Formation of the Proletariat of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries*. №6. P.72

Zhbankova E. *The implementation of state policy in the field of performing arts in the early years of the Soviet Russia*. №2. P.76

Zhbankova E. *"The Strung-up Dynamics of the Epoch": the Dance as a Peculiar Form of Ideological and Physical Education of the First Post-Revolutionary Years*. №5. P.148

Zhuravlev V. *Revolutionary Epochs in the Context of Personal interest. To the Centennial of Great October Russian Revolution of 1917*. №3. P.126

Topical Archive

Filippova T. *"For "Great Russia" Only Four Nails are Needed...": Female Images of the 1917 Revolution in Domestic Journalistic Satire...* №5. P.170

Kiyanskaya O., Fel'dman D. *"All My Conscious Life Belongs to the Party and the Motherland..."*. A.N.Garry' Letter to I.V.Stalin.. №4. P.156

Lazareva L. *The Everyday Life of Moscow Spring of 1952. Impressions of Foreign Guests*. №2. P.124

Mitrofanov N. *The Death of Dukhonin*. №4. P.140

Nenarokov A. *Siberian Marxists on Examination Provided by the Revolution of 1905*. №2. P.154; №3. P.168; №4. P.164

Repnikov A. *1917 Mirrored by the Satire, Diaries and Contemporaries' Reminiscences*. №1. P.160

Readers' Letters

Mitrofanov N. *Life in the Mausoleums of Myths*. №6. P.176

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс 39363 – по объединенному каталогу
«Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12 e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 3 адресам:
3-й проезд Марьиной Рощи, д.40, стр.1. тел.8-499-685-15-75;
ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2017.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru <http://www.russia-21.ru>
Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №
Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

Наши авторы

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Марьина Валентина Владимировна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Егоров Андрей Николаевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета

Волков Вячеслав Викторович

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного института (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В.Хрулева

Савина Татьяна Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета

Савин Андрей Иванович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН

Виктор Деннингхаус

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора НОРДОСТ-ИНСТИТУТА (Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе)

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Митрофанов Николай Николаевич

кандидат исторических наук, член редколлегии Московской энциклопедии, действительный член Академии русской словесности

Our authors

Degoev Vladimir Vladimirovich

D.Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations-University

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D. Sci., historian, Professor, the Chief researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Egorov Andrey Nikolaevich

D. Sci. in history, Head of the Department of History and Philosophy of the Humanitarian Institute of Cherepovets State University

Volkov Vyacheslav Viktorovich

Ph. D. in philosophy, Associate Professor, senior lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Military Institute (Railway Troops and Military Communications), the Military Academy of Material and Technical Support named after A.V.Khrulev

Savina Tat'iana Vyacheslavovna

Ph. D. in philology, Associate Professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University

Savin Andrey Ivanovich

Ph. D. in history, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Donninghaus Viktor

D. Sci. in history, Professor, Deputy Director of the Nord-Ost Institute (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa e. V.), Luneburg, Germany

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D. in history, Senior specialist of the Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

Mitrofanov Nikolay Nikolaevich

Ph.D., historian, associate editor of the Moscow encyclopedia, full member of the Academy of Russian Literature

6. 2017 november-december

Geopolitics and International Policy Issues

Vladimir Degoev

The Caucasus in the XXth Century: Lessons and Hints of History _____ 6

Valentina Mar'ina

USSR – Slovakia. First Experience of Diplomatic Relations (1939–1941) _____ 32

Russia in the World

Andrey Egorov

“First and Foremost, an Emotional, Not Intellectual Direction”: Eurasianism in the Eyes of Russian Emigres in the 1920s and 1930s _____ 56

Pages of History

Vyacheslav Volkov

Russian Worker on the Eve of the Revolution. Formation of the Proletariat of Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries _____ 72

Tat'iana Savina

“Proletarii” and “Bourjui”: Foreign Borrowings in Political Vocabulary in Peasants' “Letters to Power” in the 1920s _____ 104

Andrey Savin, Victor Donninghaus

“Letters to Pover” as a Modus of Religious Dissidence in the Brezhnev Era _____ 118

Labels and Myths

Ol'ga Zaichenko

Capital as representation
of the empire and the myth
“about the self-reformer”» _____ **144**

Readers' Letters

Nikolay Mitrofanov

Life in the mausoleums of myths ____ **176**

РОССИЯ XXI